

БИТВА ЗА РИМ

Грандиозная...
Монументальная...
любое из обычных
в таких случаях
прилагательных
кажется слишком
вялой характеристикой,
неспособной определить
масштаб созданной
госпожой Маккалоу
исторической саги.

Atlanta Journal-Constitution

КОЛИН
МАККАЛОУ

ВЛАДЫКИ
РИМА

Владыки Рима

Колин Маккалоу

Битва за Рим

«Азбука-Аттикус»

1991

УДК 821.111
ББК 84(8Авс)-44

Маккалоу К.

Битва за Рим / К. Маккалоу — «Азбука-Аттикус»,
1991 — (Владыки Рима)

ISBN 978-5-389-16092-7

«Битва за Рим» – второй из цикла романов Колин Маккалоу «Владыки Рима», впервые опубликованный в 1991 году (под названием «The Grass Crown»). Последние десятилетия существования Римской республики. Далеко за ее пределами чеканный шаг легионов Рима колеблет устои великих государств и повергает во прах их еще недавно могущественных правителей. Но и в границах самой Республики неспокойно: внутренние раздоры и восстания грозят подрвать политическую стабильность. Старейший и больной Гай Марий, прославленный покоритель Германии и Нумидии, с нетерпением ожидает предсказанного многие годы назад беспрецедентного в истории Рима седьмого консульского срока. Марий готов ступить по головам, ведь заполучить вожака возмущения возможно, лишь обойдя беспринципных честолюбцев и интриганов новой формации. Но долгожданный триумф грозит конфронтацией с новым и едва ли не самым опасным соперником – пылающим жаждой власти Луцием Корнелием Суллой, некогда правой рукой Гая Мария.

УДК 821.111
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-16092-7

© Маккалоу К., 1991
© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

К читателю	9
Главные герои	10
Часть первая	12
Часть вторая	99
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Колин Маккалоу

Битва за Рим

Colleen McCullough
THE GRASS CROWN

Copyright © 1991 by Colleen McCullough

All rights reserved

Published by arrangement with William Morrow, an imprint of HarperCollins Publishers.

thebigbook.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Серия «The Big Book. Исторический роман»

Перевод с английского Аркадия Кабалкина (части I–V, X), Ольги Вольфцун (части VI, VII), Анастасии Гамалей (части VIII, IX), Татьяны Шушлебиной (словарь-гlossарий)

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Иллюстрации Колин Маккалоу

Карты выполнены Еленой Ивановой

© А. Ю. Кабалкин, перевод, 2018

© О. В. Вольфцун, перевод, 2018

© А. С. Гамалей, перевод, 2018

© Т. А. Шушлебина, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Фрэнку Эспозито – с любовью, благодарностью, восхищением, уважением

К читателю

Для того чтобы мир Древнего Рима стал более понятным, в книгу включены карты и иллюстрации. В конце романа вы найдете словарь-гlossарий, в котором даны переводы некоторых латинских терминов и объяснение незнакомых слов и понятий, а также более подробные сведения о тех из них, смысл которых был ясен из текста. Приведены современные названия географических объектов, упомянутых в книге.

Главные герои

Цепионы:

Квинт Сервилий Цепион

Ливия Друза, его жена (сестра Марка Ливия Друза)

Квинт Сервилий Цепион-младший, его сын

Сервилия Старшая, его старшая дочь

Сервилия Младшая (Лилла), его младшая дочь

Квинт Сервилий Цепион (консул в 106 г. до н. э.), его отец, связываемый молвой с золотом Толозы

Сервилия Цепиона, его сестра

Цезари:

Гай Юлий Цезарь

Аврелия, его жена (дочь Рутилии, племянница Публия Рутилия Руфа)

Гай Юлий Цезарь-младший, его сын

Юлия Старшая (Лия), его старшая дочь

Юлия Младшая (Ю-ю), его младшая дочь

Гай Юлий Цезарь, его отец

Юлия, его сестра

Юлилла, его сестра

Секст Юлий Цезарь, его старший брат

Клавдия, жена Секста Юлия Цезаря

Друзы:

Марк Ливий Друз

Сервилия, его жена (сестра Цепиона)

Марк Ливий Друз Нерон Клавдиан, его приемный сын

Корнелия Сципиона, его мать

Ливия Друза, его сестра (жена Цепиона)

Мамерк Эмилий Лепид Ливиан, его брат, воспитывался в другой семье

Марии:

Гай Марий

Юлия, его жена (сестра Гая Юлия Цезаря)

Гай Марий-младший, его сын

Метеллы:

Квинт Цецилий Метелл Пий (Свиненок)

Квинт Цецилий Метелл Нумидийский (Свин, его отец, консул в 109 г., цензор в 102 г.)

Помпеи:

Гней Помпей Страбон

Гней Помпей-младший, его сын

Квинт Помпей Руф, его дальний родич

Рутилий Руф:

Публий Рутилий Руф (консул в 105 г.)

Скавры:

Марк Эмилий Скавр, принцепс сената (консул в 115 г., цензор в 109 г.)

Цецилия Метелла Далматика, его вторая жена

Суллы:

Луций Корнелий Сулла

Юлилла, его первая жена (сестра Гая Юлия Цезаря)

Элия, его вторая жена

Луций Корнелий Сулла-младший, его сын от Юлиллы

Корнелия Сулла, его дочь от Юлиллы

Вифиния:

Никомед II, царь Вифинии

Никомед III, его старший сын, царь Вифинии

Сократ, его младший сын

Понт:

Митридат VI Евпатор, царь Понта

Лаодика, его сестра и жена, первая царица Понта (умерла в 99 г.)

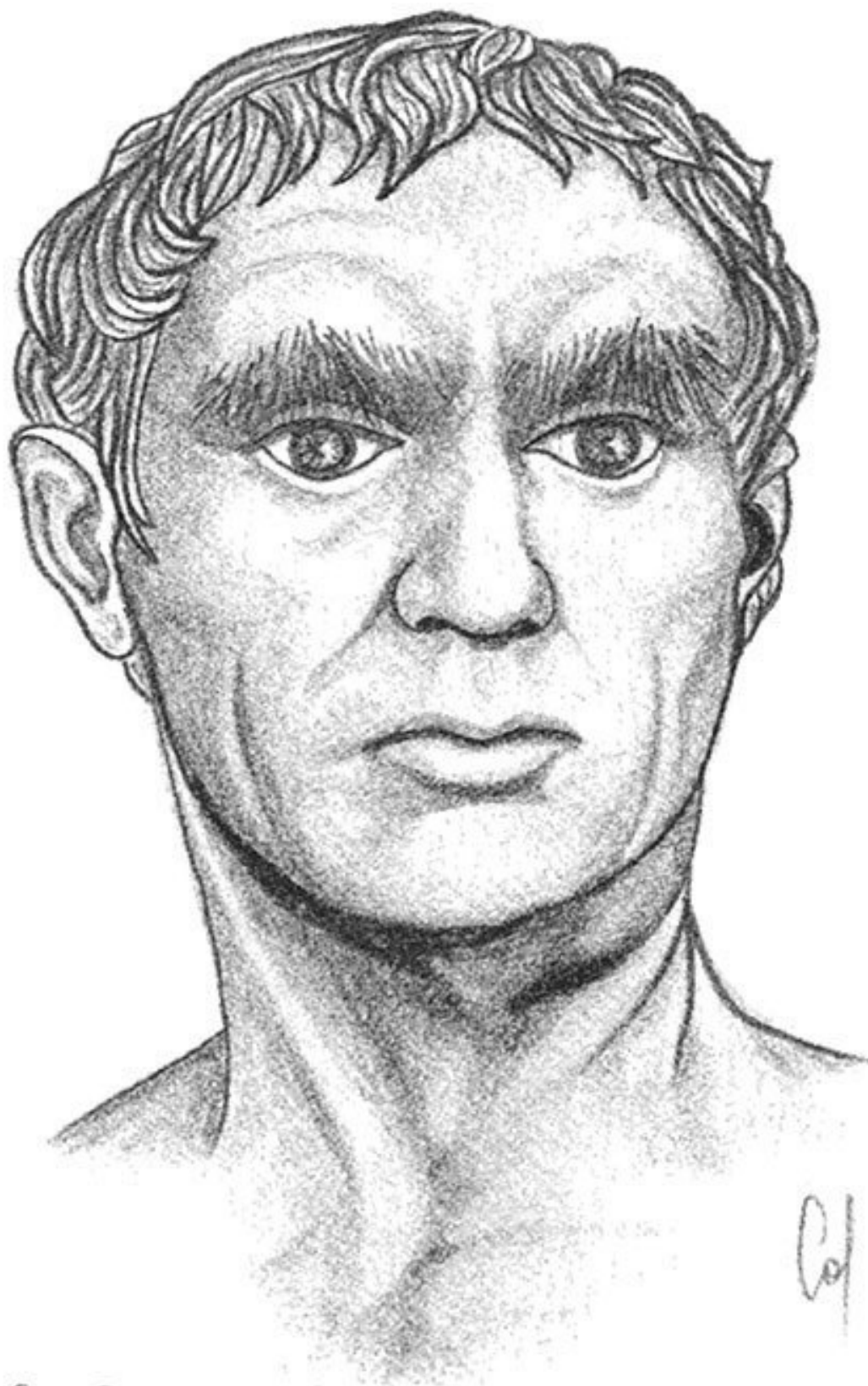
Низа, его жена, вторая царица Понта (дочь каппадокийца Гордия)

Ариарат VII Филометор, его племянник, царь Каппадокии

Ариарат VIII Евсевий Филопатор, сын Ариарата VII, царь Каппадокии

Ариарат X, сын Ариарата VIII, царь Каппадокии

Часть первая

GAIUS MARIUS

– Самое примечательное событие за последний год и три месяца, – сказал Гай Марий, – это выступление слона, которого показывал Гай Клавдий на *ludi Romani*.

Лицо Элии вспыхнуло.

– Не правда ли, чудесно? – воскликнула она, потянувшись к блюду с крупными зелеными оливками, доставленными из Дальней Испании. – Ведь он умеет не только стоять, но и ходить на задних ногах. А танцует – на всех четырех! Еще он сидит на кушетке и ест хоботом!

Окинув супругу презрительным взглядом, Луций Корнелий Сулла холодно произнес:

– Почему людей всегда так восхищает, когда животные подражают человеку? Слон – благороднейшее творение природы. Зверь, представленный Гаем Клавдием Пульхром, кажется мне двойной пародией: и на человека, и на слона.

Последовавшая за этими словами пауза, несмотря на малую продолжительность, успела смутить всех присутствующих. Положение спасла Юлия: ее веселый смех отвлек внимание от злосчастной Элии.

– Что ты говоришь, Луций Корнелий! Он покори́л всех, кто его видел! – пропела она. – Меня, к примеру, – совершенно! До чего умен, до чего деловит! А уж когда он поднял хобот и затрубил под барабан – о, это было просто чудо! К тому же, – добавила она, – ему никто не причинял боли.

– А мне понравился его цвет, – заявила Аврелия, которая тоже решила поддержать разговор. – Он такой розовый!

Луций Корнелий Сулла проигнорировал эти речи: опершись на локоть, он завел беседу с Публием Рутилием Руфом.

Погрустневшая Юлия вздохнула.

– Полагаю, Гай Марий, – обратилась она к мужу, – нам, женщинам, пора удалиться, чтобы вы, мужчины, могли вволю насладиться вином. Примите наши извинения.

Марий протянул руку над узким столом, отделявшим его ложе от стула Юлии. Она с теплотой прикоснулась к ладони мужа, заставляя себя не печалиться при виде его кривой улыбки. Столько времени минуло с тех пор, однако лицо Мария все еще несло следы коварного удара, который хватил его так некстати. Кое в чем она, как преданная и любящая жена, не могла признать даже самой себе: после удара разум Гая Мария уже не был таким кристально-ясным, как прежде. Теперь он легко выходил из себя, придавал преувеличенное значение малейшим признакам неуважения (хотя зачастую они существовали исключительно в его воображении), стал более жесток к недругам.

Юлия поднялась, отняв у Мария руку с особенной улыбкой, предназначенной ему одному, и обняла Элию за плечи:

– Пойдем, дорогая, побудем в детской.

Элия встала. Аврелия последовала ее примеру. Трое мужчин прервали беседу в ожидании ухода женщин. Повинуясь жесту Мария, слуги проворно вынесли из столовой освободившиеся стулья и тоже удалились. В зале оставались только три ложа, составленные буквой П.

Чтобы удобнее было беседовать, Сулла переместился с места, которое занимал возле Мария, на свободное третье ложе напротив Рутилия Руфа. Теперь все трое хорошо видели друг друга.

– Итак, Свин возвращается домой, – произнес Луций Корнелий Сулла, удостоверившись, что постылая вторая жена его не слышит.

Марий беспокойно шевельнулся на среднем ложе, хмурясь, но не столь зловеще, как прежде, когда паралич превращал левую половину его лица в посмертную маску.

– Какой ответ тебе хотелось бы услышать, Луций Корнелий? – спросил он наконец.

Сулла усмехнулся:

– Конечно честный. Впрочем, заметь, Гай Марий, в моих словах не содержалось вопроса.

– Понимаю. И тем не менее мне следует ответить.

– Верно. Позволь мне сформулировать ту же мысль иначе: каково твое отношение к тому, что Свин возвращается из изгнания?

– Что ж, я не склонен петь от радости, – ответил Марий, бросая на Суллу пронизательный взгляд. – А ты?

Возлежащий на втором ложе Публий Рутилий Руф отметил про себя, что эти двое уже не так близки, как прежде. Три – да что там, даже два года тому назад! – они бы не беседовали с такой настороженностью. Что же произошло? И кто в этом виноват?

– И да и нет, Гай Марий. – Сулла заглянул в свой опустевший кубок. – Мне скучно! – признался он нехотя. – А с возвращением Свина в сенат можно ожидать занятных поворотов. Мне недостает вашей титанической борьбы.

– В таком случае тебя ждет разочарование, Луций Корнелий. Когда Свин вернется, меня в Риме не будет.

Сулла и Рутилий Руф разом приподнялись.

– Тебя не будет в Риме?! – переспросил Рутилий Руф срывающимся голосом.

– Именно, – подтвердил Марий и осклабился с мрачным удовлетворением. – Я как раз вспомнил обет, который дал Великой Матери перед тем, как разбил германцев: в случае победы я совершу паломничество в ее храм в Пессинунте.

– Гай Марий, ты не можешь этого сделать! – молвил Рутилий Руф.

– Могу, Публий Рутилий! И сделаю!

Сулла опрокинулся на спину, хохоча.

– О, тень Луция Гавия Стиха! – проговорил он.

– Кого-кого? – переспросил Рутилий Руф, неизменно готовый внимать слухам, чтобы потом их разболтать.

– Покойного племянника моей покойной мачехи, – объяснил Сулла, не переставая смеяться. – Много лет тому назад он перебрался в мой дом – тогда дом принадлежал моей ныне покойной мачехе. Он намеревался излечить Клитумну от привязанности ко мне, полагая, что сможет меня превзойти. Но я просто уехал – вообще уехал из Рима. В результате бороться стало не с кем. И очень скоро он превзошел самого себя, смертельно надоев Клитумне. – Сулла перевернулся на живот. – Через некоторое время после этого он скончался. – Голос Суллы звучал задумчиво; продолжая улыбаться, он издал театральный вздох. – Я разрушил все его планы!

– Что ж, будем надеяться, что возвращение Квинта Цецилия Метелла Нумидийского Свина окажется такой же пустой победой, – ответил Марий.

– За это я и пью, – сказал Сулла и выпил.

Вновь воцарилось молчание: бывшее единодушие исчезло, и тост Суллы не мог его возродить. Возможно, размышлял Публий Рутилий Руф, прежнее единодушие зиждилось на общих целях и боевом товариществе, а не на истинной, глубоко укоренившейся дружбе. Но как они могли забыть годы, проведенные в битвах с врагами родины? Как могли позволить домашней римской склоке затмить память о прошлом? Трибунат Сатурнина положил конец прежней

жизни. Сатурнин, возжелавший сделаться правителем Рима, – удар, постигший Мария так не вовремя... Нет, все это чепуха, сказал Публий Рутилий Руф самому себе. Оба они – мужи, рожденные для великих дел, таким негоже сидеть дома, маясь от безделья. Случись война, которая потребует от них совместно взяться за оружие, или мятеж, раздуваемый новым Сатурнином, – и они заурчат на пару, словно довольные коты.

Конечно, время не стоит на месте. Ему, Руфу, как и Гаю Марию, уже под шестьдесят, Луцию Корнелию Сулле – сорок два. Не имея привычки разглядывать себя в зеркале, Публий Рутилий Руф не очень-то задумывался, как возраст сказался на нем, однако зрение его пока еще не подводило: сейчас он отлично видел обоих – и Гая Мария, и Луция Корнелия Суллу.

В последнее время Гай Марий несколько отяжелел, из-за этого даже пришлось заказать новые тоги. Впрочем, он всегда был крупным мужчиной, хотя и хорошо сложенным. Даже сейчас лишний вес равномерно распределялся по плечам, спине, бедрам и брюшку, вовсе не казавшемуся оплывшим; дополнительный груз не столько отягощал его, сколько разглаживал морщины на лице, которое стало теперь крупнее, округлее и значительнее, поскольку лоб делался заметно выше из-за поредевших волос. И эти его знаменитые брови – кустистые, непокорные... Они всегда восхищали Публия Рутилия Руфа.

О, что за бурю священного ужаса вызывали брови Гая Мария в душах многочисленных скульпторов! Получив заказ на изготовление портрета Мария для какого-нибудь города, общины или просто незанятого пространства, куда просилась статуя, ваятели, жившие в Риме и в Италии, еще до встречи с Гаем Марием, уже знали, с чем им предстоит иметь дело. Но какой ужас отражался на лицах хваленых греков, выписанных из Афин или Александрии, стоило им узреть эти брови!... И несмотря на все усилия мастеров, лицо Гая Мария, и не только на скульптурных, но и на живописных портретах, неизменно превращалось всего лишь в фон для его восхитительных бровей.

Как ни странно, самым лучшим портретом друга, какой доводилось видеть Рутилию Руфу, был грубый набросок, сделанный черной краской на внешней стене его, Рутилия Руфа, дома. Всего несколько линий: чувственный изгиб пухлой нижней губы, блеск глаз – как можно черным цветом передать блеск? – и не меньше дюжины штрихов на каждую бровь. Но Гай Марий был словно живой: горделивый, умный, упрямый, весь как на ладони. Вот только что это за искусство? «*Vultum in peius fingere*» – «с лицом искаженным»...¹ Когда искажение оборачивается правдой. Увы, прежде чем Рутилий Руф сообразил, как снять кусок штукатурки, не дав ему рассыпаться на тысячу кусочков, прошел ливень – и самого достоверного портрета Гая Мария не стало.

А вот с Луцием Корнелием Суллой этот номер бы не прошел, черно-белый набросок не передал бы его индивидуальности. Если бы не магия цвета, Сулла мало чем отличался бы от тысяч красавцев с правильными, истинно римскими чертами, о чем Гаю Марию не приходилось и мечтать. Портрет Суллы можно было бы написать только в красках. В сорок два года у него совершенно не поредели волосы – и что это были за волосы! Рыжие? Золотистые? Густая выющаяся шевелюра – разве что длинновата. Глаза – словно горный ледник, светло-голубые, окаймленные синевой грозовой тучи. Сегодня его узкие изогнутые брови, как и длинные густые ресницы, имели темно-каштановый цвет. Однако Публию Рутилию Руфу доводилось лицезреть Суллу неготовым к приему посетителей, поэтому он знал, что тот их подкрасил сурьмой: на самом деле брови и ресницы Суллы были настолько светлыми, что вовсе потерялись бы, если бы не удивительно-белая, даже мертвенно-бледная кожа.

При виде Суллы женщины теряли благоразумие, добродетельность и всякое соображение. Они забывали осмотрительность, приводили в неистовство мужей, отцов и братьев, начинали бессвязно бормотать и хихикать – стоило ему бросить на них мимолетный взгляд.

¹ Квинт Гораций Флакк. Послания. Кн. II, 1, 265.

Какой способный, какой умный человек! Великий воин, непревзойденный администратор, муж несравненной храбрости; единственное, чего ему недостает, – так это умения организовать себя и других. И все же женщины – его погибель. Так, по крайней мере, думал Публий Рутилий Руф. Уж его-то внешность, приятная, но ничем не выдающаяся, и мышиный цвет волос никак не выделяли его среди множества других людей. Сулла не был ни развратником, ни коварным соблазнителем – во всяком случае, насколько было известно Рутилию Руфу, вел себя с похвальной сдержанностью. Но у человека с посредственной внешностью было больше шансов добраться до вершины римской политической лестницы: красавцы вызывали у соперников удвоенную зависть, не говоря уже о недоверии, а то и пренебрежении: мол, красавчики все неженки и мастера наставлять ближнему рога.

Рутилий Руф погрузился в воспоминания. В прошлом году Сулла выставил свою кандидатуру на выборах преторов. Казалось, победа была ему обеспечена: он отличился в боях, о его доблести было хорошо известно, поскольку Гай Марий позаботился, чтобы избиратели знали, какую неоценимую помощь оказывал ему Сулла в качестве квестора, трибуна и легата. Даже Катул Цезарь воздал должное подвигам Суллы в год разгрома германского племени кимвров. (Хотя у Катула Цезаря имелись основания недолюбливать Суллу, который стал причиной его конфуза в Итальянской Галлии, когда поднял против командующего мятеж, дабы спасти армию от полного истребления.) Именно Сулла, не ведающий усталости, энергичный и находчивый, вынудил Гая Мария покончить со смутой Луция Аппулея Сатурнина. Гай Марий только издал приказ, исполнение же взял на себя Сулла. Квинт Цецилий Метелл Нумидийский – тот, кого Марий, Сулла и Рутилий Руф дружно именовали Свином, – до своего изгнания неустанно разъяснял всем и каждому, что счастливым завершением африканской кампании против Югурты Рим обязан исключительно Сулле и что Марий приписал себе чужую победу. Ведь только благодаря усилиям Суллы удалось захватить в плен Югурту – а каждому ясно: останься Югурта на свободе, война в Африке продолжалась бы. Катул Цезарь и некоторые другие ультраконсервативные предводители сената согласились со Свином в том, что победа в Африке – заслуга Суллы. Звезда Луция Корнелия начала стремительное восхождение, и его избрание в числе шести преторов не вызывало теперь сомнений. К чести Суллы, следовало признать, что его поведение в этом деле было безукоризненным – он явил образец скромности и беспристрастности. До самого завершения избирательной кампании он настаивал, что пленение Югурты – заслуга Мария, поскольку сам он всего лишь выполнял приказ командующего. Подобное поведение обычно вызывало одобрение избирателей: преданность командиру на поле брани и на Форуме ценилась неизменно высоко.

И все же, когда выборщики от центурий собрались в Септе на Марсовом поле и стали по очереди оглашать результаты голосования, имени Луция Корнелия Суллы так и не прозвучало в числе шести удачливых кандидатов. Сулла был уязвлен таким итогом, тем более что некоторые избранники не могли похвастаться ни личными достоинствами, ни знатным происхождением.

Почему? После голосования Сулла то и дело слышал этот вопрос, однако хранил молчание. Сам он, впрочем, знал причину своего провала; спустя некоторое время она перестала быть тайной и для Рутилия Руфа, и для Мария. Все дело было в одном хрупком создании по имени Цецилия Метелла Далматика, особе всего девятнадцати лет от роду. Она приходилась супругой Марку Эмилию Скавру – консулу в год первого появления германцев, цензору в тот год, когда Метелл Нумидийский Свин отправился в Африку сражаться с Югуртой, и принцепсу сената со времен своего консульства, то есть на протяжении последних семнадцати лет. Далматика предназначалась в жены сыну Скавра, однако тот покончил с собой после отступления Катула Цезаря из-под Тридента, стыдясь собственной трусости. Тогда Метелл Нумидийский Свин, опекун семнадцатилетней племянницы, поспешно выдал ее за самого Скавра, несмотря на сорокалетнюю разницу в возрасте.

Никто, разумеется, не спрашивал у Далматики ее мнения относительно этого брачного союза, да оно и не сразу у нее сложилось. Сперва ей немного вскружили голову *auctoritas* и *dignitas* новоиспеченного супруга. К тому же она была рада вырваться из дома своего дядюшки Метелла Нумидийского, где в то время обитала его сестрица, чьи порочные наклонности и истеричность делали совместное проживание невыносимым. Однако вскоре молодой матроне суждено было встретиться с Суллой – и вспыхнуло почти неодолимое взаимное влечение, чреватое бедой.

Сознавая, сколь это опасно, Сулла даже не пытался продолжить знакомство с юной супругой Скавра. У той, однако, возникли иные намерения. После того как изувеченные тела Сатурнина и его приспешников были со всеми полагающимися почестями преданы огню, а Сулла начал появляться на Форуме и в городе, набирая политический вес, в преддверии преторских выборов, Далматика тоже зачастила на Форум. Куда бы ни направлялся Сулла, повсюду присутствовала Далматика, должным образом закутанная и скрывающаяся за постаментом или колонной, дабы не быть замеченной.

Сулла скоро научился избегать мест, подобных портику Маргаритария, где женщины из благородных семейств имели обыкновение обходить ювелирные лавки и где их «случайная» встреча могла показаться вполне невинной. Это уменьшало шансы Далматики вступить с ним в беседу. Однако ее поведение все равно воскрешало в памяти Суллы старый кошмар, когда Юлилла буквально засыпала его любовными письмами, которые она или ее служанка запикивали в складки его тоги при любой возможности. Что ж, результатом этого стал брак – воистину нерасторжимый союз *confarreatio*, который принес обоим немало горестей, доуки и унижений, а завершился самоубийством Юлиллы. Еще одна жертва в нескончаемой череде женщин, жаждавших приручить Суллу.

Тогда-то Сулла и отправился в убогую, зловонную и многолюдную Субуру, чтобы выложить все единственному другу, чья поддержка была ему в тот момент столь необходима, – Аврелии, невестке его покойной супруги Юлиллы.

– Что же мне делать? – кричал он в отчаянии. – Я в ловушке, Аврелия! Повторяется история с Юлиллой: я не могу от нее избавиться!

– Беда в том, что все они изнывают от скуки, – с прискорбием молвила Аврелия. – С их детьми возятся няньки, встречи с подругами – только повод посплетничать, ткацкий станок заброшен, а головы чересчур пусты, чтобы они могли искать утешение в книгах. Большинство не питает никаких чувств к мужьям, ибо их выдают замуж по расчету: либо их отцам нужен дополнительный политический вес, либо их мужьям – приданое и знатность. Проходит год – и они готовы на любовную интрижку. – Аврелия вздохнула. – В конце концов, Луций Корнелий, хоть в любовных делах у них есть свобода – где еще она им предоставлена? Те, кто поумнее, развлекаются с рабами. А дуры влюбляются всерьез. Именно это, на беду, и случилось с Далматикой. Глупышка потеряла голову! Причина ее безумия – ты.

Сулла закусил губу и принялся рассматривать свои руки, чтобы не выдать потаенных мыслей.

– Я этого не хотел, – был его ответ.

– Я-то знаю. А как насчет Марка Эмилия Скавра?

– О боги! Надеюсь, он ни о чем не догадывается.

– А я полагаю, что он неплохо осведомлен, – возразила Аврелия.

– Почему он не ищет встречи со мной? Может, мне самому следует к нему явиться?

– Об этом я и размышляю, – ответила хозяйка инсулы, которой многие поверяли свои секреты, мать троих детей, одинокая жена, деятельная натура, удивительным образом сочетавшая кипучесть и такт.

Аврелия сидела у своего рабочего стола, просторного, но заваленного свитками и отдельными листочками; впрочем, на столе не было беспорядка: все свидетельствовало о большой занятости.

«Если она не сможет помочь, – размышлял Сулла, – то не поможет никто». Она – единственная, к кому он мог обратиться. Аврелия была искренним другом – и только. Метробий, другой давний и преданный друг Суллы, был еще и его любовником, а это всегда влечет дополнительные сложности. Накануне Сулла встречался с Метробием, и молодой греческий актер позволил себе едкое замечание по адресу Суллы и Далматики. Сулла был поражен: он впервые осознал, что о нем и Далматике судачит, должно быть, весь Рим, поскольку миры Метробия и Суллы почти не соприкасались.

– Так следует ли мне встретиться с Марком Эмилием Скавром? – повторил Сулла свой вопрос.

– Мне кажется, тебе стоит поговорить с Далматикой, только пока не соображу, как это устроить, – ответила Аврелия, закусив губу.

– Может, пригласишь ее сюда? – воодушевился Сулла.

– Об этом не может быть и речи! – возмутилась Аврелия. – Луций Корнелий, ты слывешь умным человеком, но порой здравый смысл тебе изменяет! Разве ты не понимаешь? Марк Эмилий Скавр наверняка следит за женой. Если что и спасало до сих пор твою белую кожу, так только отсутствие улик.

Ее собеседник показал длинные клыки, и то была не улыбка: на мгновение Сулла сбросил маску, и Аврелия вдруг увидела кого-то совсем незнакомого. Но явилось ли это для нее неожиданностью? Вернее было бы сказать, что она догадывалась о существовании незнакомца, но никогда прежде с ним не сталкивалась. Лишенное человеческих свойств, оскаленное чудовище, способное только выть на луну. Впервые в жизни она испугалась всерьез.

По ее телу пробежала дрожь. Это насторожило чудовище и заставило спрятаться; Сулла снова укрылся за маской и застонал:

– Так что же мне делать, Аврелия? Что?

– Последний раз, когда я слышала от тебя упоминание о ней, – это было два года тому назад: ты говорил, что влюблен, хотя встречался с ней всего единожды. Опять-таки очень похоже на Юлиллу, и тем невыносимее. Конечно, она ничего не знает о Юлилле – за исключением того, что у тебя когда-то была жена, которая покончила с собой. Но это только прибавляет тебе привлекательности в ее глазах. Ведь это значит, что женщине опасно водить с тобой знакомство и уж тем более любить тебя. Каков соблазн! Нет, я боюсь, что малютка Далматика безнадежно запуталась в твоих сетях, хотя раскинул ты их ненамеренно.

Она немного поразмыслила, потом посмотрела ему прямо в глаза:

– Ничего не говори, Луций Корнелий, и ничего не предпринимай. Дождись, чтобы Марк Эмилий Скавр сам явился к тебе. Так тебя ни в чем нельзя будет упрекнуть. Только не дай ему повода для подозрений, даже самого пустякового. Запрети жене уходить, пока ты дома, чтобы Далматика не могла подкупить твоих слуг и таким путем проникнуть к тебе. Беда в том, что ты не понимаешь женщин и не слишком их любишь. Поэтому, когда они сходят по тебе с ума, ты теряешься и в тебе просыпается все самое худшее. Ее муж обязательно объявится у тебя. Но постарайся быть с ним любезным, закликаю! Ему будет ох как неприятно наносить тебе визит – ведь он старик, муж молодой жены! И не носит рогов только из-за твоего безразличия. Поэтому ты должен сделать все, что в твоих силах, чтобы не задеть его гордость. В конце концов, он занимает не менее высокое положение, чем Гай Марий. – Она улыбнулась. – Знаю, Гай Марий с этим не согласился бы, но это так. Если ты стремишься стать претором, тебе нельзя оскорблять его.

Сулла выслушал советы, однако последовал не всем из них. Итак, он обзавелся непримиримым врагом, ибо не проявил должной обходительности – и не приложил ни малейших усилий, чтобы побережь самолюбие Скавра.

Шестнадцать дней после его встречи с Аврелией прошли без происшествий, теперь он держался настороже, опасаясь соглядатаев Скавра и стараясь не дать ему ни малейшего доказательства неверности жены. Друзья Скавра и друзья самого Суллы обменивались понимающими ухмылками; уж они бы не пропустили ничего интересного; однако Сулла нарочито не замечал их.

Хуже всего было то, что он по-прежнему вожделел Далматику – или любил ее, или был ослеплен ею, или все вместе. Одним словом, история с Юлиллой повторялась: боль, ненависть, желание ринуться на любого, кто встанет ему поперек дороги. Мечты о любовных ласках Далматики сменялись мыслями о том, как он свернет ей шею и заставит плясать в агонии на залитой лунным светом поляне в Цирцеях, – о нет, так он убил свою мачеху! И все чаще Сулла выдвигал потайной ящичек шкафа, где хранилась посмертная маска его предка Публия Корнелия Суллы Руфина, фламина Юпитера, и вынимал пузырьки с ядами и коробочку со смертоносными порошками – так он убил Луция Гавия Стиха и силача Геркулеса Атланта. Грибы? Ими он отравил свою любовницу Никополис – отведай-ка их, Далматика!

Однако со времени смерти Юлиллы он многое переосмыслил и теперь лучше понимал самого себя; он не мог убить Далматику – так же как не мог лишить жизни Юлиллу. С женщинами из древних благородных семейств не существовало иного пути, кроме одного: довести дело до самого конца. И Сулла хорошо знал, что настанет день, когда они с Цецилией Метеллой Далматикой доведут до конца то, что он пока не решался даже начать.

Наконец Марк Эмилий Скавр постучался в его дверь – дверь, словно источавшую злодейство, помнившую руки тех, кто давно обратился в тени. Стоило Скавру коснуться этой двери, как яд проник внутрь, а у него лишь мелькнула мысль, что разговор будет тяжелее, чем он предполагал.

Усевшись в клиентское кресло, несгибаемый старик не сводил с бледного лица хозяина дома своих ясных зеленых глаз, словно споривших с морщинами на его лице и лысым черепом. Как бы ему хотелось не переступать этого порога, не ронять своей гордости, участвуя в этом фарсе!

– Я полагаю, ты знаешь, почему я здесь, Луций Корнелий, – молвил Скавр, глядя в глаза хозяину.

– Думаю, да, – был краткий ответ Суллы.

– Я намерен принести извинения за поведение моей жены и заверить тебя, что после нашего разговора приму меры, чтобы впредь у нее не было возможности досаждать тебе.

Уф! Кажется, проговорив заранее заготовленные слова, он остался жив и не сгорел со стыда. Однако, как ни бесстрастен был взгляд Суллы, старику все же почудилась в нем тень презрения, – вполне вероятно, только почудилась, но это сделало его врагом Суллы.

– Мне очень жаль, Марк Эмилий.

Ну скажи хоть что-нибудь, Сулла! Сними тяжесть с души старого олуха! Не вынуждай его сидеть перед тобой униженным! Вспомни советы Аврелии! Однако ему на ум не приходило ни единого спасительного словечка. Затем слова начали медленно шевелиться у него в мозгу, но язык будто окаменел.

– Было бы лучше для всех, если бы ты покинул Рим. Удались на время, скажем в Испанию, – наконец произнес Скавр. – Я слышал, что Луцию Корнелию Долабелле требуется помощь опытного человека.

Сулла замигал с деланным изумлением.

– Неужто? Я и не знал, что дело там приняло столь серьезный оборот! Однако, Марк Эмилий, я не могу сейчас сорваться с места и отправиться в Дальнюю Испанию. Я уже девять лет заседаю в сенате; настало время выдвинуть свою кандидатуру на должность претора.

Скавр судорожно проглотил слюну, но заставил себя продолжить учтивую беседу.

– Не в этом году, Луций Корнелий, – мягко произнес он. – На следующий год, годом позже... Сейчас тебе следует покинуть Рим.

– Марк Эмилий, я не совершил ничего предосудительного! – Нет, совершил, Сулла! Предосудительно то, что ты делаешь сейчас, ты топчешь его гордость! – Минуло уже три года с тех пор, как я достиг возраста, когда могу претендовать на должность претора, мое время истекает. Я выдвину свою кандидатуру в этом году, значит я должен оставаться в Риме.

– Прошу тебя пересмотреть это решение, – произнес Скавр, вставая.

– Не могу, Марк Эмилий.

– Если ты выдвинешь свою кандидатуру, Луций Корнелий, то, поверь, тебя будет ждать неудача. Как и на будущий год, годом позже и так далее, – предостерег Скавр, не повышая голоса. – Это я тебе обещаю. Запомни! Лучше уезжай.

– Повторяю, Марк Эмилий: я опечален происшедшим. Но я просто обязан остаться в Риме и добиваться преторской должности, – молвил Сулла.

Вот как обернулось дело. Оскорбленный и в *auctoritas*, и в *dignitas*, принцепс сената Марк Эмилий Скавр обладал достаточным влиянием, чтобы воспрепятствовать избранию Суллы. В списке фигурировали мелкие людишки, сплошь ничтожества, посредственности, дурачье. Что не помешало им стать преторами.

Публий Рутилий Руф узнал об истинном положении дел от Аврелии, своей племянницы. И, в свою очередь, пересказал историю Гаю Марию. То, что принцепс сената Скавр воспрепятствовал избранию Суллы, ни для кого не было секретом; но о причинах догадывались немногие. Поговаривали, правда, что виной всему было увлечение Далматики, однако после жарких дебатов общее мнение склонилось к тому, что это объяснение слишком поверхностно. Сам Скавр представлял дело так, будто он дал жене достаточно времени одуматься, а потом поговорил с ней (по его словам, обходительно, но с должной твердостью), из чего опять же не делал тайны ни от своих друзей, ни на Форуме.

– Бедняжка, этого следовало ожидать, – сочувственно делился он с каким-нибудь сенатором, убедившись, что его слышат и те, что прохаживаются неподалеку. – Я, правда, мог надеяться, что она выберет кого-нибудь другого, а не беспомощную креатуру Гая Мария, но, увы... Впрочем, готов признать: внешне он довольно привлекателен.

Прodelано все было мастерски: завсегдатаи Форума и члены сената решили, что истинная причина неприятия Скавром кандидатуры Суллы заключается в известной всем и каждому связи между Суллой и Гаем Марием. Ведь карьера Гая Мария, шесть раз избиравшегося консулом, клонилась к закату. Его лучшие дни остались в прошлом, и он не мог заручиться достаточным количеством голосов, чтобы получить цензорскую должность. Это означало, что Гай Марий, прозванный Третьим Основателем Рима, никогда не сравняется с самыми выдающимися консулярами, которые все без исключения становились цензорами. Карта Гая Мария была бита, он слыл скорее любопытным экспонатом, нежели реальной угрозой, человеком, которого поддерживает разве что третий класс.

Рутилий Руф налил себе еще вина.

– Ты действительно намереваешься отправиться в Пессинунт? – спросил он Мария.

– Почему бы и нет?

– Как – почему? Я бы еще понял, если бы речь шла о Дельфах, Олимпии, даже Додоне. Но Пессинунт? Это же где-то в центре Анатолии, во Фригии! Самая настоящая дыра, дикая и полная суеверий! Ни капли благородного вина, ни одной пристойной дороги – только тропы

для вячных ослов! Сплошь грубые пастухи, галатийские дикари! Ну, Гай Марий! Уж не Баттакеса ли ты собрался лицезреть – в его расшитой золотом мантии и с драгоценными камнями в бороде? Так вызови его опять в Рим! Уверен, он будет рад возможности продолжить знакомство с нашими матронами – некоторые из них до сих пор безутешно оплакивают его отъезд.

Марий и Сулла начали смеяться задолго до того, как Рутилий Руф закончил свою пламенную речь; напряженная обстановка этого вечера неожиданно рассеялась, и они снова почувствовали себя вполне свободно в обществе друг друга.

– Ты хочешь взглянуть на царя Митридата, – произнес Сулла, и это был не вопрос, а утверждение.

У обоих его собеседников взлетели вверх брови. Марий хмыкнул:

– Что за невероятное предположение? Откуда у тебя такая мысль, Луций Корнелий?

– Просто я хорошо тебя знаю, Гай Марий. Для тебя не существует ничего святого. Единственный обет, который я от тебя слышал, заключался в обещании надрать legionерам задницы; военным трибунам ты тоже давал такой обет. Есть лишь одна причина, которая побудила бы тебя тащиться в азиатскую глушь, невзирая на тучность и дряхлость: ты хочешь своими глазами посмотреть, что творится в Каппадокии, и выяснить, насколько в этом замешан царь Митридат.

Говоря это, Сулла улыбался такой счастливой улыбкой, какая не озаряла его лицо уже многие месяцы.

Марий в изумлении повернулся к Рутилию Руфу:

– Надеюсь, не все могут читать мои мысли, как Луций Корнелий!

Пришел черед Рутилия Руфа расплыться в улыбке.

– Сомневаюсь, что кто-то еще мог бы разгадать даже часть твоих намерений. А я-то пове-
рил тебе, старый безбожник!

Голова Мария помимо его воли (во всяком случае, так показалось Рутилию Руфу) повернулась в сторону Суллы, и они снова принялись обсуждать вопросы высокой стратегии.

– Беда в том, что наши осведомители крайне ненадежны, – с жаром принялся объяснять Марий. – Ну скажи, кто из стоящих людей бывал в тех краях за последние годы? Выскочки, мечтающие стать преторами, среди которых я никому не доверил бы написать подробный доклад. Что мы, собственно, знаем?

– Очень мало, – ответил ему увлекшийся Сулла. – С запада в Галатию несколько раз вторгался царь Вифинии Никомед, с востока – Митридат. Несколько лет назад старикан Никомед женился на матери малолетнего царя Каппадокии, – по-моему, она состояла при сыне регентшей. Благодаря этому браку Никомед стал именоваться царем Каппадокии.

– Стал-то он стал, – подхватил Марий, – но, полагаю, очень огорчился, когда Митридат приказал убить ее и посадить на трон мальчишку. – Он тихонько засмеялся. – Не видать Никомеду Каппадокии! Не понимаю, как он мог вообразить, что ему сойдет это с рук, тем более что убитая царица приходилась Митридату сестрой!

– Ее сын правит страной до сих пор, именуясь – о, у них такие чудные имена! – кажется, Ариаратом? – спросил Сулла.

– Точнее, Ариаратом Седьмым, – молвил Марий.

– Что же там, по-твоему, происходит на самом деле? – не отставал Сулла, заинтригованный очевидной осведомленностью Мария в запутанных родственных отношениях восточных властителей.

– Обычные трения между Никомедом Вифинским и Митридатов Понтийским. Больше наверняка я ничего не знаю, но сдается, молодой царь Митридат – занятный субъект. Мне и впрямь хочется с ним повидаться. В конце концов, Луций Корнелий, ему немногим более тридцати, а он уже существенно расширил свое царство, раньше он правил только Понтом, а

теперь его владения включают лучшие земли вокруг Эвксинского моря. У меня мурашки бегут по коже. Я предвижу, что он станет угрозой интересам Рима.

Решив, что настало время и ему сказать свое слово, Публий Рутилий Руф с громким стуком поставил свой кубок на стол и, когда беседующие подняли на него глаза, произнес:

– Значит, вы полагаете, что Митридат положил глаз на нашу провинцию Азия? – Он степенно кивнул. – Вполне резонно: ведь она так богата! К тому же это наиболее цивилизованная область – она принадлежала эллинам испокон веков! Только представьте себе: там жил и творил Гомер!

– Мне было бы легче представить это, если бы ты взялся аккомпанировать себе на кифаре, – со смехом произнес Сулла.

– Нет, серьезно, Луций Корнелий! Вряд ли царь Митридат склонен шутить, когда речь заходит о нашей провинции Азия; поэтому и нам следовало бы отложить шутки в сторону. – Рутилий Руф прервался, восхищаясь собственным красноречием, что лишило его возможности сохранить за собой инициативу в разговоре.

– Я тоже полагаю, что Митридат не станет зевать, если ему представится возможность завладеть Азией, – подтвердил Марий.

– Но он – человек Востока, – уверенно произнес Сулла. – А восточные цари всегда боялись Рима, даже Югурта, который терпел от Рима больше унижений, чем любой восточный владыка. Вспомните, каким оскорблениям и поношениям он подвергся, прежде чем решился выступить против нас! Мы буквально принудили его к этому!

– А мне представляется, что Югурта всегда был настроен воевать с нами, – не согласился Рутилий Руф.

– Неверно, – бросил Сулла, хмурясь. – Он, конечно, *мечтал* объявить нам войну, но хорошо сознавал, что это не более чем мечта. Мы сами заставили его обратить против нас оружие, когда Авл Альбин вторгся в Нумидию, желая разграбить ее. По сути, с этого начинаются все наши войны. Жадный до золота полководец, которому не следовало бы доверять командование даже детским парадом, оказывается во главе римских легионов и начинает грабеж – не в интересах Рима, а просто чтобы набить собственную кошелек. Карбон и германцы, Цепион и германцы, Силан и германцы – можно продолжать до бесконечности.

– Ты отклоняешься от темы, Луций Корнелий, – мягко остановил его Марий.

– Верно, я увлекся. – Произнес Сулла без тени смущения и тепло улыбнулся своему старому командиру. – Во всяком случае, мне кажется, что положение на Востоке напоминает ситуацию в Африке перед войной с Югуртой. Нам отлично известно, что Вифиния и Понт – исконные враги, а также что оба царя – Никомед и Митридат – спят и видят, как бы расширить свои владения, хотя бы в Анатолии. Там ведь остались два лакомых куска, из-за которых оба владыки исходят слюной: Каппадокия и наша провинция Азия. Царь, завладевший Каппадокией, получает свободный доступ в Киликию с ее баснословно плодородными почвами. Царь, захвативший римскую Азию, приобретает сухопутный проход в Средиземное море, с полсотней отличных портов и сказочно богатые земли. Царь должен обладать нечеловеческим бесстрашием, чтобы этого не жаждать.

– Никомед Вифинский меня не беспокоит, – прервал его Марий. – Он связан Римом по рукам и ногам и сознает это. Не думаю также, что Азии, по крайней мере в данный момент, угрожает какая-то опасность, чего не скажешь о Каппадокии.

Сулла кивнул:

– Вот именно. Азия – римская провинция. Полагаю, царь Митридат не настолько отличается от прочих восточных царей, чтобы, забыв страх, вторгнуться в нашу Азию, каким бы бездарным ни было тамошнее управление. А вот Каппадокия Риму не принадлежит, хотя и входит в сферу нашего влияния. Кажется, Никомед и молодой Митридат решили, что Каппадокия слишком далека и слишком мало значит для Рима, чтобы не попытаться там военного сча-

ства. С другой стороны, они подбираются к ней, как воришки, скрывая истинные намерения за подставными фигурами и венценосными родственниками.

Марий хмыкнул:

– Я не назвал бы женитьбу старого царя Никомеда на регентше воровской уловкой!

– Твоя правда. Но надолго ли их хватило? Царь Митридат настолько разъярился, что поднял руку на собственную сестру! Никто не успел произнести «Луций Тиддлипусс», а он уже опять посадил на каппадокийский трон ее сына!

– К несчастью, титул друга и союзника римского народа получил Никомед, а не Митридат, – вздохнул Марий. – Остается сожалеть, что меня не было в Риме, когда все это устраивалось.

– Брось! – возмутился Рутилий Руф. – Вифинские цари носят титул наших друзей и союзников более пятидесяти лет! Во время последней войны с Карфагеном царь Понта тоже был нашим союзником. Но отец нынешнего Митридата отверг дружбу с Римом, купив у отца Мания Аквилы Фригию. С тех пор Рим порвал с Понтом всякие связи. Кроме того, мы можем предоставить статус друзей и союзников обеим враждующим сторонам только в том случае, если это предотвратит войну между ними. Но сенат решил, что в случае Вифинии и Понта это еще больше осложнит дело. Кроме того, Никомед получил предпочтение вполне заслуженно, ибо Вифиния всегда вела себя по отношению к Риму более лояльно, нежели Понт.

– О, Никомед – просто старый дурак! – с раздражением произнес Марий. – Он сидит на троне более полувека и уже был немаленьким, когда скovyрнул с него своего папочку. Так что ему сейчас наверняка за восемьдесят. Он только усугубляет положение в Анатолии.

– Поскольку ведет себя как старый дурак. Ты это хотел сказать? – Рутилий Руф сопроводил свою реплику пронизательным взглядом, напомнившим взгляд его племянницы Аврелии – таким же прямым, хоть и не столь твердым. – А тебе не кажется, Гай Марий, что и мы с тобою приближаемся к возрасту, когда нас можно будет назвать старыми дураками?

– Ну-ну, не хватало только поссориться! – с ухмылкой вмешался Сулла. – Я понял твою мысль, Гай Марий. Никомед стар, и не важно, насколько он способный правитель, – кстати, можно предположить, что весьма способный. Его двор самый эллинизированный среди восточных дворов, но Восток есть Восток. Это означает, что стоит ему хотя бы раз дать слабину, и сынок моментально спихнет его с трона. Итак, Никомед бдителен и хитер. Однако он склонен к ссорам и вообще брюзга. А по другую сторону границы, в Понте, правит боевитый молодец, которому от силы тридцать лет, напористый и самоуверенный. Ну разве сможет Никомед противостоять Митридату?

– Вряд ли, – согласился Марий. – Думаю, мы не ошибемся, если предположим, что, в случае открытого противостояния, силы окажутся неравны. Никомед едва удерживает свое царство в прежних границах; Митридат же – захватчик! Вот видишь, Луций Корнелий, мне необходимо встретиться с этим Митридатом! – Марий оперся на левый локоть и устремил на Суллу пристальный взгляд. – Поедем со мной, Луций Корнелий! Что ты теряешь? Еще год проскучаешь в Риме, в сенате будет заправлять Свин, а его Свиночек припишет себе все заслуги в возвращении *tata*.

Но Сулла покачал головой:

– Нет, Гай Марий.

– Я слышал, – молвил Рутилий Руф, кусая ноготь, – будто официальное письмо, вызывающее Квинта Цецилия Метелла Нумидийского Свина с Родоса, подписано нашим старшим консулом Метеллом Непотом и самим Свиночком, скажите пожалуйста! Ни слова о народном трибуне Квинте Калидии, который добился постановления о прекращении ссылки! Подпись сенатора-молокососа, да еще выступающего как *privatus*!..

– Бедняга Квинт Калидий! Надеюсь, Свиненок хорошо ему заплатил за труды. – Гай Марий взглянул на Рутилия Руфа. – А Цецилии Метеллы совсем не меняются, сколько бы ни минуло лет, верно? Когда я был народным трибуном, они и меня топтали ногами.

– И поделом, – отрезал Рутилий Руф. – Ты только и делал, что ставил палки в колеса любому Цецилию Метеллу. А потом они вообразили, что окончательно запутали тебя в своих сетях. Но ты... О, как разъярен был Далматик!

При звуке этого имени Сулла передернуло, и он почувствовал, как его щеки заливают краска. Ее отец, покойный старший брат Свина! Что сейчас с Далматикой? Как поступил с ней Скавр? Со дня визита старика Сулла ни разу ее не видел. Ходили слухи, что Скавр вообще запретил ей выходить из дому.

– Между прочим, – заметил Сулла, – я слышал из одного надежного источника, что Свиненок скоро заключит весьма выгодный брак.

Поток воспоминаний тут же оборвался.

– А я ничего такого не слышал! – проговорил несколько обескураженный Рутилий Руф – а он-то считал свои источники самыми надежными.

– И тем не менее это истинная правда, Публий Рутилий.

– Так просвети меня!

Сулла положил в рот миндальный орешек и, прежде чем заговорить, некоторое время жевал.

– Славное вино, Гай Марий, – одобрил он, наполняя свой кубок из кувшина, который слуги, уходя, поставили рядом с гостем. Потом он не спеша разбавил вино водой.

– О, не томи его, Луций Корнелий! – взмолился Марий. – Публий Рутилий – самый заядлый сплетник в сенате.

– С этим я готов согласиться. Будь иначе, мы не получали бы в Африке и Галлии столь увлекательных писем, – улыбнулся Сулла.

– Кто она? – вскричал Рутилий Руф, не желая менять тему.

– Лициния-младшая, дочь нашего претора по делам римских граждан Луция Лициния Красса Оратора собственной персоной.

– Да ты смеешься! – отпрянул Рутилий Руф.

– Вовсе нет.

– Но она совсем ребенок!

– Я слышал, что накануне свадьбы ей как раз стукнет шестнадцать.

– Чудовищно! – промычал Марий, сводя брови.

– О, этому нет оправдания! – искренне опечалился Рутилий Руф. – Восемнадцать – вот подходящий возраст для замужества, и ни днем раньше! Мы – римляне, а не восточные дикари, лакомые до малолетних девчонок!

– В конце концов, самому Свиненку немногим больше тридцати, – отмахнулся Сулла. – Что тогда сказать о жене Скавра?

– Чем меньше говорить об этом, тем лучше! – отрезал Публий Рутилий, беря себя в руки. – Заметьте, Красс Оратор заслуживает всяческого восхищения. В этой семейке нет недостатка в деньгах, однако он все равно отлично пристроил своих дочек. Старшая – за Сципионом Назикой, ни больше ни меньше, а младшую теперь выдают за Свиненка, единственного сына и наследника. Я склонен скорее пожалеть Лицинию-старшую: надо же, выйти в семнадцать лет за такого грубияна, как Сципион Назика! Представляете, она уже беременна!

Марий хлопнул в ладоши, подзывая слугу:

– Отправляйтесь-ка вы по домам, друзья! Раз беседа превращается в бабьи сплетни, значит все прочие темы уже исчерпаны. «Беременна»! Твое место – с женщинами в детской, Публий Рутилий!

Все гости явились к Марию на ужин с детьми, и все дети уже спали, когда компания разошлась. Одному Марию-младшему не надо было куда отправляться; остальных родителям пришлось увозить домой. На лужайке стояли просторные паланкины: один – для детей Суллы, Корнелии Суллы и Суллы-младшего, другой – для троих детей Аврелии, Юлии-старшей (по прозвищу Лия), Юлии-младшей (по прозвищу Ю-ю) и Цезаря-младшего. Пока взрослые негромко переговаривались в атрии, слуги осторожно переносили спящих детей в паланкины.

Мужчина, хлопотавший над Цезарем-младшим, сначала показался Юлии незнакомым, но затем она порывисто ухватила Аврелию за руку и с ужасом выдохнула:

– Это же Луций Декумий!

– Он самый, – удивленно ответила Аврелия.

– Как ты можешь, Аврелия!

– Глупости, Юлия! Для меня Луций Декумий – надежная опора. Как тебе известно, путь к моей инсуре мало напоминает прогулку по респектабельным кварталам. Я уже семь лет хожу среди притонов воров, разбойников – словом, разного сброда! Мне нечасто доводится выбираться из дому, но, когда это случается, Луций Декумий и двое его братьев всегда провожают меня обратно. Между прочим, Цезарь-младший спит очень чутко. Но если с ним Луций Декумий, он никогда не просыпается.

– Двое братьев? – ужаснулась Юлия. – Ты хочешь сказать, что держишь таких слуг?

– Нет! – досадливо ответила Аврелия. – Я говорю о его товарищах из братства перекрестка. – У Аврелии вдруг испортилось настроение. – Сама не знаю, зачем я хожу на эти семейные обеды, хоть и изредка! И почему ты никак не поймешь, что я прекрасно со всем справляюсь и надо мной вовсе не нужно причитать?

Юлия не вымолвила больше ни единого слова, пока они с Гаем Марием не улеглись, предварительно отдав все распоряжения, отпустив слуг, заперев наружные двери и воздав должное божествам, покровительствующим любому римскому дому: Весте – богине домашнего очага, Пенатам – ведающим припасами и Ларам – охраняющим семью.

– Аврелия была сегодня несносной, – проговорила она.

Марий чувствовал себя усталым – теперь это случалось куда чаще, чем прежде, и вызывало у него чувство стыда. Поэтому вместо того, чтобы сделать то, чего ему больше всего хотелось, – перевернуться на бок и уснуть, – он лежал на спине, обняв жену, и говорил с ней о женщинах и домашних проблемах.

– Что? – переспросил он.

– Не мог бы ты вернуть Гая Юлия домой? Аврелия превращается в старую весталку: она такая раздражительная, надутая, безжизненная. Вот именно, безжизненная! Этот ребенок вытягивает из нее все силы.

– Какой ребенок? – промямлил Марий.

– Ее двухлетний сын, Цезарь-младший. О, Гай Марий, это удивительное дитя! Я знаю, что время от времени такие дети появляются на свет, но сама не только никогда их не видела, но даже не слышала ни о чем подобном среди наших знакомых. Любая мать радуется, когда ее семилетний сын узнает, что такое *dignitas* и *auctoritas*, после первой прогулки с отцом по Форуму. А кроха Аврелии уже знает все это, хотя еще ни разу не видал своего отца! Поверь мне, муж, Цезарь-младший – воистину удивительный ребенок!

Собственная речь распалила ее; к тому же ей пришла в голову еще одна мысль, которая и вовсе не давала ей лежать спокойно.

– Кстати, вчера я разговаривала с женой Красса Оратора, Муцией, и она рассказала, что сын одного из клиентов ее мужа – точь-в-точь Цезарь-младший. – Она подтолкнула Марию в бок локтем. – Да ты знаешь эту семью, Гай Марий: ведь они из Арпина.

Гай Марий не очень внимательно следил за ее рассказом, однако удар локтем заставил его взбодриться, и он спросил:

– Из Арпина? Кто же это?

Арпин был его родиной, там находились владения предков Гая Мария.

– Марк Туллий Цицерон. Сына клиента Красса Оратора тоже зовут Марк Туллий.

– К несчастью, я действительно знаком с этой семьей. Они нам даже какая-то родня. Те еще сутяги! Лет сто назад украли у нас кусок земли и выиграли дело в суде. С той поры мы не общаемся.

Его веки опять сомкнулись.

– Понятно. – Юлия подвинулась ближе. – В общем, мальчугану восемь лет, и он так разумен, что будет обучаться на Форуме. Красс Оратор прочит ему громкую славу. Думаю, Цезарь-младший в восьмилетнем возрасте от него не отстанет.

Марий протяжно зевнул. Жена снова толкнула его локтем:

– Эй, Гай Марий, ты вот-вот уснешь! Ну, очнись же!

Он послушно распахнул глаза и издал клопочущий звук:

– Что, хочешь прокатить меня по Капитолию?

Она со смешком улеглась.

– В общем, я не знакома с маленьким Цицероном, зато неплохо знаю своего племянника, Гая Юлия Цезаря-младшего, и можешь мне поверить: он... *ненормальный*. Я знаю, что обычно так именуют умственно отсталых, но, полагаю, это слово можно употребить и в противоположном смысле.

– С возрастом ты становишься болтливой, Юлия, – не выдержал измученный муж.

Юлия не обратила внимания на его жалобу:

– Цезарю-младшему нет еще двух лет, а он тянет на все сто! Взрослые слова, правильные фразы – и при этом соображает, что говорит!

Неожиданно сон у Мария сняло как рукой, он забыл про усталость. Приподнявшись на локте, он посмотрел в лицо жене, освещенное мягким светом ночника. Ее племянник! Племянник по имени Гай! Сбывалось пророчество сирийки Марфы, которое он услышал при их первой встрече во дворце Гауды в Карфагене. Она предсказала ему, что он станет Первым Человеком в Риме и семь раз будет избран консулом. Однако не ему суждено стать величайшим римлянином. Это удел племянника его жены по имени Гай! Тогда он сказал себе: «Только через мой труп!» Однако вот он, этот ребенок, – живое подтверждение ее слов!

Марий снова лег, чувствуя, как ломят от усталости суставы. Слишком много времени и энергии потратил он, становясь Первым Человеком в Риме, чтобы теперь скромно отойти в сторонку и наблюдать, как блеск его славы затмит не по годам развитой аристократ, входящий в силу, в то время как он, Гай Марий, старик или вообще мертвец, уже не сможет этому помешать. Как ни любил он свою жену, чье аристократическое происхождение открыло ему путь к первому консульству, он все равно не мог смириться с тем, что ее племянник, представитель ее рода, вознесется выше его.

Консулом он был уже шесть раз, а значит, его ждет седьмое избрание. Никто из римских политиков, впрочем, не верил всерьез, что Гай Марий сможет вернуть славу тех лет, когда центурии голосовали за него, причем трижды в его отсутствие, раз за разом подтверждая свою убежденность в том, что лишь он один, Гай Марий, в силах уберечь Рим от германцев. Что ж, он действительно не раз спасал сограждан. И какова их благодарность? Стена враждебности, кривотолки и козни. Оппозиция со стороны Квинта Лутация Катула Цезаря, Метелла Нумидийского Свина и многочисленной и влиятельной фракции в сенате, объединившейся с единственной целью – свалить Гая Мария. Ничтожества с громкими именами, которым невыносима мысль, что их любимый Рим спасен презренным «новым человеком» – итальянским деревенщи-

ной, по-гречески не разумеющим, как охарактеризовал его Метелл Нумидийский Свин много лет назад.

Но нет, битва еще не окончена. Невзирая на удар, Гай Марий станет консулом в седьмой раз, чтобы остаться в анналах величайшим римлянином за всю историю Республики. Не собирается он уступать пальму первенства златовласому потомку Венеры.

– Я тебя прижму, паренек! – произнес он вслух и ущипнул Юлию.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась она.

– Через несколько дней мы уезжаем в Пессинунт – ты, я и наш сын.

Юлия села в постели:

– О, Гай Марий, неужели? Как чудесно! Ты правда возьмешь нас с собой?

– Правда, жена. Плевать я хотел на условности. Наше отсутствие продлится два-три года, а в моем возрасте трудно так долго обходиться без жены и сына. Будь я моложе – другое дело. Поскольку я еду как частное лицо, официальных препятствий тому, чтобы я взял с собой семью, не существует. – Он прищелкнул языком. – Я сам отвечаю за все последствия.

– О, Гай Марий! – Иных слов у нее не нашлось.

– Мы посетим Афины, Смирну, Пергам, Никомедию, сотни других мест.

– И Тарс? – с живостью спросила она. – О, мне всегда так хотелось повидать мир!

Ломота в суставах не прошла, зато снова навалилась сонливость. Веки его опять опустились, рот приоткрылся.

Юлия еще какое-то время щебетала, а потом, исчерпав слова восторга, обхватила колени руками и, со счастливой улыбкой обернувшись к Гаю Марию, нежно произнесла:

– Любовь моя, ты?..

Ответом ей был храп. Научившись за двенадцать лет супружества смирению, она легонько покачала головой и, не переставая улыбаться, повернулась на правый бок.

Затушив последние искры разгоревшегося на Сицилии восстания рабов, Маний Аквиллий возвратился домой если не триумфатором, то, во всяком случае, героем, заслужившим овацию. На триумф он претендовать не мог, поскольку воевал против поработленного мирного населения, а не против солдат вражеской армии; гражданские войны и подавления восстаний рабов занимали в воинском кодексе Рима особую нишу. Получить от сената полномочия усмирить мятежников было не менее почетно и ответственно, чем воевать с иноземной армией, однако права требовать триумфа такой полководец не имел. Триумф был призван продемонстрировать народу Рима военные трофеи: пленников, сундуки с деньгами, всевозможное награбленное добро – от золотых гвоздей, выданных из царских ворот, до мешков с корицей и ладаном. Любая добыча обогащала римскую казну, и народ получал возможность собственными глазами лицезреть, сколь прибыльное занятие война – конечно, для римлян-победителей. Но при подавлении выступлений рабов и гражданских смут не было никакой добычи, а считать приходилось одни потери. Все ранее награбленное добро возвращалось законным владельцам; государство не имело права даже на жалкую долю.

Потому-то и была придумана орация. Процессия двигалась по той же дороге, по которой обыкновенно следовали войска во время триумфа. Правда, военачальник не ехал в старинной триумфаторской колеснице, не красил лица и не облачался в роскошную тогу; вместо труб играли флейты, чьи звуки были совсем не такими духоподъемными. Главное божество в качестве подношения получало овцу, а не быка, довольствуясь, как и военачальник, менее пышной церемонией.

Однако Маний Аквиллий не имел причин роптать. Отпраздновав орацию, он снова занял место в сенате и, будучи консуляром – бывшим консулом, – удостоился чести высказывать свое мнение прежде такого же, как он, консуляра, не удостоенного ни триумфа, ни орации. Из-за падавшей на Мания Аквиллия тени отцовского позора, он в свое время не рассчитывал подняться и до консула. Некоторые проступки трудно заглаживать, особенно если семейство не очень знатное; проступок же Мания Аквиллия состоял в том, что, воспользовавшись смутами, последовавшими за смертью пергамского царя Аттала III, он продал более половины территории Фригии отцу теперешнего понтийского царя Митридата за золото, которое осело в его кошельке. Территория эта, вместе с остальными владениями царя Аттала, должна была отойти римской провинции Азия, ибо царь Аттал завещал Риму все свое царство. Тогда Манию Аквиллию-старшему казалось, что отсталая Фригия, из невежественных жителей которой даже рабы получались скверные, – не большая потеря для Рима. Однако влиятельные лица в сенате и на Форуме не простили Мания Аквиллия-старшего и не забыли этого происшествия даже к тому времени, когда на политической арене появился Маний Аквиллий-младший.

За звание претора велась нешуточная борьба, на которую ушло почти все понтийское золото, а его у семьи оставалось не много, поскольку папаша не отличался ни бережливостью, ни осмотрительностью. Поэтому Маний Аквиллий-младший ухватился за возможность улучшить свое положение, едва таковая подвернулась. После того как германцы разгромили Цепиона и Маллия Максима в Заальпийской Галлии и вознамерились двинуться в долину Родана, а оттуда в Италию, именно претор Маний Аквиллий предложил избрать Гая Мариа консулом в его отсутствие, *in absentia*, чтобы противостоять нависшей угрозе. Это сделало Гая Мариа его должником, и Гай Марий не замедлил рассчитаться.

Маний Аквиллий стал при Марии легатом и помог ему разгромить тевтонов при Аквах-Секстиевых. Доставив весть об этой столь важной победе в Рим, он был избран младшим консулом в пару Марию, когда тот в пятый раз занимал консульскую должность. По истечении года консульской службы Маний Аквиллий повел в Сицилию два своих отлично вымущированных легиона, состоявших из одних ветеранов, дабы усмирить восставших рабов, бесчинствовавших уже не один год и ставивших под угрозу снабжение Рима зерном.

Вернувшись и организовав себе орацию, он надеялся выставить свою кандидатуру на должность цензора, когда подоспеет время выбирать очередную пару. Однако влиятельные лица тоже не дремали. Попытка Луция Аппулея Сатурнина захватить власть в Риме пошатнула положение Гая Мариа, и Маний Аквиллий остался без поддержки. В результате он был привлечен к суду за злоупотребления. Народный трибун, инициировавший процесс, имел влиятельных друзей среди всадников, служивших как присяжными, так и председателями судов; звали трибуна Публий Сервилий Ватия. Он происходил из знатного семейства плебейской ветви Сервилиев и был весьма честолюбив.

Суд состоялся на Форуме, на котором не утихали страсти со времени выступлений Сатурнина. Правда, все надеялись, что смерть этого народного трибуна положит конец насилию на Форуме, приводящему к гибели магистратов. Однако ни насилие, ни даже убийства не прекращались, а все из-за сына Метелла Нумидийского Свина – Свиненка, который стремился свести счеты с врагами отца. Своей отчаянной борьбой за возвращение Метелла-старшего из ссылки он заслужил более благозвучный когномен, нежели Свиненок, и теперь именовался Квинтом Цецилием Метеллом Пием, ибо «Пий» значит «почтительный». После успешного

завершения этой борьбы Метелл Пий Свиненок намеревался поквитаться с отцовскими недругами. К недругам причислили и Мания Аквилия, который, как все знали, был ставленником Гая Мария.

Плебейские собрания обычно были малочисленными, и на этот раз народу в нижней части Римского форума, где должны были проводиться слушания, собралось немного.

– Все это дело не стоит выеденного яйца, – говорил Публий Рутилий Руф Гаю Марию, когда они явились на Форум в последний день суда над Манием Аквилем. – Ведь это была война с рабами! Сомневаюсь, чтобы он нашел чем поживиться от Либлибея до самых Сиракуз. Кроме того, эти сицилийские скряги-землевладельцы наверняка глаз с Мания Аквилия не спускали! Так что ему не удалось бы прикарманить и бронзовой монетки!

– Просто Свиненок целит таким манером в меня, – ответил Гай Марий, пожимая плечами. – Об этом известно и Манию Аквилию. Он поплатился за то, что поддерживал меня.

– И за то, что его папаша продал половину Фригии, – сказал Рутилий Руф.

– Верно, и за это.

Разбирательство велось по новым правилам, установленным покойным Гаем Сервилием Главцией, который вернул суды всадникам, оставив сенаторам возможность выступать только в качестве ответчиков. Жюри присяжных состояло из тщательно отобранных виднейших представителей римского делового мира в количестве пятидесяти одного человека; обвинение и защита уже обращались к суду, были заслушаны и показания свидетелей. На последний день было намечено двухчасовое выступление обвинения и трехчасовое – защиты, после чего присяжным надлежало незамедлительно огласить свой приговор.

Сервилий Ватия блестяще выступил от имени государства: сам он был недурным законником, его помощники тоже оказались на высоте; однако не было сомнений, что публика – а ее в последний день разбирательства собралось побольше, чем в предыдущие, – дожидается залпов тяжелой артиллерии, то есть речей адвокатов Мания Аквилия.

Первым говорил косоглазый Цезарь Страбон – молодой, въедливый, хорошо образованный и красноречивый. За ним выступал человек, заслуживший когномен Оратор, – Луций Корнелий Красс. Красс Оратор уступил место еще одному Оратору – Марку Антонию. Для того чтобы называться Оратором, мало было упражняться в красноречии на публике; требовалось также тончайшее знание риторических приемов и принципов построения речи. Красс Оратор блестяще разбирался в законах, но Антоний Оратор превосходил его красноречием.

– Все мимо, – высказался Рутилий Руф, когда Красса Оратора сменил Антоний Оратор.

Марий что-то невнятно проворчал в ответ; он внимательно слушал речь Антония Оратора, желая убедиться, что не даром тратил деньги. Не сам же Маний Аквилий оплачивал услуги таких видных адвокатов! Всякому было известно, что расходы несет Гай Марий. Согласно законам и традиции, адвокаты не претендовали на оплату своих услуг. Однако им не возбранялось принимать дары – как свидетельство высокой оценки их усилий. И по мере того, как Республика клонилась к своему закату, одаривать адвокатов все больше стало входить в обычай. Сперва в качестве даров преподносились произведения искусства и предметы мебели; но если адвокат нуждался, ему приходилось продавать подарки. В конце концов все свелось к тому, что адвокату вручались деньги. Об этом, естественно, никто не упоминал, и все делали вид, что такой практики не существует вовсе.

– Как же коротка ваша память, досточтимые заседатели! – восклицал Антоний Оратор. – Постарайтесь припомнить события, происходившие всего несколько лет назад, когда Римский форум наводнили толпы неимущих, в животах которых было так же пусто, как в государственных зернохранилищах. Помните ли вы, как некоторые из вас, – среди присяжных было не менее полудюжины торговцев зерном, – брали за модий зерна по пятидесяти сестерциев, – так мало пшеницы оставалось в закромах? А неимущих день ото дня становилось все больше, они

не сводили с нас глаз и глухо роптали. А все потому, что Сицилия, наша житница, лежала в руинах, превратившись в Илиаду бед...

Рутилий Руф вцепился Марию в руку и гневно произнес:

– И он туда же! Да сожрут черви этих словесных воров, не гнушающихся чужими находками! Ведь это моя фраза! Илиада бед! Вспомни-ка, Гай Марий, я употребил это выражение в письме, которое отправил тебе в Галлию много лет назад! А потом его стащил у меня Скавр! И что же теперь? Оно у всех на слуху, и приписывают его именно Скавру!

– Помолчи! – прикрикнул на него Марий, не желая упустить ни слова из речи Марка Антония.

– ...окончательно разоренную из-за невиданных упущений правительства! Теперь мы наконец-то знаем имя главного виновника, не так ли? – Проницательные покрасневшие глаза уперлись в одну из наиболее безразличных физиономий во втором ряду присяжных. – Не припоминаете? Ну так я освежу вашу память! Молодые братья Лукуллы разоблачили его, лишили гражданства и отправили в изгнание. Я имею в виду, конечно же, Гая Сервилия Авгура. На Сицилии уже четыре года кряду не собирали урожая, когда туда прибыл досточтимый консул Маний Аквиллий. Позвольте напомнить вам, что на Сицилии выращивается половина нашего хлеба.

Подошел Сулла, кивнул Марию и обратился к Рутилию Руфу – тот все еще возмущался.

– Ну, как идет дело?

– О судьбе Мания Аквилия ничего нельзя сказать определенно. Присяжные постараются найти малейший повод, чтобы его осудить, и, полагаю, своего добьются. Это станет хорошим уроком всем, кто рискнет поддержать Гая Мария.

– Цыц! – опять шикнул на него Марий.

Рутилий Руф отошел, чтобы не мешать, и потянул за собой Суллу:

– Ты ведь и сам поддерживаешь теперь Гая Мария не столь рьяно, как прежде, Луций Корнелий?

– Мне надо думать о карьере, Публий Рутилий, вряд ли я преуспею, если займу сторону Мария.

Рутилий Руф кивнул:

– Да, это вполне понятно. Но, друг мой, он не заслуживает такого отношения! Напротив, все, кто его знает и ценит, должны подставить ему свое плечо.

Что он несет? Суллу передернуло, но он постарался не показывать, как неприятно ему это слышать.

– Тебе хорошо говорить! Ты – консуляр и добился всего, чего хотел. А я еще нет! Можешь называть меня предателем, но клянусь тебе, Публий Рутилий, что и я возьму свое! И да помогут боги тем, кто встанет мне поперек дороги!

– В том числе Гаю Марию.

– В том числе и ему.

Рутилий Руф больше ничего не сказал, а только удрученно покачал головой. Сулла тоже немного помолчал. Потом произнес:

– Я слышал, что кельтиберы теснят нашего наместника в Ближней Испании. Долабелла в Дальней Испании так завяз с лузитанами, что не может выступить ему на помощь. Видимо, Титу Дидию придется в его консульский срок отправиться в Ближнюю Испанию.

– А жаль, – откликнулся Рутилий Руф. – Мне нравится стиль Тита Дидия, пусть он и «новый человек». Разумные законы – и теперь консульское кресло опустеет.

– Значит, по-твоему, их автор не наш любимый старший консул Метелл Непот? – с усмешкой спросил Сулла.

– Здесь мы с тобой сходимся во мнении, Луций Корнелий. Чем был озабочен Цецилий Метелл, занимаясь совершенствованием государственного механизма, если не собствен-

ным положением? Зато два скромных закона Тита Дидия важны и благотворны. Теперь отпадает необходимость проталкивать законопроекты через собрания, раз между обнародованием и принятием должны истечь три нундины. Отпала необходимость сводить воедино совершенно несвязанные вещи, отчего закон терял всякую ясность. Даже если в текущем году в сенате и комициях больше не произойдет ничего стоящего, у нас хотя бы есть законы Тита Дидия, – с удовлетворением заключил Рутилий Руф.

Однако Сулле законы Тита Дидия не интересовали.

– Ты совершенно прав, Рутилий Руф, но я толкую не об этом. Если Тит Дидий отправится в Ближнюю Испанию разбираться с кельтиберами, то я присоединюсь к нему в качестве старшего легата. Я уже переговорил с ним об этом, и он отнесся к моему предложению весьма благосклонно. Война обещает быть долгой и непростой, так что есть основания надеяться и на трофеи, и на славу. Кто знает, вдруг мне доверят командование?

– Ты уже завоевал репутацию дельного полководца, Луций Корнелий.

– Но одно дело – тогда, другое – теперь! – воскликнул Сулла в сердцах. – Они все забыли, эти болваны-избиратели, у которых денег куда больше, чем здравого смысла! Пойми, что происходит: Катул Цезарь предпочел бы, чтобы я подох, только бы не открывал рта и не заговаривал о бунте; Скавр преследует меня вообще непонятно за что! – Он показал зубы. – На месте этой парочки я бы поостерегся! Если наступит день, когда я решу, что они навеки разлучили меня с креслом из слоновой кости, я заставлю их пожалеть о том, что они вообще родились на свет!

«И я склонен верить ему, – пронеслось в голове у Рутилия Руфа, по всему телу которого пробежал холодок. – О, этот человек опасен! Лучше бы ему убраться куда подальше».

– Что ж, отправляйся в Испанию с Дидием, – произнес он вслух. – Ты прав, это кратчайший путь к преторской должности. Новое начинание, новые подвиги... Жаль только, что ты не можешь участвовать в выборах на должность курульного эдила. Ты умеешь покорить публику, в организации игр тебе не было бы равных. После этого ты бы прошел в преторы как по маслу.

– На должность курульного эдила у меня нет денег.

– Тебе помог бы Гай Марий.

– Я не стану его просить. По крайней мере, так я смогу сказать, что всего достиг сам. Я не привык просить – я привык брать.

Эти слова заставили Рутилия Руфа вспомнить слух, пущенный Скавром перед выборами: якобы для того, чтобы стать всадником, Сулла убил любовницу, а потом, чтобы пролезть в сенаторы, расправился и с мачехой. Рутилий Руф, как правило, не доверял слухам об инцестах, педофилии и приготовлении пищи из экскрементов. Однако порой Сулла говорит такое!.. Поневоле задумаешься...

Слушания подходили к концу: Марк Антоний Оратор завершал свою речь.

– Перед вами – не обычный человек! – надрылся он. – Перед вами – образцовый римлянин, доблестный воин, патриот, верящий в величие Рима! Чего ради такому человеку отнимать у крестьян последнюю миску супа, обкрадывать слуг и хлебопеков? Я адресую этот вопрос вам, досточтимые заседатели! Разве кто-нибудь из вас слышал, что он был виновен в растратах, убийствах, насилиях, присвоении чужого? Нет! Просто вас заставили сидеть и слушать мелких людишек, хнычущих из-за горсти бронзовых монет!

Он глубоко вздохнул и расправил плечи, чтобы выглядеть еще внушительнее: он был красив, как все представители рода Антониев: вьющиеся золотистые волосы, открытое простое лицо. Заседатели все как один были заворожены его речью.

– Они у него на крючке, – довольно подытожил Рутилий Руф.

– Интересно, что он станет делать с ними дальше, – отозвался Сулла с заинтересованным видом.

Раздался изумленный возглас: Антоний Оратор кинулся к Манию Аквилию, сорвал с него тогу, потом с подозрительной легкостью разорвал его тунику. Маний Аквиллий предстал перед судом в одной набедренной повязке.

– Глядите! – гремел Антоний. – Разве перед вами белокожая *saltatrix tonsa*? Обрюзгший домосед и папенькин сынок? Нет, перед вами покрытый шрамами солдат! Храбрый воин, доблестный римлянин, военачальник, пользовавшийся полным доверием Гая Мария, который поручил ему зайти противнику в тыл! Это тело свидетельствует о том, что его обладатель – не из тех, кто в панике удирает с поля боя, едва его коснется кончик вражеского меча, едва ему в ногу ткнется чужое копье или мимо просвистит камень. Это тело человека, который, несмотря на тяжелые раны, продолжает разить неприятеля. – Руки адвоката, воздетые к небу, бессильно упали. – Все. Я закончил. Жду вашего решения, – оборвал он свою речь.

Вердикт был озвучен: ABSOLVO.

– Притворщики! – поморщился Рутилий Руф. – И как только присяжные на это купились? Туника у него рвется, как бумага, и он щеголяет перед всем миром в набедренной повязке – дивись, Юпитер! О чем это говорит?

– О том, что Аквиллий с Антонием заранее обо всем договорились, – сказал Марий, широко улыбаясь.

– А мне это говорит о том, что Аквиллий не рискнул покрасоваться без набедренной повязки, – вставил Сулла.

Закончив смеяться, Рутилий Руф обратился к Марию:

– Луций Корнелий сообщил мне, что намерен отбыть вместе с Титом Дидием в Ближнюю Испанию. Что ты на это скажешь?

– Скажу, что это самое лучшее, что сейчас может предпринять Луций Корнелий, – спокойно ответил Марий. – Квинт Серторий выставляет свою кандидатуру на выборах военного трибуна, поэтому, полагаю, он тоже отправится в Испанию.

– Ты как будто не очень удивлен?

– Совсем не удивлен. Новость об Испании уже завтра станет всеобщим достоянием. В храме Беллоны собирается сенат. Мы отправим Тита Дидия воевать с кельтиберами, – объяснил Марий. – Он – человек достойный, толковый воин и способный полководец. Особенно когда его противники – галлы, к какой бы разновидности они ни принадлежали. Да, Луций Корнелий, чтобы победить на выборах, тебе лучше отправиться легатом в Испанию, нежели скитаться по Анатолии в компании с *privatus*.

Privatus отбыл в Тарент через неделю. Сперва он пребывал в некоторой растерянности, поскольку впервые в жизни отправился в путешествие в сопровождении жены и сына. Воину подобает путешествовать налегке, с максимально возможной скоростью и не давать в пути спуску лентяям-солдатам. Однако Гаю Марию предстояло вскоре выяснить, что жены придерживаются на сей счет иных воззрений. Юлия изъявила желание захватить с собой половину челяди, в том числе кухарку, готовившую только для ребенка, учителя Мария-младшего и девушку, творившую чудеса с ее прической. Пришлось брать с собой все игрушки Мария-млад-

шего, все его учебники, а также личную библиотеку его учителя, одежду на все случаи жизни и различные предметы, которых, как была уверена Юлия, невозможно купить за пределами Рима.

– Нас всего трое, а поклажа и свита больше, чем у парфянского царя, отправляющегося из Селевкии-на-Тигре в Экбатану, – ворчал Марий, когда по прошествии трех дней, двигаясь по Латинской дороге, они добрались только до Анагнии.

Однако он мирился с этим еще три недели, пока они, измученные жарой, не дотащились до Венузии (что на Аппиевой дороге), где не нашлось ни единого постоянного двора, способного вместить всю их челядь и скарб.

– Я положу этому конец! – взревел Марий после того, как лишние слуги и ненужные вещи были отправлены на другой постоянный двор и они с Юлией остались наедине – насколько это было возможно в переполненной гостинице на Аппиевой дороге. – Либо ты, Юлия, умеряешь свои аппетиты, либо я отправлю тебя и Мария-младшего проводить лето в Кумы. Нам еще много месяцев не грозит попасть в края, лишенные благ цивилизации, поэтому все это барахло ни к чему. И столько народу – тоже! Особая кухарка для Мария-младшего – не слишком ли?

Юлия выбилась из сил и была готова заплакать. Чудесный отдых превратился в кошмар, конца которому не предвиделось. Выслушав ультиматум мужа, она едва не ухватила за возможность отправиться в Кумы. Но потом подумала, что в этом случае проведет в разлуке с Марием много лет, а разве можно так надолго разлучать отца с сыном? К тому же в чужих краях Гая Мария может снова хватить удар.

– Но, Гай Марий, я никогда прежде не пускалась в длительные путешествия, не считая поездок на наши виллы в Кумах или Арпине; когда мы отправляемся туда с Марием-младшим, то берем с собой все то, что взяли сейчас. Я тебя прекрасно понимаю и совсем не хочу превращаться в обузу. – Она уронила голову на руки и смахнула слезу. – Но беда в том, что я просто не знаю, как со всем этим быть.

Марий и подумать не мог, что когда-либо услышит от жены признание в беспомощности. Понимая, каких усилий стоили ей эти слова, он попросту сгреб ее в охапку и чмокнул в макушку.

– Не тревожься, я сам обо всем позабочусь, – пообещал он. – Но ты должна мне кое-что пообещать.

– Я на все согласна, Гай Марий!

– Если выяснится, что я выбросил что-то действительно необходимое или отослал незаменимого слугу, прошу тебя не упрекать меня. Ни единым словом! Договорились?

Просиявшая Юлия обняла его крепче.

– Договорились, – отозвалась она.

После этого их продвижение ускорилося, причем Юлия с удивлением обнаружила, до чего ей стало удобно. По мере возможности римская знать останавливалась во время путешествий на виллах друзей или друзей этих друзей, заручившись рекомендательными письмами. Такое гостеприимство впоследствии всегда вознаграждалось, поэтому путешественники нигде не чувствовали себя незванными гостями. Впрочем, за Беневентом им пришлось довольствоваться постоянными дворами, ни один из которых, как вынуждена была признать Юлия, не вместил бы ее прежней свиты.

Больше всего они страдали из-за жары, ибо южная часть Апеннинского полуострова отличалась засушливым климатом и отсутствием тени вдоль главных дорог. Но поскольку теперь они двигались быстрее, путешествие сделалось менее однообразным, и время от времени им попадались источники, купальни на речках и бани, каковые можно было найти даже в захолустных городишках.

Тем приятнее было наконец очутиться в тенистых плодородных долинах, окружавших Тарент, – а уж в самом Таренте и подавно. Этот город по-прежнему оставался больше грече-

ским, нежели римским, хотя и утратил былое значение конечного пункта Аппиевой дороги. Теперь большинство путников устремлялись дальше, в Брундизий, основной порт, связывавший Италию с Македонией. Белые стены домов резко контрастировали с голубизной неба и моря, зеленью полей и лесов и ржавым цветом окружающих скал. Строгий Тарент как будто радовался прибытию великого Гая Мария. Гостей разместили в прохладном и весьма удобном доме главного этнарха, который, впрочем, уже стал римским гражданином и притворялся, что ему больше нравится, когда его именуют дуумвиром.

Как и во многих других городках, расположенных вдоль Аппиевой дороги, здесь к Марию пришли видные горожане с намерением побеседовать о Риме, Италии и напряженных отношениях, сложившихся у Рима с его итальянскими союзниками. Тарент был колонией, обладавшей латинскими правами, то есть здешние старшие магистраты – двое дуумвиров – могли претендовать на римское гражданство для себя и своих потомков. Однако город имел греческие корни, а древностью не уступал самому Риму, а то и превосходил его. Некогда это был аванпост Спарты, и спартанские традиции сохранялись здесь до сих пор.

Марий узнал, что многие местные жители, особенно не принадлежащие к привилегированным слоям, завидуют новому конкуренту – Брундизию – черной завистью и симпатизируют другим городам итальянского союза.

– Слишком много солдат, выставляемых членами итальянского союза для службы в римской армии, гибнут из-за глупости военачальников, – горячился этнарх в разговоре с Марием. – Земля их приходит в запустение, род прерывается. Лукания, Самний, Апулия обеднели. Итальянские союзники вынуждены на свои деньги вооружать легионы ауксилариев и оплачивать их службу Риму. Ради чего, Гай Марий? Чтобы обеспечить римлянам проход из Итальянской Галлии в Испанию? Какое до этого дело апулийцу или лукану? Разве ему есть от этого хоть какая-то выгода? Или чтобы Рим мог доставлять из Африки и Сицилии пшеницу и кормить римские рты? Сколько этого хлеба попало в голодную годину в рот самниту? Уже много лет римские граждане в Италии не платят Риму налогов. А мы в Апулии, Калабрии, Лукании и Бруттии все платим и платим! Наверное, нам следует благодарить Рим за Аппиеву дорогу, – во всяком случае, Брундизий благодарит. Но часто ли Рим назначает совестливых управляющих, которые поддерживали бы дорогу в нормальном состоянии? Есть один участок – вы наверняка по нему проезжали, – который размыло еще *двадцать лет* назад! И что же, дорогу починили? Ничего подобного! Починят ли? Опять-таки нет! А Рим продолжает взимать с нас десятину и тянуть налоги, забирает нашу молодежь, которая воюет за тридевять земель отсюда, защищая интересы Рима, и гибнет, после чего объявляются богатые римские землевладельцы, оттяпывающие у нас все больше земли. Они пригоняют рабов, чтобы те присматривали за их тучными стадами; невольники работают закованными в цепи, спят взаперти и мрут как мухи: не важно, хозяин купит еще! На нас он ничего не тратит, в нас не вкладывает ни гроша. Мы не видим ни сестерция из тех денег, что он здесь зарабатывает, поскольку он не нанимает наших людей. Настало время, Гай Марий, Риму раскошелиться или отпустить нас на все четыре стороны.

Марий выслушал эту длинную и пламенную речь бесстрастно: подобные излияния обрушивались на него вдоль всей Аппиевой дороги.

– Я сделаю все, что в моих силах, Марк Порций Клеоним, – серьезно ответил он. – На самом деле я уже много лет пытаюсь изменить ситуацию. Но воз и ныне там, ведь большинство сенаторов никогда не путешествуют, как это делаю я, и не разговаривают с местными жителями; более того – помоги им, Аполлон! – они не хотят видеть очевидное! Тебе наверняка известно, что я все время говорю о непростительном расточительстве по отношению к римским войскам. Времена, когда нашими армиями командовали бездари, остались в прошлом. Если кто и преподавал римскому сенату соответствующий урок, так это я. С тех пор как Гай Марий, «новый человек», показал всем этим выскочкам из благородных семейств, что

такое настоящий военачальник, сенат стал чаще доверять командование способным военным из «новых людей».

– Все это прекрасно, Гай Марий, – негромко произнес Клеоним, – но только это не поднимет наших мертвых из могил и не вернет наших сыновей на заброшенную землю.

– Знаю.

Когда корабль вышел в море и распустил свой большой квадратный парус, Гай Марий оперся о борт и устремил взор на Тарент. Так он стоял до тех пор, пока город и окрестности не поглотило голубое море. Мысли его были заняты невзгодами италийских союзников. Возможно, это задевает его за живое потому, что его самого часто называют италиком, то есть не римлянином? Или потому, что он, при всех своих недостатках и слабостях, наделен чувством справедливости? А может, причина в том, что он не в силах выносить стоящую за всем этим вопиющую глупость? В одном он был непоколебимо убежден: настанет день, когда италийские союзники заставят Рим считаться с собой. Они потребуют предоставления римского гражданства всем без исключения жителям Апеннинского полуострова, а возможно, и Италийской Галлии.

Взрыв смеха отвлек его от этих мыслей. Гай Марий отошел от борта и обнаружил, что его сын – неплохой моряк: корабль бойко бежал вперед, подгоняемый ветерком, и плохого моряка наверняка стошнило бы. Юлия тоже была вполне бодра.

– Вся моя семья любит море, – сказала она, когда Марий подошел к ней ближе. – Это не распространяется разве что на моего брата Секста – все дело, вероятно, в его астме.

Корабль, на котором они плыли в Патры, постоянно сновал между двумя берегами, принося владельцам немало денег, выручаемых за перевозку пассажиров и грузов. Марию была предоставлена сносная каюта. Впрочем, он не сомневался, что Юлия ждет не дожидается, когда они сойдут на берег. Зная, что Марий намеревался продолжить путешествие морем по Коринфскому заливу, его супруга, очутившись в Патрах, отказалась двигаться дальше, пока они не совершат паломничество в Олимпию.

– Как странно, – рассуждала она, трясаясь на ослике, – что величайший храм Зевса находится на этом захолустном Пелопоннесе! Почему-то мне всегда казалось, что Олимпия – это у подножия горы Олимп.

– Греки есть греки, – ответил Марий, которому не терпелось как можно быстрее попасть в провинцию Азия, но не хватило духу отказать Юлии в столь естественной просьбе. Путешествие в женской компании нравилось ему все меньше.

Однако в Коринфе он оживился. Когда за полвека до этого Муммий сровнял город с землей, все его сокровища были переправлены в Рим. Город так и не поднялся из руин. Вокруг могучей скалы под названием Акрокоринф хлопали на ветру дверьми брошенные, разваливающиеся дома.

– Это – одно из тех мест, где я намеревался поселить своих ветеранов, – поведал Марий с легкой грустью, когда они бродили по пустынным улицам Коринфа. – Ты только посмотри! Тут не хватает разве что жителей! Столько пригодной для возделывания земли, порт на берегу Эгейского моря и порт на берегу Ионического – все, что нужно для процветания торговли. А как они со мной поступили? Отвергли мой земельный закон!

– Потому что его предлагал Сатурнин, – вставил Марий-младший.

– Совершенно верно. А также потому, что болваны в сенате не смогли понять, как это важно – предоставить неимущим солдатам землю, на которой они могли бы провести остаток дней. Никогда не забывай, Марий-младший, что у неимущих нет ни денег, ни собственности. Я открыл им путь в армию, я влил в жилы Рима свежую кровь, поставив ему на службу сословие, прежде бывшее совершенно никчемным. Между прочим, неимущие солдаты оказались мужественными воинами: они доказали это в Нумидии, в Аквах-Секстиевых, при Верцеллах. Они сражались не хуже, если не лучше, чем солдаты старой выучки, хотя те тоже не подкачали. Что

же теперь, отмахнуться от них, смыть в сточную канаву? Нет, их нужно посадить на землю. Я знал, что ни первый, ни второй классы никогда не позволили бы им селиться на римских землях в Италии, поэтому и выступил с законопроектами о колониях ветеранов в таких местах, где как раз требуются новые жители. Они бы принесли в наши провинции римский дух. Да только сенаторы и всадники считают Рим слишком исключительным, чтобы прививать римские привычки и образ жизни остальному миру.

– Квинт Цецилий Метелл Нумидийский, – с отвращением проговорил Марий-младший.

В доме, где он вырос, это имя не произносилось ни с симпатией, ни с почтением. И к тому же всегда с прозвищем «Свин».

– Кто еще? – спросил его Марий.

– Принцепс сената Марк Эмилий Скавр, великий понтифик Гней Домиций Агенобарб, Квинт Лутаций Катул Цезарь, Публий Корнелий Сципион Назика...

– Прекрасно, достаточно. Они заручились поддержкой своих клиентов-плебеев и сколотили фракцию, с которой не удалось сладить даже мне. Потом – это случилось в прошлом году – они изъяли таблицы с законами Сатурнина.

– Его закон о зерне и земельные законопроекты, – подхватил Марий-младший, который теперь, вдали от Рима, отлично находил общий язык с отцом и жаждал его похвал.

– За исключением моего первого земельного закона, который дает право моим солдатам из неимущих селиться на островах у африканского побережья, – напомнил ему Марий.

– Кстати, муж мой, я кое-что хотела тебе сказать, – спохватилась Юлия.

Марий со значением посмотрел на Мария-младшего, но Юлия продолжала:

– Как долго ты собираешься держать на этом острове Гая Юлия Цезаря? Может, пора уже вызвать его в Рим? Ради Аврелии и детей ему следовало бы вернуться.

– Он нужен мне на Церцине, – отрезал Марий. – Военачальник из него неважный, но никто никогда не работал над аграрными проектами так упорно и успешно, как Гай Юлий. Пока он остается на Церцине, работа идет, жалоб почти не поступает и результаты превосходны.

– Но так долго! – не уступала Юлия. – Три года!

– Пускай потрудится еще столько же. – Марий не собирался сдаваться. – Ты знаешь, как медленно продвигаются обычно земельные дела: контроль, возмещение убытков, бесконечные разбирательства, сопротивление местных жителей... А Гай Юлий прекрасно с этим справляется! Нет, Юлия, ни слова больше! Гай Юлий останется там, где он сейчас находится, пока не закончит порученное ему дело.

– Тогда мне жаль его жену и детей.

Впрочем, Юлия заступалась за Аврелию напрасно: ту вполне устраивала ее участь, и она почти не скучала по супругу. Объяснялось это вовсе не отсутствием любви и не пренебрежением супружеским долгом. Просто во время его отлучек она могла заниматься собственным делом, не опасаясь его неодобрения, жесткой критики, а то и запрета – только этого ей не хватало!

Когда они, поженившись, поселились на первом этаже большого жилого дома – инсулы, доставшейся Аврелии в качестве приданого, она обнаружила, что супруг ожидает, что они будут вести такой же образ жизни, какой вели бы, если бы обитали в собственном доме на Палатинском холме, – изящный, утонченный и совершенно беспельный. Именно такую жизнь она яростно критиковала, беседуя с Корнелием Суллой. Это было бы настолько скучно, что любовная интрижка сделалась бы неизбежной. Аврелия пришла в отчаяние, узнав, что Цезарь не одобряет ее общения с жильцами, занимающими все девять этажей; что супруг предпочел бы, чтобы она прибегала к услугам агентов для сбора квартирной платы.

Однако Гай Юлий Цезарь был патрицием древнего аристократического рода и имел немало обязанностей. Прикованный к Гаю Марию – и родственными связями, и безденежьем, – Цезарь начал свою государственную карьеру в качестве военного трибуна в легионах; наконец, побыв квестором и став членом сената, он был направлен на остров Церцина у африканского побережья организовывать колонию ветеранов из неимущих солдат Гая Мария. Все эти занятия вынуждали его подолгу находиться вдали от Рима. В свою первую длительную поездку он отправился вскоре после женитьбы. Его союз с Аврелией был вознагражден двумя дочерьми и сыном, однако отец не присутствовал при рождении своих детей и не видел, как они растут. Он ненадолго появлялся дома, жена беременела – и он снова отбывал на многие месяцы, а то и на годы.

К тому времени, когда великий Гай Марий женился на сестре Цезаря Юлии, в семье Юлиев Цезарей иссякли последние деньги. Старшая ветвь рода решила вопрос просто: успешное усыновление младшего сына богатым патрицием дало средства, достаточные для того, чтобы два оставшихся сына могли претендовать на консульскую должность; усыновленный младший ребенок получил имя Квинт Лутаций Катул Цезарь. Но отец Цезаря (Цезарь-дед, как его называли теперь, через много лет после кончины) был вынужден заботиться о двух сыновьях и двух дочерях, денег же хватало только на одного сына. К счастью, его посетила блестящая идея предложить хитроумному, но несметно богатому Гаю Марию выбрать себе в жены ту из двух его дочерей, которая придется ему по вкусу. Денег Гая Мария достало на приданое обеим дочерям, а также на шестьсот югеров земли вблизи Бовилл, перешедшей во владение Цезаря-младшего, доход от которой позволил ему получить место в сенате. Деньги Гая Мария устраняли все препятствия на пути представителей младшей ветви Юлиев Цезарей – ветви Цезаря-деда.

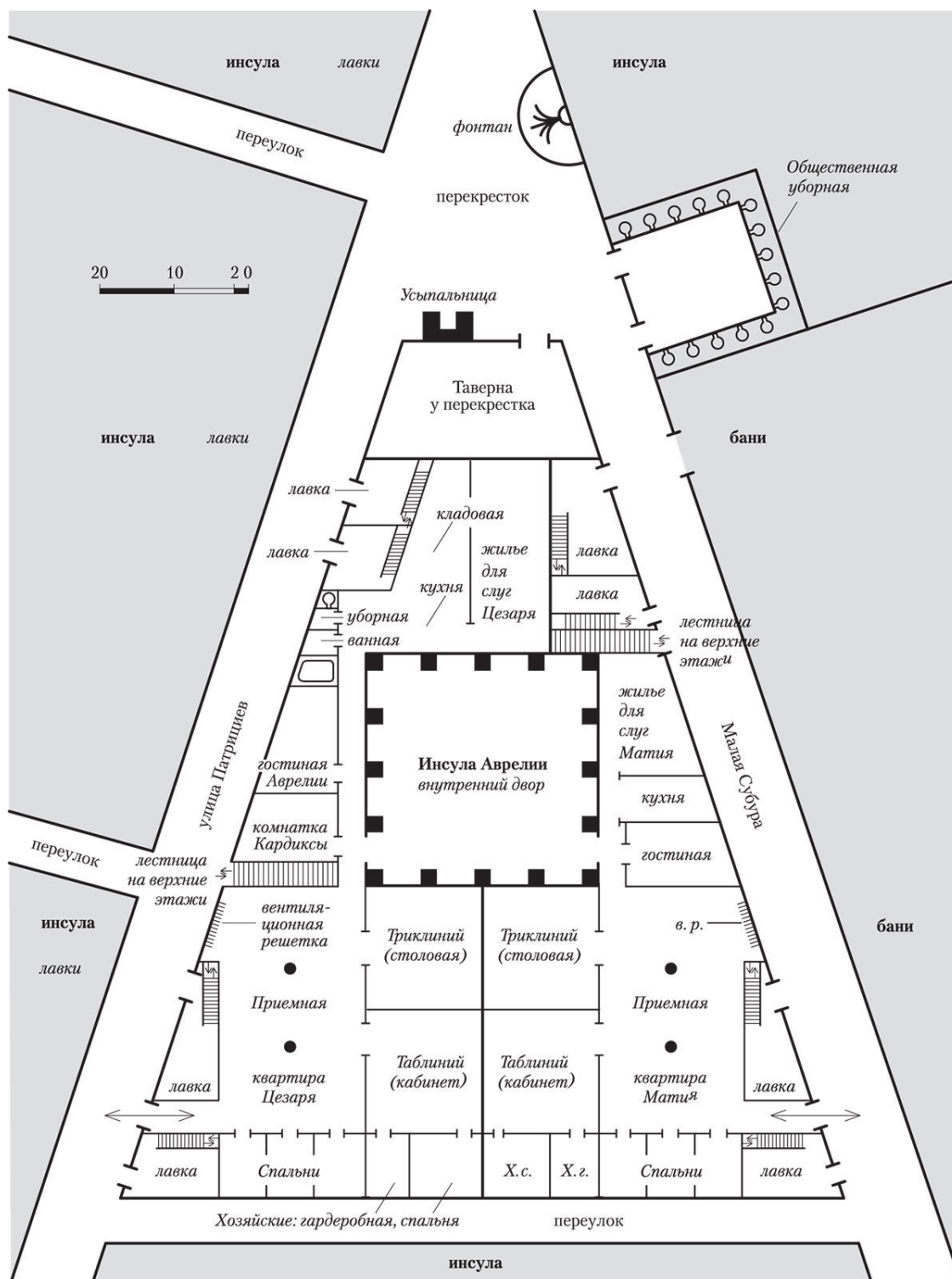
Сам Гай Юлий Цезарь – супруг Аврелии – оказался достаточно благороден и справедлив, чтобы испытывать искреннюю благодарность к Гаю Марию, в отличие от старшего брата Секста, который задрал нос и после женитьбы постепенно отдалился от остального семейства. Цезарь знал, что, не будь денег Мария, он не смог бы войти в сенат и не был бы в состоянии обеспечить будущее своему потомству. Без этих денег Цезарю никогда не позволили бы взять в жены красавицу Аврелию, представительницу древнего и богатого рода, о руке которой мечтали очень многие.

Безусловно, если бы Марий настоял, Цезарь с супругой перебрались бы в собственное жилище на Палатине или в Каринах. Более того, дядя и отчим Аврелии Марк Аврелий Котта уговаривали молодую чету пустить часть приданого на покупку дома. Однако Цезарь и Аврелия предпочли последовать совету Цезаря-деда и отказались от подобной роскоши. Приданое Аврелии было истрачено на приобретение инсулы – доходного дома, в котором поселились и хозяева, в надежде, что со временем Цезарь сможет купить особняк в более престижном районе. Найти более престижное место было нетрудно, поскольку инсула Аврелии находилась в сердце Субуры, самого многолюдного и бедного района Рима, зажатого между Эсквилином и Виминалом и населенного представителями всех рас и вероисповеданий, а также римлянами, относящимися в основном к четвертому и пятому классам, среди которых попадались и неимущие.

И все же управление инсулой пришлось Аврелии по душе. Как раз тогда, когда Цезарь впервые отлучился надолго, а ее первая беременность благополучно завершилась, она с головой ушла в заботы домовладелицы. Разогнав агентов, она стала вести дела самостоятельно, обзаведясь множеством знакомств среди нанимателей. Она во всем действовала разумно и решительно, ей даже удалось приструнить членов сомнительного братства перекрестков, собиравшихся в стенах ее инсулы. Это братство, состоявшее из местных жителей и зарегистрированное у городского претора, должно было устраивать праздники в честь ларов, алтарь которых был установлен на перекрестке, прилегающем к инсуле Аврелии, а также чистить фонтан и убирать мусор. Квартальным начальником, возглавлявшим эту подозрительную коллегия, был некий Луций Декумий, коренной римлянин, но принадлежавший лишь к четвертому классу. Когда Аврелия занялась управлением инсулой, она обнаружила, что Луций Декумий и его приспешники собирают дань со всей округи, запугивая окрестных лавочников. Ей удалось положить конец их бесчинствам, а заодно приобрести в лице главаря этой бандитской шайки надежного друга.

Поскольку у Аврелии было мало грудного молока, она нашла среди жильцов своей инсулы кормилиц для детей, открыв крошкам-патрициям двери в мир, о существовании которого они иначе никогда не узнали бы. Результат можно было предвидеть: задолго до поступления в школу все трое овладели, хотя и в разной степени, греческим, еврейским, сирийским и несколькими галльскими наречиями и, помимо классической латыни, на которой изъяснялись их благородные предки, усвоили говор низших сословий и жаргон, свойственный исключительно Субуре. Они собственными глазами видели, как живет римский люд, пробовали всевозможную пищу, которую чужеземцы находили вкусной, и водили дружбу с членами братства Луция Декумия.

Аврелия полагала, что все это не причинит детям вреда. Впрочем, она вовсе не была бунтовщицей и не стремилась изменить мир, твердо придерживаясь принципов, в которых была воспитана. Вместе с тем она была натура деятельная, любознательная и не безразличная к людям. Еще в юности, когда Аврелия знать не знала забот, ее вдохновлял пример матери Гракхов Корнелии, которую она считала истинной героиней и величайшей женщиной в истории Рима. Теперь, в зрелом возрасте, Аврелия руководствовалась более практичными соображениями, опираясь главным образом на здравый смысл. Именно здравый смысл подсказывал ей, что болтающие на нескольких языках маленькие патриции – это вовсе не плохо. Более того, она полагала, что для них станет хорошей жизненной школой общение с теми, кому недоступно величие, которое по праву рождения принадлежит ее детям.

Чего Аврелия действительно опасалась, так это возвращения Гая Юлия Цезаря, мужа и отца; на самом деле он никогда толком не был ни тем ни другим. Вероятно, чужеземная любовница и могла просветить его на сей счет, но он был не из тех, кто с легкостью заводит связи. Будучи истинной римлянкой, Аврелия не пыталась выяснять – и не хотела этого делать, – прибегает ли он к услугам других женщин, чтобы удовлетворять естественные потребности, хотя, наблюдая за жизнью своих квартирантов, видела: любовь зачастую доводит женщин до иступления, а то и толкает на убийства из-за ревности. Аврелия не могла этого понять, однако она признавала это как данность и благодарила богов за то, что те наделили ее трезвым умом и

научили обуздывать чувства; ей и в голову не приходило, что и среди женщин ее сословия есть немало таких, которым знакомы муки ревности и отчаяние.

Нет, окончательное возвращение Цезаря чревато неприятностями. Аврелия была в этом твердо убеждена. Впрочем, она не истязала себя мыслями о будущем, а получала от жизни удовольствие, не слишком тревожась ни за здоровье своих маленьких аристократиков, ни за язык, на котором они щебечут. В конце концов, разве не так же обстоит дело на Палатине и в Каринах, где женщины доверяют детей нянькам со всех концов света? Разница в том, что там никто не заботится о последствиях, – дети становятся умелыми притворщиками, ищущими наперсниц среди служанок, которых знают гораздо лучше, нежели собственных матерей.

Впрочем, маленький Юлий Цезарь был ребенком особенным и весьма трудным; даже рассудительная Аврелия ощущала в сердце холодок, задумываясь о способностях и будущем своего единственного сына. В гостях у Юлии она призналась ей и Элии, что этот малыш сводит ее с ума, и теперь радовалась, что проявила тогда слабость, поскольку Элия дала ей дельный совет: найти для ребенка педагога.

Аврелия, как и все, слыхала о существовании исключительно одаренных детей, однако полагала, что такие рождаются не у сенаторов, а в гуще простонародья. Родители юных дарований часто обращались к ее дяде и отчиму Марку Аврелию Котте с просьбой дать их детям шанс проявить свои способности, на что у родителей не было возможностей; за это они передавали себя и своего отпрыска под его патронат, обещая быть его верными клиентами. Котта всегда охотно исполнял подобные просьбы, надеясь, что со временем у него и у его сыновей на службе окажутся талантливые люди. При этом Котта был человеком здравомыслящим; как-то раз Аврелия подслушала, как он говорил Рутилии, своей жене:

– К сожалению, дети не всегда оправдывают возлагаемые на них надежды. Либо огонек сразу начинает гореть слишком ярко и преждевременно гаснет, либо их захлестывает тщеславие и самоуверенность, чреватые крахом. Некоторые, правда, оказываются полезными. Такие дети – сокровища. Именно поэтому я никогда не отказываюсь помогать родителям.

Что Котта и Рутилия (мать Аврелии) думают по поводу своего одаренного внука, Аврелия не знала, поскольку не рассказывала им о его способностях и вообще старалась скрывать от них мальчика. Собственно, она прятала юного Цезаря почти от всех. Его таланты повергали ее в трепет и заставляли втайне мечтать об ослепительном будущем. Однако куда чаще это становилось для нее причиной глубокого уныния. Если бы она знала все его слабости и недостатки, ей было бы проще иметь с ним дело. Но кто может похвастаться, что постиг душу ребенка, которому еще не исполнилось и двух лет? Прежде чем продемонстрировать своего необыкновенного сына миру, Аврелия хотела лучше разобраться в его натуре, почувствовать себя с ним более уверенно. Она никак не могла избавиться от опасения, что ему не хватит силенок совладать с тем даром, которым наделила его причудница-природа.

Сын отличался чувствительностью, – это ей было известно. Обескуражить его было не трудно. Но горевал он недолго. Природа наделила его жизнерадостностью, какой сама Аврелия никогда не обладала. Его энтузиазм был воистину безграничным, мозг работал так стремительно, что впитывал сведения, как огромная рыба, втягивающая в себя воды моря, в котором живет. Больше всего Аврелию беспокоила его доверчивость, стремление маленького Цезаря подружиться с кем угодно, его нежелание прислушиваться к ее наставлениям, помедлить и поразмыслить получше, понять, что мир существует не только для того, чтобы удовлетворять его желания, ибо в нем часто встречаются весьма опасные люди.

Одновременно она понимала, что такое копанье в душе малыша не имеет смысла. Хотя ум мальчика мог переварить невероятно много, но жизненного опыта ему не доставало. Пока юный Цезарь был просто-напросто губкой, впитывающей любую влагу, в которую погружался; если же субстанция оказывалась недостаточно жидкой, он принимался за нее, стараясь довести до необходимой консистенции. Конечно, у него имелись недостатки и слабости, но Аврелия не

знала, носят ли они постоянный характер, или же это просто этапы развития. К примеру, он был осведомлен о своей неотразимости и всю этим пользовался, чтобы вить из окружающих веревки. Его беспомощной жертвой становилась среди прочих тетюшка Юлия, не способная противиться его уловкам.

Матери не хотелось, чтобы мальчик пускал в ход свое очарование. Самой Аврелии (по ее собственному убеждению) обаяние не было присуще ни в малейшей степени, и она испытывала презрение к привлекательным людям, ибо знала, как легко они добиваются желаемого и как мало его ценят. Обаяние было для нее признаком легковесности, которая никогда не позволит мужчине стать подлинным лидером. Юному Цезарю придется от него избавиться, иначе ему не добиться успеха среди римлян, которые выше прочего ставят именно серьезность. Кроме того, мальчик был просто хорошеньким – еще одно нежелательное качество. Но как сделать некрасивым красивое лицо, тем более что красота унаследована от обоих родителей?

Итогом всех этих тревог, развеять которые могло одно лишь время, стала граничившая с суровостью строгость к маленькому сыну: Аврелия не склонна была закрывать глаза на проступки, часто сходявшие с рук его сестрам; готова была скорее пожурить его, чем утешить, часто порицала и бранила. Все остальные души в нем не чаяли, а сестры и кузины откровенно баловали; мать же понимала, что ей досталась роль злой мачехи. Если больше некому было проявить строгость, приходилось делать это самой. Мать Гракхов Корнелия не стала бы колебаться.

Задача найти педагога, которому можно было бы доверить воспитание ребенка (мальчику еще несколько лет полагалось бы оставаться на попечении женщин), не пугала Аврелию; напротив, она приступила к поискам с энтузиазмом. Жена Суллы Элия отсоветовала ей останавливать выбор на воспитателе-рабе, – это еще более усложнило проблему. Не питая большого уважения к Клавдии, жене Секста Цезаря, она не собиралась спрашивать совета у нее. Если бы сыном Юлии занимался педагог, Аврелия непременно обратилась бы к ней, однако Марий-младший, единственный ребенок в семье, посещал школу, чтобы не лишиться общества сверстников. Точно так же собиралась в свое время поступить с сыном и Аврелия; однако теперь она понимала, что об этом не может быть и речи. Среди сверстников юный Цезарь превратился бы либо в мишень для насмешек, либо в предмет всеобщего обожания, а она считала недопустимым и то и другое.

За советом Аврелия отправилась к своей матери Рутилии и единственному брату матери Публию Рутилию Руфу. Дядя Публий неоднократно приходил ей на помощь, в том числе и в вопросе замужества.

Она отправила всех троих детей на тот этаж своей инсулы, где проживали евреи, – их любимое убежище в этом многолюдном, шумном доме, – а сама, усевшись в паланкин, приказала доставить себя в дом отчима; спутницей она выбрала преданную служанку из галльского племени арвернов по имени Кардикса. Естественно, к моменту, когда Аврелия покинет дом Котты на Палатине, у дверей ее будет поджидать Луций Декумий со своими подручными: к тому времени стемнеет, и субурские хищники выйдут на охоту.

Аврелия так успешно скрывала от всех необыкновенные таланты своего сына, что ей оказалось нелегко убедить Котту, Рутилию и Публия Рутилия Руфа, что этот человек, которому еще не исполнилось и двух лет, нуждается в наставнике. Потребовалось дать десятки терпеливых ответов на десятки недоверчивых вопросов, чтобы родственники наконец поверили.

– Я не знаю подходящего человека, – молвил Котта, ероша свои редкие волосы. – Твои братья Гай и Марк занимаются сейчас с риториками, а Луций-младший ходит в школу. На самом деле тебе стоило бы обратиться к одному из торговцев рабами-педагогами – Мамилию Малку или Дуронию Постуму. Однако раз ты непременно хочешь приставить к нему свободного учителя, то я просто не знаю, что тебе посоветовать.

– Дядюшка Публий, а ты? Ты уже давно сидишь и помалкиваешь, – сказала Аврелия.

– Помалкиваю, – отозвался сей мудрый муж.

– Не значит ли это, что у тебя есть кто-то на примете?

– Возможно. Только сперва мне самому хотелось бы взглянуть на Цезаря-младшего, желательно при таких обстоятельствах, которые помогли бы мне составить собственное мнение. Ты скрывала его от нас – не пойму зачем.

– Такой славный мальчуган! – с чувством вздохнула Рутилия.

– С ним одни неприятности! – Ответ матери был лишен всякого намека на сентиментальность.

– В общем, я думаю, что всем нам настало время взглянуть на Цезаря-младшего, – заключил Котта, который с возрастом располнел и оттого страдал одышкой.

Аврелия в смятении всплеснула руками и оглядела родственников с таким волнением во взоре, что все были потрясены. Они знали ее с младенчества, но никогда еще не видели такой растерянной.

– О, только не это! – вскричала она. – Нет! Как вы не понимаете? Это может причинить ему огромный вред. Мой сын не должен думать, что он чем-то отличается от других! Что же будет, если сразу трое взрослых начнут глазеть на него и дивиться его разумным ответам? Он возомнит себя невесть кем!

Рутилия покраснела и поджала губы.

– Милая девочка, ведь он мой внук! – выпалила она.

– Да, мама, отлично знаю. Ты обязательно увидишь его и сможешь задать ему любые вопросы – но сейчас еще не время! И не все вместе! Пока я просила бы зайти к нам дядю Публия.

Котта толкнул жену локтем.

– Прекрасная мысль, Аврелия, – сказал он одобрительно. – В конце концов, ему скоро исполнится два года. Аврелия может пригласить нас к нему на день рождения, Рутилия. Вот тогда и увидим собственными глазами, что это за чудо, а ребенок даже и не заподозрит, с какой целью мы нагрянули.

Подавив досаду, Рутилия кивнула:

– Как пожелаешь, Марк Аврелий. Тебя это устраивает, дочь?

– Да, – буркнула Аврелия.

Публий Рутилий Руф сразу пал жертвой обаяния юного Цезаря, все более искусно пользовавшегося своей способностью очаровывать людей, и счел его замечательным ребенком. Он едва дождался момента, чтобы поделиться своим восторгом с его матерью.

– Не припомню, когда я чувствовал такую симпатию к кому-либо, за исключением тебя, когда ты, отвергнув всех служанок, которых тебе предлагали родители, сама нашла себе Кардиксу, – с улыбкой проговорил он. – Тогда я подумал, что ты – бесценная жемчужина. Но теперь я узнал, что моя жемчужина произвела не лучик света, а прямо-таки кусочек солнца.

– Оставь всю эту лирику, дядя Публий! – отрезала озабоченная мамаша. – Я позвала тебя не за этим.

Однако Публию Рутилию Руфу представлялось крайне важным довести до ее сознания свою мысль, поэтому он уселся с ней рядом на скамью во дворе-колодце, устроенном посредине инсулы. Местечко было чудесным, поскольку второй обитатель первого этажа, всадник Гай Маций, увлекался цветоводством и достиг в этом деле совершенства. Аврелия называла свой двор-колодец «вавилонскими висячими садами»: с балконов на всех этажах свисали различные растения, а вьющийся виноград за долгие годы оплел весь двор до самой крыши. Дело было летом, и сад благоухал ароматами роз, желтофиоли и фиалок; радуя глаз всеми оттенками розового, синего и фиолетового.

– Дорогая моя племянница, – заговорил Публий Рутилий Руф серьезным голосом, взяв ее за руки и заглядывая в глаза, – попытайся меня понять. Рим уже не молод, хотя пока еще не впал в старческое слабоумие. Но подумай сама: двести сорок четыре года им правили цари, затем четыреста одиннадцать лет у нас была Республика. История Рима насчитывает уже шестьсот пятьдесят пять лет, и за это время он становился все могущественнее. Но многие ли древние роды по-прежнему способны давать Риму консулов, Аврелия? Корнелии, Сервилии, Валерии, Постумии, Клавдии, Эмилии, Сульпиции... Юлии не давали Риму консулов уже четыре сотни лет, хотя думаю, что при жизни теперешнего поколения в курульном кресле все же побывает несколько Юлиев. Сергии слишком бедны, поэтому им пришлось заняться разведением устриц; Пинарии так бедны, что готовы на что угодно, лишь бы разбогатеть. У плебейского нобилитета дела идут лучше, чем у патрициев, и мне кажется, что если мы не проявим осторожность, то Рим окончательно попадет под власть «новых людей», не имеющих великих предков, не чувствующих связи с корнями Рима и поэтому безразличных к тому, во что Рим превратится. – Он сильнее сжал ее руки. – Аврелия, твой сын – представитель старейшего и знаменитейшего рода. Среди доживающих свой век патрицианских родов одни Фабии могут сравниться с Юлиями, но Фабиям уже три поколения приходится усыновлять детей, чтобы не пустовало курульное кресло. Истинные Фабии настолько выродились, что прячутся от людских глаз. И вот перед нами – Цезарь-младший, выходец из древнего патрицианского рода, не уступающий умом и энергией «новым людям». Он – надежда Рима, какой я уж и не надеялся увидеть. Я верю: для того чтобы Рим вознесся еще выше, им должны править патриции. Я никогда не произнес бы этого при Гае Марии, которого люблю, но, любя, осуждаю. За свою феноменальную карьеру Гай Марий причинил Риму больше вреда, чем пятьдесят германских вторжений. Законы, которые он поправил, традиции, которые он уничтожил, прецеденты, которые он создал! Братья Гракхи, по крайней мере, принадлежали к нобилитету и пытались решить назревшие в Риме проблемы хотя бы с подобием уважения к *mos maiorum*, неписаным заветам предков. Тогда как Гай Марий пренебрег *mos maiorum*, оставив Рим на растерзание волкам, не имеющим ни малейшего отношения к старой доброй волчице, вскормившей Ромула и Рема.

Речь эта показалась Аврелии такой увлекательной и необычной, что она слушала ее с широко распахнутыми глазами, даже не замечая, как сильно сжал Публий Рутилий Руф ее руку. Наконец-то ей предлагали нечто существенное, путеводную нить, держась за которую она с юным Цезарем могла выбраться из царства теней.

– Ты должна ценить достоинства юного Цезаря и делать все, что в твоих силах, чтобы направить его по пути величия. Тебе следует внушить ему целеустремленность, осознание задачи, которая по силам ему одному, – сохранить и обновить римский дух и римские традиции.

– Понимаю, дядя Публий, – ответила она серьезно.

– Хорошо, – кивнул он и, вставая, потянул ее за собой. – Завтра, в три часа пополудни, я пришлю к тебе одного человека. Пусть мальчик никуда не отлучается.

Так сын Аврелии стал воспитанником Марка Антония Гнифона, галла из Немауза. Его дед был из племени салиев, которое непрерывными набегами терроризировало эллинизированное население Заальпийской Галлии. В конце концов деда и отца будущего воспитателя поймали отчаявшиеся массилиоты. Дед, проданный в рабство, вскоре умер, отец же был достаточно молод, чтобы из варвара превратиться в домашнего слугу в греческой семье. Паренек оказался смышленным, поэтому умудрился накопить денег и выкупиться на свободу, после чего женился. В жены он взял гречанку-массилиотку скромного происхождения, отец охотно дал согласие на брак, несмотря на варварскую наружность жениха – могучее телосложение и ярко-рыжие волосы. Таким образом, его сын Гнифон вырос среди свободных людей и, как и его отец, оказался юношей весьма способным.

Гней Домиций Агенобарб, превративший побережье Срединного моря Заальпийской Галлии в римскую провинцию, назначил своим старшим легатом одного из Марков Антониев, у которого отец Гнифона служил переводчиком и писцом. После победоносного завершения войны с арвернами Марк Антоний пожаловал отцу Гнифона римское гражданство. Это был наилучший способ выразить свою благодарность – Антонии славилась щедростью. Хотя ко времени поступления на службу к Марку Антонию отец Гнифона уже был свободным человеком, римское гражданство позволило ему стать членом сельской трибы Антониев.

Гнифон еще в детстве проявлял интерес к географии, философии, математике, астрономии и инженерному делу. Когда он надел тогу взрослого мужчины, отец посадил его на корабль, отплывавший в Александрию, мировой центр учености. Там, в знаменитой библиотеке при Александрийском мусейоне, он набирался ума под руководством Диоклеса – главного библиотекаря.

Однако лучшие годы александрийского книгохранилища уже миновали, и никто из библиотечарей не мог сравниться с великим Эратосфеном. Когда Марку Антонию Гнифону исполнилось двадцать шесть лет, он решил поселиться в Риме и заняться преподаванием. Сперва он стал грамматиком и обучал молодых людей риторике; потом, устав от чванства юных аристократов, открыл школу для мальчиков помладше. Марк Антоний Гнифон тотчас добился успеха и весьма скоро мог себе позволить без стеснения взимать самую высокую плату. Он с легкостью оплачивал просторное учебное помещение из двух комнат на тихом шестом этаже инсулы вдали от гомона Субуры, а также еще четыре комнаты этажом выше в том же пышном сооружении на Палатине – там он жил. Гнифон содержал еще четырех рабов, которые обходились ему недешево; двое были его личными слугами, а двое помогали в преподавании.

Предложение Публия Рутилия Руфа учитель встретил смехом, заверив гостя, что не намерен отказываться от столь доходного занятия ради возни с сосунком. Рутилий Руф сделал следующий ход: он предложил педагогу готовый контракт, включавший проживание в роскошных апартаментах в более фешенебельной инсуле на Палатине и более щедрую оплату его труда. Однако Марк Антоний Гнифон не соглашался.

– Хотя бы зайди взглянуть на ребенка, – предложил Рутилий Руф. – Когда удача сама идет тебе в руки, не стоит воротить нос.

Стоило преподавателю познакомиться с юным Цезарем, как он изменил свое решение. Теперь Рутилий Руф услышал от него следующее:

– Я берусь быть наставником юного Цезаря не из-за его происхождения и даже не из-за его чудесных способностей, а потому, что он очень мне понравился и его будущее внушает мне страх.

– Ну и ребенок! – жаловалась Аврелия Луцию Корнелию Сулле, когда тот заглянул к ней в конце сентября. – Семья собирает последние деньги, чтобы нанять для него самого лучшего педагога, и что же? Педагог тоже становится жертвой его обаяния!

– Гм, – откликнулся Сулла.

Он пришел к Аврелии не для того, чтобы выслушивать жалобы на ее отпрысков. Дети утомляли Суллу, как бы смышлены и очаровательны они ни были; оставалось гадать, почему он не зевает в присутствии собственного потомства. Нет, он заглянул, чтобы сообщить о своем отъезде.

– Значит, и ты меня покидаешь, – заключила она, угощая его виноградом из своего сада.

– Да, и, боюсь, очень скоро. Тит Дидий намерен переправить войско в Испанию морем, а для этого самое лучшее время года – начало зимы. Я же отправлюсь туда по суше, чтобы все подготовить.

– Ты устал от Рима?

– А ты бы не устала на моем месте?

– О да!

Он беспокойно поерзал и в отчаянии стиснул кулаки:

– Я никогда не доберусь до самого верха, Аврелия!

Но она только рассмеялась:

– Ты еще станешь Октябрьским Конем, Луций Корнелий. Твой день непременно наступит!

– Но, надеюсь, не буквально, – усмехнулся он в ответ. – Мне бы хотелось сохранить голову на плечах – а Октябрьскому Коню этого не суждено. И почему, интересно знать? Беда в том, что все наши священнодействия настолько дряхлы, что мы даже не понимаем языка, на котором возносим свои молитвы. И не имеем представления, зачем запрягаем в колесницы боевых коней попарно, чтобы потом принести в жертву правого из колесницы, выигравшей забег. Что до сражения... – В саду было так светло, что зрачки Суллы превратились в точки и он стал похож на незрячего провидца; в его зоре, устремленном на Аврелию, отразилось пророческое страдание, которое было вызвано не бедами прошлого или настоящего, а провидением будущего. – О, Аврелия! – вскричал он. – Почему счастье ускользает от меня?

У нее сжалось сердце, ногти вонзились в ладони.

– Не знаю, Луций Корнелий.

Взывать к его здравому смыслу – что могло быть нелепее? Но больше ей нечего было ему предложить.

– Думаю, тебе нужно найти серьезное дело.

Ответ Суллы был сух:

– Вот уж точно! Когда я занят, у меня не остается времени на раздумья.

– И я такая же, – ответила Аврелия ему в тон. – Но в жизни должно быть что-то еще.

Они сидели в гостиной рядом с низкой стеной внутреннего сада, по разные стороны стола; их разделяло блюдо, полное зрелого винограда. Гость умолк, а Аврелия все разглядывала его. Как он прекрасен! Ей вдруг стало очень жаль себя – это случалось с ней нечасто, поскольку она умела обуздывать чувства. «У него такой же рот, как у моего мужа, – подумала она, – такой же красивый...»

Сулла неожиданно поднял глаза, застав ее врасплох; Аврелия залилась густой краской. Что-то изменилось в его лице, трудно определить, что именно, но он вдруг стал *больше* походить на себя. Сулла протянул к ней руку, лицо его озарилось неотразимой улыбкой.

– Аврелия...

Она ответила на рукопожатие и затаила дыхание; у нее кружилась голова.

– Что, Луций Корнелий? – услышала она собственный голос.

– Будь моей!

У Аврелии пересохло в горле, и она почувствовала, что должна глотнуть воды, иначе лишится чувств, однако даже это оказалось выше ее сил; его пальцы, обвившиеся вокруг ее пальцев, казались ей последней нитью, связывавшей ее с ускользающей жизнью: разомкни она их – и жизнь оборвется...

После Аврелии никак не удавалось вспомнить, когда Сулла успел обойти стол, но лицо его внезапно оказалось совсем близко от ее лица, и блеск его глаз, его губ уже представлялся ей мерцанием, исходящим из глубины отполированного мрамора. Аврелия зачарованно наблюдала, как перекачиваются мускулы под кожей его правой руки, и дрожала – нет, вибрировала, – чувствуя себя слабой и беззащитной...

Закрыв глаза, она ждала. Когда его губы прикоснулись к ее губам, Аврелия ответила таким пылким поцелуем, словно в ней накопился вековой голод; в ее душе поднялась буря, какой она еще не знала. Аврелия ужаснулась самой себе, почувствовав, что вот-вот превратится в пылающие уголья.

Спустя мгновение между ними уже была комната: Аврелия вжалась в ярко расписанную стену, словно желая слиться с плоским изображением, а Сулла стоял возле стола, тяжело дыша; его волосы горели на солнце ослепительным огнем.

– Я не могу! – тихо вскрикнула она.

– Тогда ты навсегда потеряешь покой!

Стараясь – невзирая на клокочущую в нем ярость – не уронить себя в глазах Аврелии, Сулла величественно завернулся в сползшую на пол тогу и решительными шагами, каждый из которых напоминал Аврелии, что он никогда не вернется, удалился с высоко поднятой головой, словно это *он* покидает поле сражения победителем.

Однако лавры победителя в несостоявшейся схватке его не удовлетворяли: он понимал, что потерпел поражение, и пылал от негодования. Сулла неслись домой, подобно урагану сметая прохожих. Да как она посмела! Как посмела сидеть перед ним с таким голодным взглядом, зажечь его поцелуем – и каким поцелуем! – а потом пойти на попятный? Можно подумать, что она хотела его меньше, чем он – ее! Надо было прикончить ее, свернуть ей хрупкую шею, отравить, чтобы ее личико разбухло от яда, придушить, чтобы насладиться зрелищем вылезающих из орбит глаз! Убить ее, убить, убить, убить! Убить, стучало сердце – ему казалось, что оно колотится у него в ушах; убить, гудела кровь, бурлившая в жилах и заставлявшая раскалываться череп. Убить, убить, убить ее! Его ярость подогревалась сознанием того, что убить ее он не сможет, точно так же как не мог убить Юлиллу, Элию, Далматику. Почему? Что таилось в этих женщинах, чего не было в Клитумне и Никополис?

Когда Сулла, словно камень, брошенный из пращи, влетел в атрий, слуги разбежались, жена беззвучно удалилась, и весь огромный дом ушел в себя, как улитка в раковину. Ворвавшись в кабинет, Сулла подскочил к деревянному ларю в виде храма, где хранилась восковая маска его предка, и вытащил ящик, укрытый под миниатюрной лестницей. Первым предметом, который ухватили его цепкие пальцы, была бутылочка с прозрачной жидкостью; бутылочка легла ему на ладонь, и он уставился на жидкость, безмятежно переливающуюся за зеленым стеклом.

Луций Корнелий Сулла не знал, сколько времени провел так, разглядывая бутылочку на ладони. При этом в его мозгу не вышло ни единой мысли: от ступней до корней волос его захлестывала злоба. Или, может, то была боль? Горе? Безграничное, чудовищное одиночество? Только что его сжигал огонь; но почти мгновенно он оказался в объятиях лютого холода. Лишь остынув, Сулла сумел взглянуть правде в глаза: он, привыкший видеть в убийстве утешение и весьма удобный способ решения проблем, не находил в себе сил расправиться с женщиной, принадлежащей к его сословию. Юлиллу и Элию он, правда, обрек на страдания, что давало хоть какое-то успокоение. Более того, участь Юлиллы наполняла его душу мрачным удовлетворением, ведь это он послужил причиной ее смерти: он не сомневался, что, не стань она свидетельницей его свидания с Метробием, она по-прежнему пьянствовала бы и сжигала его огнем своих огромных желтых глаз, в которых навечно застыл немой упрек. Однако в случае с Аврелией он и надеяться не смел на то, что она станет горевать по нему после того, как он покинул ее дом. Стоило ему выйти на улицу, как она наверняка справилась с огорчением и нашла утешение в работе. До завтра она окончательно выкинет его из головы. В этом – вся Аврелия! Чтоб ей сгинуть! Да сожрут ее черви! Мерзкая тварь!

Разразившись бессмысленными проклятиями, Сулла поймал себя на том, что его настроение понемногу улучшается. Впрочем, проклятия здесь были совершенно ни при чем. Боги не обращали ни малейшего внимания на огорчения и страсти человеческие, и не в его власти умертвить предмет ненависти, мысленно обрушивая на него свой безудержный гнев. Аврелия по-прежнему жила в его душе, и ему было необходимо избавиться от этого образа, прежде чем он отбудет в Испанию, чтобы посвятить все свои усилия карьере. Ему требовалась какая-то

замена экстазу, который охватил бы его, если бы ему удалось разрушить неприступную цитадель ее добродетели. И не важно, что до того, как он заметил вожделение в ее взоре, ему и в голову не приходило пытаться соблазнить ее; порыв был настолько силен, что ему никак не удавалось прийти в себя.

Все дело в Риме! В Испании Сулла излечится. Но как обрести успокоение сейчас? На поле боя его никогда не постигало столь жгучее разочарование – то ли потому, что там нет времени на раздумья, то ли потому, что там повсюду тебя окружает смерть, то ли потому, что в пылу битвы легче убедить себя, что движешься к великой цели. Но в Риме – а он проторчал в Риме уже почти три года! – Сулла безумно тосковал, а против тоски у него было всего одно действенное средство – убийство в буквальном или хотя бы метафорическом смысле этого слова.

Оцепенев от внутреннего холода, он погрузился в мечты: перед его мысленным взором проплывали лица его жертв и тех, кого ему хотелось видеть жертвами: Юлиллы, Элия, Далматика, Луций Гавий Стих, Клитумна, Никополис, Катул Цезарь – как было бы славно навеки потушить взор этого надменного верблюда! – Скавр, Метелл Нумидийский Свин. Свин... Сулла вскочил, медленно задвинул потайной ящичек. Однако бутылочка осталась у него в кулаке.

Водяные часы показывали полдень. Шесть часов прошло, шесть осталось. Кап-кап-кап... Более чем достаточно, чтобы нанести визит Квинту Цецилию Метеллу Нумидийскому Свину.

Вернувшийся из изгнания Метелл Нумидийский превратился в человека-легенду. Он с замиранием сердца признавался себе, что, не будучи еще стариком и не собираясь умирать, уже стал на Форуме преданием. Из уст в уста передавался рассказ о его консульской карьере, достойной Гомера; о том, с каким бесстрашием он предстал перед Луцием Эквицием, о перенесенных им ударах судьбы, о том, с какой смелостью он испрашивал себе новых испытаний. В легенду превратились его ссылка и то, как его изумленный сын считал бесконечные денарии, когда над Гостилиевой курией заходило солнце, а Гай Марий ждал момента, чтобы клятвенно подтвердить свою приверженность второму земельному закону Сатурнина.

«И все же, – размышлял Метелл Нумидийский, простившись с последним в этот день клиентом, – я войду в историю как величайший представитель великого рода, самый прославленный Квинт из всех Цецилиев Метеллов». Эта мысль заставляла его раздуваться от гордости и счастья. Он вернулся домой, где встретил радушный прием. Чувство небывалого довольства переполняло Метелла. Да, его война с Гаем Марием длилась долго! Однако ей все-таки настал конец. Он победил, а Гай Марий остался в проигрыше. Никогда больше Риму не придется страдать от подлостей Гая Мария.

Слуга поскребся в дверь таблиния.

– Да? – отозвался Метелл Нумидийский.

– Тебя хочет видеть Луций Корнелий Сулла, господин.

Когда Сулла вошел, Метелл Нумидийский уже направлялся навстречу гостю с приветственно протянутой рукой.

– Дорогой Луций Корнелий, какая это радость – увидеться с тобой! – проговорил он, источая радушие.

– Да, мне давно уже пора лично засвидетельствовать тебе почтение, – ответил Сулла, усаживаясь в кресло для клиентов и напуская на себя виноватый вид.

– Вина?

– Благодарю.

Стоя у столика, на котором возвышались два кувшина и несколько кубков из чудесного александрийского стекла, Метелл Нумидийский спросил, глядя на посетителя и поднимая брови:

– Стоит ли разбавлять хиосское вино водой?

– Разбавлять хиосское – преступление, – ответил Сулла с улыбкой, свидетельствующей о том, что он успел освоиться в гостях.

Хозяин не двинулся с места.

– Твой ответ – ответ политика, Луций Корнелий. Не думал, что ты принадлежишь к этой когорте!

– Квинт Цецилий, пусть в твоём вине не будет воды! – воскликнул Сулла. – Я пришел к тебе в надежде, что мы сможем стать добрыми друзьями.

– В таком случае, Луций Корнелий, станем пить наше хиосское неразбавленным.

Метелл Нумидийский взял в руки два кубка: один поставил на стол рядом с Суллой, другой взял себе; усевшись, он провозгласил:

– Я пью за дружбу!

– И я. – Пригубив вина, Сулла нахмурился и посмотрел Метеллу Нумидийскому прямо в глаза. – Квинт Цецилий, я отправляюсь старшим легатом в Ближнюю Испанию вместе с Титом Дидием. Понятия не имею, сколько времени продлится мое отсутствие, однако мне представляется, что оно затянется на годы. Вернувшись, я намерен немедленно выставить свою кандидатуру в преторы. – Откашлявшись, он отпил еще. – Тебе известна подлинная причина моего провала в прошлом году?

Губы Метелла Нумидийского тронула легкая улыбка, но Сулла не сумел понять, что это была за улыбка: насмешливая, злобная или благодушная.

– Да, Луций Корнелий, знаю.

– Что же именно ты знаешь?

– Что ты сильно огорчил моего друга Марка Эмилия Скавра, испугавшегося за свою жену.

– Вот как! Значит, моя связь с Гаем Марием тут ни при чем?

– Луций Корнелий, такой здравомыслящий человек, как Марк Эмилий, никогда не покусился бы на твою государственную карьеру из-за боевого товарищества с Гаем Марием. Хотя сам я не был здесь и не присутствовал при всем этом лично, у меня сохранилась достаточно тесная связь с Римом, чтобы понимать, что в то время ты был уже не так близок с Гаем Марием, – добродушно объяснил Метелл Нумидийский. – Ведь ты больше не связан с ним родственными узами. – Он вздохнул. – Однако тебе не повезло: едва ты порвал с Гаем Марием, как чуть не стал причиной скандала в семействе Скавра.

– Я не совершил ничего недостойного, Квинт Цецилий, – процедил Сулла, стараясь не давать волю раздражению, но все больше укрепляясь в мысли, что эта тщеславная посредственность заслуживает смерти.

– О недостойных поступках речи не было. – Метелл Нумидийский осушил свой кубок. – Можно только сожалеть, что, когда дело доходит до женщин, в особенности жен, даже самые старые и мудрые теряют головы.

Стоило хозяину приподняться, как Сулла резво вскочил на ноги, схватил со стола оба кубка и отошел, чтобы наполнить их.

– Женщина, о которой идет речь, приходится тебе племянницей, Квинт Цецилий, – проговорил Сулла, стоя к собеседнику спиной и загораживая своей тогой стол.

– Только поэтому мне и известна вся эта история.

Протянув Метеллу Нумидийскому кубок, Сулла снова сел.

– Считаешь ли ты, как ее дядя и добрый друг Марка Эмилия, что я действовал правильно?

Хозяин пожал плечами, отпил вина и скривился:

– Если бы ты был каким-то выскочкой, Луций Корнелий, то не сидел бы сейчас передо мной. Но ты – выходец из древнего и славного рода, ты – один из патрициев Корнелиев, к тому

же наделен большими способностями. – Переменив выражение лица, он отпил еще вина. – Если бы в то время, когда моя племянница воспылала к тебе страстью, я находился в Риме, то, конечно, помог бы Марку Эмилию уладить дело. Насколько я понимаю, он просил тебя покинуть Рим, но ты ответил отказом. Не слишком осмотрительно с твоей стороны.

Сулла невесело рассмеялся:

– Просто я полагал, что Марк Эмилий выкажет не меньше благородства, чем я.

– О, как много дали бы тебе несколько лет на Римском форуме в годы юности! – воскликнул Метелл Нумидийский. – Тебе недостает такта, Луций Корнелий.

– Видимо, ты прав. – Сулле еще никогда в жизни не приходилось играть такой трудной роли, как сейчас. – Но я не могу вернуться в прошлое. Я должен двигаться вперед.

– Ближняя Испания под командованием Тита Дидия – что ж, это определенно шаг вперед.

Сулла еще раз встал, чтобы наполнить оба кубка.

– Прежде чем покинуть Рим, мне необходимо заручиться поддержкой по крайней мере одного доброго друга, – молвил он. – Говорю от чистого сердца: мне хотелось бы, чтобы этим другом стал ты. Невзирая на твою племянницу, на твою дружбу с принцепсом сената Марком Эмилием Скавром. Я – Корнелий, а это означает, что я не могу стать твоим клиентом. Только другом. Что скажешь?

– А вот что: оставайся ужинать, Луций Корнелий.

Итак, Луций Корнелий остался ужинать, чем доставил хозяину несравненное удовольствие, ибо Метелл Нумидийский первоначально намеревался отужинать в одиночестве, несколько утомленный своим новым статусом живой легенды. Темой разговора была неустанная борьба его сына за прекращение отцовской ссылки на Родосе.

– Ни у кого еще не бывало лучшего сына, – говорил возвратившийся изгнанник, уже чувствуя действие вина, которого он выпил немало, начав задолго до ужина.

Улыбка Суллы лучилась симпатией.

– Здесь мне нечего возразить, Квинт Цецилий. Ведь я считаю твоего сына своим другом. Мой собственный сын – пока ребенок. Впрочем, отцовское чувство подсказывает мне, что и мой сын будет крепкий орешек.

– Он – Луций, как и ты?

Сулла непонимающе заморгал:

– Разумеется.

– Странно, – протянул Метелл Нумидийский. – Разве в твоей ветви Корнелиев не называют первенцев Публиями?

– Поскольку мой отец мертв, Квинт Цецилий, я не могу задать ему этого вопроса. Не помню, чтобы он при жизни был хоть раз достаточно трезв, чтобы мы могли поговорить о семейных традициях.

– Это не столь важно. – Немного поразмыслив, Метелл Нумидийский сказал: – Кстати, об именах. Ты, видимо, знаешь, что этот... италик всегда дразнил меня Свином?

– Я слышал это твое прозвище от Гая Мария, – серьезно ответил Сулла, наклоняясь, чтобы в очередной раз наполнить вином из великолепного стеклянного кувшина оба кубка. Какое везение, что Свин питает пристрастие к стеклу!

– Отвратительно! – поморщился Метелл Нумидийский, имея в виду прозвище.

– Именно отвратительно! – поддакнул Сулла, наслаждаясь. – Свин... Свин...

– Мне потребовалось немало времени, чтобы заставить всех забыть это прозвище.

– И неудивительно, Квинт Цецилий, – ответил Сулла с невинным видом.

– Детские дразнилки! Обозвать меня *сиппис* он не посмел! Италик... – Внезапно Метелл Нумидийский порывисто выпрямился, провел рукой по лбу и тяжело задышал. – Что-то мне не по себе. Никак не могу отдышаться...

– Попробуй дышать глубже, Квинт Цецилий!

Метелл Нумидийский стал послушно глотать ртом воздух, но, не чувствуя облегчения, проговорил:

– Мне плохо...

Сулла подвинулся к краю ложа, чтобы нащупать ногами сандалии.

– Принести тазик?

– Слуги! Позови слуг! – Он схватился руками за грудь и упал спиной на ложе. – Мои легкие!

Сулла приблизился к ложу и наклонился над столом:

– Ты уверен, что дело именно в легких, Квинт Цецилий?

Метелл Нумидийский корчился от боли, оставаясь в полулежачем положении; одну руку он по-прежнему прижимал к груди, другая, со скрюченными пальцами, ползла по кушетке к Сулле.

– У меня кружится голова! Не могу дышать...

– На помощь! – крикнул Сулла. – Скорее на помощь!

Комната в одно мгновение наполнилась рабами. Сулла действовал спокойно и уверенно: одних он послал за врачами, другим велел подложить Метеллу под спину подушки.

– Скоро все пройдет, Квинт Цецилий, – ласково проговорил он и, снова садясь, как бы случайно задел ногой стол; оба кубка, а также графины с вином и с водой упали и разлетелись на мелкие осколки. – Вот тебе моя рука, – сказал он раскрасневшемуся и перепуганному Метеллу. Подняв глаза на беспомощно стоящего рядом слугу, Сулла распорядился: – Прибери-ка здесь! Не хватало только, чтобы кто-нибудь порезался!

Он не отпускал руки Метелла Нумидийского, пока раб подбирал с пола осколки и вытирал лужу; не отпустил он его руки и тогда, когда в комнате появились новые люди – врачи и их помощники. К моменту прихода Метелла Пия Свиненка Метелл Нумидийский уже не мог отнять у Суллы руку, чтобы поприветствовать своего горячо любимого сына.

Пока Сулла держал Метелла Нумидийского за руку, а Свиненок безутешно рыдал, врачи взялись за дело.

– Медовая вода с иссопом и толченым корнем каперсника, – изрек Аполлодор Сицилиец, считавшийся в самой аристократической части Палатина непревзойденным целителем. – Кроме того, мы пустим ему кровь. Пракс, подай мне ланцет.

Однако Метелл Нумидийский дышал слишком прерывисто, чтобы суметь проглотить медовую настойку; из вскрытой вены хлынула ярко-алая кровь.

– Но это вена, вена! – пробормотал Аполлодор про себя. Повернувшись к остальным лекарям, он произнес: – До чего яркая кровь!

– Он так сопротивляется, Аполлодор! Неудивительно, что кровь такая красная! – ответил афинянин Публий Сульпиций Солон. – Может, пластырь на грудь?

– Да-да, пластырь, – важно распорядился Аполлодор Сицилиец и, повернувшись к помощнику, повелительно щелкнул пальцами: – Пракс, пластырь!

Однако Метелл Нумидийский по-прежнему задыхался, колотил себя в грудь свободной рукой, вглядывался затуманенным взором в лицо сына и все крепче сжимал руку Суллы.

– Лицо у него не посинело, – обратился Аполлодор Сицилиец к Метеллу Пию и Сулле на греческом, – и этого я понять не могу. В остальном вижу у него все симптомы острой легочной недостаточности. – Он указал кивком на помощника, растиравшего на кусочке ткани что-то черное и липкое. – Наилучшая припарка! Она выведет наружу вредоносное вещество. Толченая ярь-медянка, окись свинца, квасцы, сухой деготь, сухая сосновая смола – все это перемешано в нужном количестве с уксусом и маслом. Вот и готово!

И действительно, припарка была готова. Аполлодор Сицилиец сам намазал ею грудь больного и, скрестив руки, стал с достойным восхищения спокойствием наблюдать за действием пластыря.

Однако ни настойка, ни пластырь, ни кровопускание не помогли: жизнь покидала Метелла Нумидийского, и его рука, вцепившаяся в руку Луция Корнелия Суллы, все больше слабела. Лицо его побагровело, взор угасал, паралич сменился коматозным состоянием, далее наступила смерть.

Покидая комнату, Сулла слышал, как низкорослый сицилийский лекарь робко сказал Метеллу Пию:

– *Domine*, необходимо сделать вскрытие.

Безутешный Свиненок бросил в ответ:

– Чтобы вы, неумелые греки, искромсали его? Мало того что по вашей вине он умер? Нет, вы больше и пальцем не коснетесь моего отца.

Заметив спину удаляющегося Суллы, Свиненок бросился к дверям и настиг его уже в атрии:

– Луций Корнелий!

Сулла медленно повернулся к нему. Метелл Пий увидел лицо, исполненное скорби: в глазах стояли слезы, на щеках подсыхали ручейки от слез, уже успевших пролиться.

– Дорогой мой Квинт Пий!

Потрясение давало Свиненку силы держаться; его рыдания утихли.

– Не верю! Мой отец мертв...

– Да, и как внезапно! – отозвался Сулла, печально качая головой. Из его груди вырвался вздох. – Совершенно внезапно! Он казался абсолютно здоровым, Квинт Пий! Я зашел к нему засвидетельствовать почтение, и он пригласил меня отужинать. Мы так приятно беседовали! И вот, когда ужин близился к концу, случился приступ...

– Но почему, почему, почему? – На глазах у Свиненка опять появились слезы. – Он только что возвратился домой, он был совсем не стар!

Сулла с великой нежностью привлек к себе Метелла Пия, прижал его вздрагивающую голову к своему плечу и принялся гладить правой рукой по волосам. Однако глаза Суллы, смотрящие поверх головы молодого человека, горели радостью после столь бурного выплеска эмоций. Что может сравниться с этим непередаваемым ощущением? Чего бы еще такого предпринять? Впервые он полностью погрузился в процесс остановки чужой жизни, став не только палачом, но и жрецом смерти.

Слуга, вышедший из триклиния, обнаружил сына скончавшегося хозяина в объятиях утешителя, сияющего, подобно Аполлону, победным торжеством. Слуга заморгал и потрянул головой. Не иначе игра воображения...

– Мне пора, – бросил Сулла слуге. – Поддержи его. И пошли за родственниками.

Выйдя на спуск Виктории, Сулла стоял на месте довольно долго, пока глаза не привыкли к темноте. Затем, тихонько посмеиваясь про себя, он зашагал по направлению к храму Великой Матери. Завидя бездну сточной канавы, он бросил туда пустой пузырек.

– *Vale*, Свин! – провозгласил он, воздев обе руки к хмурому небу. – О, теперь мне лучше!

– Юпитер! – вскричал Гай Марий, откладывая письмо Суллы и поднимая глаза на жену.

– Что случилось?

– Свин мертв!

Утонченная римская матрона, которая, по мнению ее сына, не вынесла бы словечка крепче, чем «*Ecastor!*», и глазом не моргнула: она с первого дня замужества привыкла, что Квинт Цецилий Метелл Нумидийский именуется Свином.

– Жаль, – произнесла она, не зная, какой реакции ждет от нее супруг.

– Жаль?! Какое там! Это хорошо, даже слишком хорошо, чтобы быть правдой!

Марий снова схватил свиток и развернул его, чтобы прочесть все сначала. Размотав бесконечный свиток, он стал читать жене письмо вслух срывающимся от радостного возбуждения голосом:

Весь Рим собрался на похороны, которые оказались самыми многочисленными из тех, какие я только могу припомнить, – впрочем, в те дни, когда на погребальный костер отправился Ципион Эмилиан, я еще не слишком интересовался похоронами.

*Свиненок не находит себе места от горя; он так рыдает, так мечется от одних ворот Рима к другим, что вполне оправдывает свое прозвище «Пий». Предки Цецилиев Метеллов были простоваты на вид, если судить по *imago*, которые, должно быть, вполне достоверны. Актеры, изображавшие этих предков, скакали, словно помесь лягушек, кузнечиков и оленей, так что я заподозрил, не от этих ли тварей произошли Цецилии Метеллы.*

Все эти дни Свиненок следует за мной по пятам – потому, наверное, что я присутствовал при кончине Свина, его дразнящий tata не отпускал мою руку, что дало Свиненку повод думать, будто все наши разногласия остались в прошлом. Я не стал ему говорить, что оказался в его доме случайно. Интересно другое: пока его tata умирал, а потом шли приготовления к похоронам, Свиненок забыл про свое заикание. Если помнишь, он приобрел этот дефект речи после Аравсиона, так что можно предположить, что его заикание имеет нервную природу. По его словам, этот недостаток проявлялся у него в траурные дни только тогда, когда он о нем вспоминал или когда ему надо было выступить с речью. Представляю себе Свиненка во главе религиозной церемонии! Вот было бы смешно: все переминаются с ноги на ногу, пока он путается в словах и то и дело возвращается к началу.

Пишу это письмо накануне отъезда в Ближнюю Испанию, где, как я надеюсь, мы славно повоюем. Судя по докладам, кельтиберы окончательно обнаглели, а лузитаны устроили в Дальней провинции полнейший хаос, так что мой неблизкий родственник из рода Корнелиев Долабелла, одержав одну или две победы, все никак не может подавить восстание.

Прошли выборы военных трибунов, с Титом Дидием в Испанию отправляется Квинт Серторий. Совсем как в прежние времена! Разница состоит в том, что наш предводитель – не столь выдающийся «новый человек», как Гай Марий. Я стану писать тебе всякий раз, когда будут появляться новости, но и взамен ожидаю от тебя писем о царе Митридате.

– Что же привело Луция Корнелия в дом Квинта Цецилия? – полюбопытствовала Юлия.

– Подозреваю, что желание втереться в доверие, – брякнул Марий.

– О, Гай Марий, только не это!

– Почему, Юлия? Я его не осуждаю. Свин находится – вернее, находился – на вершине славы, он сейчас гораздо популярнее, чем я. В сложившихся обстоятельствах Луций Корнелий не может примкнуть к Скавру; да и к Катулу Цезарю. – Марий вздохнул и покачал головой. –

Однако я уверен, Юлия, что еще наступит время, когда Луций Корнелий преодолеет все преграды и отлично поладит с большинством из них.

– Значит, он тебе не друг?

– Видимо, нет.

– Не понимаю! Вы с ним были так близки...

– Верно, – неторопливо ответил Марий. – Тем не менее, моя дорогая, не общность взглядов и душевных порывов нас сближала. Цезарь-дед относился к Луцию Корнелию так же, как я: в критической ситуации или для важного поручения лучшего соратника не найти. С ним нетрудно поддерживать приятельские отношения. Однако очень сомневаюсь, что Луций Корнелий способен на такую дружбу, какая связывает меня, к примеру, с Публием Рутилием: когда принимаешь человека со всеми его недостатками. Луцию Корнелию недостает умения спокойно сидеть на скамье с другом, просто наслаждаясь его обществом. Это противно его натуре.

– Какова же его натура, Гай Марий? Я так и не разобралась в нем.

Марий покачал головой и усмехнулся:

– Не только ты – никто! Даже проводя в его обществе столько лет, я не сумел составить о нем представления.

– Думаю, сумел бы, – проницательно сказала Юлия, – просто не захотел. – Она придвинулась к нему ближе. – Во всяком случае, тебе не хочется делиться своими догадками со мной. А вот моя: если у него и есть друг, так это Аврелия.

– Я заметил, – сухо отозвался Марий.

– Только не торопись с выводами, между ними ничего нет. Просто мне сдается, что если Луций Корнелий и способен открыть кому-то душу, так только ей.

– Гм, – промычал Марий, заканчивая таким образом разговор.

Зиму они провели в Галикарнасе, поскольку добрались до Малой Азии слишком поздно, чтобы предпринять рискованное путешествие от побережья Эгейского моря до Пессинунта по суше. Они слишком задержались в Афинах: этот город привел их в восторг, а оттуда отправились в Дельфы, чтобы посетить оракул Аполлона, хотя Марий отказался обращаться к Пифии за прорицанием. Юлия была удивлена этим отказом и потребовала объяснений.

– Нельзя искушать богов, – был ответ. – Мне уже было дано пророчество. Если я опять стану вопрошать о будущем, боги и вовсе от меня отвернутся.

– А про Мария-младшего?

– Нет.

Они также побывали в Эпидавре на Пелопоннесе, где, воздав должное роскошным сооружениям и замечательным статуям Тразимеда с Пароса, Марий обратился к жрецам бога врачевания Асклепия, славящимся умением толковать сны и лечить от бессонницы. Послушно выпив предложенную настойку и проспав в специальном помещении подле большого храма всю ночь, он так и не вспомнил своих снов, поэтому жрецы смогли посоветовать ему лишь сбросить вес, больше двигаться и не перегружать голову.

– По-моему, все это шарлатанство, – пренебрежительно махнул рукой Марий, однако преподнес в дар божеству дорогой золотой кубок, инкрустированный драгоценными камнями.

– А по-моему, они говорят дело, – отозвалась Юлия, устремив взор на его раздавшуюся талию.

Итак, лишь в октябре они отплыли из Пирея на большом корабле, совершавшем регулярные рейсы из Греции в Эфес. Холмистый Эфес не понравился Гаю Марию, который, покопавшись по тамошним камням, поспешил снова погрузиться на корабль, отправлявшийся на юг, в Галикарнас.

Здесь, в самом красивом из всех портовых городов на Эгейском побережье римской провинции Азия, Марий решил провести зиму, сняв виллу со слугами и бассейном с теплой морской водой: несмотря на то что солнце светило дни напролет, купаться в море было слишком

холодно. Могучие стены, башни, крепости, впечатляющие общественные здания вселяли ощущение безопасности и делали это место очень похожим на Рим, хотя даже в Риме не было такой великолепной усыпальницы, как Мавзолей, воздвигнутой безутешной Артемизией, сестрой и женой почившего правителя Карики Мавзола.

В конце следующей весны было наконец предпринято паломничество в Пессинунт, хотя Юлия и Марий-младший пытались протестовать – им хотелось провести на море все лето; однако их маленький бунт был подавлен. В Пессинунт вела единственная дорога, которой пользовались и захватчики, и паломники. Она вилась по долине реки Меандр между побережьем Малой Азии и Центральной Анатолией. По ней и отправились Марий и его семейство, не перестававшие восхищаться благоденствием и великолепным обустройством здешних мест. Оставив позади месторождения хрусталя и термальные источники Иераполиса, где окрашивали шерсть, закрепляя краску в соляных ваннах, они перевалили через высокие горы и, не отдаляясь от Меандра, двинулись вглубь дикой, поросшей лесами Фригии.

Пессинунт, однако, лежал на возвышенности, где вместо лесов зеленели хлебные нивы. Проводник сказал, что храм Великой Матери в Пессинунте, подобно всем великим религиозным святыням, располагал обширными землями и целыми армиями рабов и был так богат, что вполне мог функционировать как полноценное государство. Единственная разница сводилась к тому, что жрецы правили от имени богини и не транжирили скапливающиеся в храме богатства, а направляли их на умножение власти своей неземной повелительницы.

Памятуя о Дельфах, вознесенных на горную вершину, путешественники ожидали увидеть нечто похожее и здесь; велико же было их изумление, когда они обнаружили, что Пессинунт расположен ниже, чем прилегающая к нему равнина, – в известковом ущелье с крутыми стенами. Святилище находилось в северном конце ущелья, более узком и менее плодородном, нежели остальная часть, протянувшаяся далеко на юг; здесь бил из скалы ручей, который впадал далее в большую реку Сангарий. Святилище и храм поражали древностью, хотя многое было возведено здесь уже греками, в привычном классическом стиле. Огромный храм, построенный на небольшом холме, встречал полукружием ступеней, на которых скапливались в ожидании встречи со жрецами паломники.

– Наш священный черный камень находится у вас в Риме, Гай Марий, – сказал *archigallus* Баттакес. – Мы добровольно передали его вам в трудное для Рима время. Вот почему убежавший в Малую Азию Ганнибал не дошел до Пессинунта.

Памятуя о письме Публия Рутилия Руфа, который описал визит Баттакеса и его приближенных в Рим в годину германской угрозы, Марий был склонен относиться к собеседнику не слишком серьезно. Баттакес тотчас подметил это.

– Ты улыбаешься потому, что я скопец? – спросил он.

– Я даже не знал, что ты оскотен! – разинул рот Марий.

– Служитель Кибелы не может сохранить признак мужественности, Гай Марий. Даже от ее возлюбленного Аттиса потребовалась подобная жертва.

– А я думал, что Аттис был оскотен из-за ревности богини, – ответил Марий, чувствуя, что должен что-то сказать, но не желая углубляться в дискуссию на столь деликатную тему.

– Ничего подобного! Эта история – выдумка греков. Лишь здесь, во Фригии, мы храним культ богини и предания в первоначальной чистоте. Мы – ее верные служители, к нам она явилась из Каркемиша в незапамятные времена.

Жрец спрятался от солнца под портиком огромного храма, откуда сиял теперь золотом и драгоценностями, которыми были расшиты его одежды.

Потом они зашли в святилище, чтобы Марий мог полюбоваться статуей.

– Чистое золото, – самодовольно сообщил Баттакес.

– Правда? – спросил Марий, вспоминая рассказ проводника о том, как изготавливался олимпийский Зевс.

– Совершенно уверен.

Статуя в человеческий рост помещалась на высоком мраморном постаменте; богиня восседала на скамье в окружении двух безгривых львов, возложив руки им на головы. Кибела была увенчана высоким, напоминающим корону убором, сквозь тонкое платье проглядывала красивая грудь, вокруг талии обвивался пояс. Позади одного из львов стояли двое малолетних пастушков: один играл на свирели, другой – на лире. Рядом с другим львом стоял, опершись на пастушеский посох, возлюбленный Кибелы Аттис; голова его была покрыта фригийским колпаком, сдвинутым набок; юноша был одет в рубаху с длинными рукавами, застегнутую на горле, но выставляющую напоказ мускулистый живот; разрез на штанинах спереди скреплялся пуговицами.

– Интересно, – произнес Гай Марий, не находивший статую красивой, независимо от того, из чего она сделана.

– Но ты не восхищен.

– Дело, наверное, в том, *archigallus*, что я римлянин, а не фригиец. – Отвернувшись, Марий прошествовал по святилищу обратно к высоким бронзовым вратам. – Почему эта азиатская богиня так озаботилась судьбой Рима? – спросил он.

– Она озабочена этим уже давно, Гай Марий. В противном случае она никогда не согласилась бы отдать Риму свой священный камень.

– Знаю, знаю! Но ты не ответил на мой вопрос, – проворчал Марий, начиная раздражаться.

– Богиня не объясняет причин своих поступков даже жрецам, – ответил Баттакес, снова засияв на залитых солнцем ступенях. Там он присел, похлопав по мраморной ступеньке рукой, приглашая Мария сесть рядом. – Вероятно, она предвидит, что могущество Рима будет расти и наступит день, когда он овладеет Пессинунтом. Вы в Риме уже более столетия почитаете ее как Великую Мать. Из всех ее храмов ваш – ее излюбленный. Святилища в афинском Пирее и в Пергаме ей не так дороги. Думаю, она просто-напросто любит Рим.

– Что ж, хороший выбор! – в сердцах бросил Марий.

Баттакес прикрыл глаза. Вздохнув и поведя плечами, он указал на стену и на плиту, закрывающую круглый колодец.

– А ты сам хочешь спросить о чем-нибудь богиню?

Марий отрицательно покачал головой:

– Прокричать что-нибудь вниз и ждать, пока тебе ответит чей-то голос? Нет.

– Но так она отвечает на вопросы.

– Я поклоняюсь Кибеле, *archigallus*, но уже достаточно надоедал богам, требуя открыть мне будущее, поэтому было бы неразумно упорствовать и дальше, – объяснил Марий.

– Тогда просто посидим немного на солнышке и послушаем, как поет ветерок, Гай Марий, – предложил Баттакес, скрывая разочарование. (А он-то подготовил неглупые ответы...)

– Полагаю, – внезапно прервал молчание Марий, – ты вряд ли знаешь, как мне передать послание царю Понта? Иными словами, тебе неизвестно, где он? Я отправил письмо в Амасию, однако так и не дождался ответа, хотя минуло уже восемь месяцев. Второе мое письмо до него тоже не дошло.

– Он вечно в пути, Гай Марий, – с готовностью ответил жрец. – Вполне возможно, что он просто не был в этом году в Амасии.

– Так что же, царю не передают адресованные ему письма?

– Анатолия – не Рим и даже не римская территория. Придворные царя Митридата и те не знают, где находится правитель, если он сам не вздумает их уведомить. Впрочем, это редко приходит ему в голову.

– О боги! – вздохнул Гай Марий. – Как же он тогда умудряется управлять царством?

– В отсутствие царя правят его доверенные лица. Это не такое уж сложное дело, поскольку большинство понтийских городов представляют собой типичные эллинские полисы с давней традицией самоуправления. Они просто платят Митридату столько, сколько он попросит. Что до сельских районов, то они не ведают цивилизации и изолированы от остального мира. Понт – страна высоких гор, пролегающих параллельно берегу Понта Эвксинского, поэтому связь между разными ее частями чрезвычайно затруднена. У царя имеется немало крепостей и как минимум четыре столичных города, о которых мне доводилось слышать: Амасия, Синопа, Дастеира и Трапезунд. Как я уже говорил, царь никогда не сидит на месте и не обременяет себя в пути большой свитой. Он также бывает в Галатии, Софене, Каппадокии и Коммагене, где правят его родичи.

– Понимаю. – Марий наклонился вперед, сцепив руки между колен. – Из твоих слов явствует, что мне, скорее всего, не удастся с ним свидеться.

– Это зависит от того, как долго ты намерен пробыть в Малой Азии, – ответил Баттакес безразличным тоном.

– Столько, сколько потребуется, чтобы встретиться с понтийским царем. Тем временем я нанесу визит царю Никомеду – он-то, по крайней мере, сидит на одном месте. Потом я вернусь в Галикарнас, чтобы провести там зиму. Весной я думаю отправиться в Тарс, а оттуда – вглубь территории, чтобы навестить в Каппадокии царя Ариарата.

Сообщив все это вполне обыденным тоном, Марий перевел разговор на денежные дела храма, к которым проявил немалый интерес.

– Деньги богини бессмысленно просто хранить, не пуская их в дело, Гай Марий, – начал Баттакес. – Мы ссужаем их под большой процент и тем увеличиваем свое богатство. Однако здесь, в Пессинунте, мы не ищем вкладчиков, в отличие других храмовых общин.

– Подобная деятельность Риму неведома, – признался Марий. – Дело, видимо, в том, что римские храмы являются достоянием народа Рима и управляются государством.

– Разве Римское государство не может делать деньги?

– Могло бы, но это привело бы к росту бюрократии, а Риму бюрократы не больно по душе. Они либо бездельничают, либо неумеренно жадничают. Наше банковское дело принадлежит частным лицам, профессиональным банкирам.

– Могу заверить тебя, Гай Марий, что мы, храмовые банкиры, – знаем свое дело, – заявил Баттакес.

– А как насчет острова Кос?

– Ты имеешь в виду святилище Асклепия?

– Да.

– О, там – весьма профессиональный подход! – В голосе Баттакеса послышалась зависть. – Теперь они в состоянии финансировать целые военные кампании! У них, разумеется, много вкладчиков.

– Благодарю! – произнес Марий, вставая.

Баттакес проводил взглядом Мария, спустившегося к живописной колоннаде, возведенной вдоль питаемого горными ручьями потока. Убедившись, что Марий больше не обернется, жрец заторопился к своему дворцу – небольшому красивому строению, скрытому в роще.

Запершись у себя в кабинете, он достал письменные принадлежности и начал писать послание царю Митридату:

Великий Властелин, встречи с тобой ищет римский консул Гай Марий. Он обратился ко мне, в надежде, что я помогу разыскать тебя; но, поскольку я его не обнадежил, он сообщил, что останется в Малой Азии, пока не увидится с тобой.

Среди его планов на ближайшее будущее – поездки к Никомеду и Ариарату. Приходится только недоумевать, зачем ему совершать столь

трудное путешествие, ведь он уже не очень молод (а точнее, очень немолод). Однако он ясно дал понять, что весной отправится в Тарс, а оттуда – в Каппадокию.

Я нахожу, что этот великий человек может быть опасен. Коль скоро – при всей своей прямоте и грубости – он шесть раз сумел стать римским консулом, его не следует недооценивать. Благородные римляне, с которыми мне доводилось встречаться, были куда утонченнее и обходительнее. Жаль, что мне не удалось познакомиться с Гаем Марием в Риме, где, сравнивая его с другими представителями римской знати, я смог бы лучше понять этого человека, чем во время краткой беседы здесь, в Пессинунте.

Твой преданный и верный слуга Баттакес

Запечатав письмо и завернув его в тончайшую кожу, Баттакес отдал послание одному из младших жрецов, поручив срочно доставить в Синопу, где находился в это время царь Митридат.

Содержание письма не понравилось Митридату. Он принялся кусать губу и хмуриться так зловеще, что те из его приближенных, которым надлежало молчать в присутствии владыки, благодарили судьбу за свое положение и сочувствовали Архелая – от него требовалось отвечать, когда царь обращался к нему. Впрочем, сам Архелай как будто не слишком тревожился: двоюродный брат царя и его первый приближенный, он считался скорее другом, нежели слугой и был по-братски предан Митридату.

Однако, несмотря на внешнее спокойствие, Архелай опасался за свою жизнь не меньше остальных: любому, кто удаивался царской дружбы, не следовало забывать о печальной судьбе другого влиятельного приближенного – Диофанта, который тоже был царю больше чем слуга и даже больше чем дядя, поскольку заменил ему отца.

С другой стороны, размышлял Архелай, поглядывая на властное и раздраженное лицо царя, от которого его отделяло расстояние вытянутой руки, человек не властен над судьбой. Царь есть царь, и он вправе распоряжаться своими подданными, даже убивать их, если на то его воля. Такое положение вещей обостряло способности людей из окружения государя, весьма энергичного, своенравного, по-детски непосредственного, незаурядного, сильного и в то же время нерешительного. Чтобы уметь выпутываться из бесчисленных рискованных ситуаций, необходимо было обладать острым и быстрым умом. Опасности же при дворе возникали подобно штормам на Эвксинском море или вскипали, словно вода на углях, тлевших в царской голове. Митридат мог покарать и за давно забытый проступок, совершенный десять лет назад. Царь никогда не прощал обид, истинных и мнимых, разве что откладывал расплату на будущее.

– Кажется, мне придется с ним встретиться, – молвил Митридат и добавил: – Как ты полагаешь?

Вот и ловушка: что ответить?

– Если на то нет твоей воли, государь, ты не обязан ни с кем встречаться, – с готовностью ответил Архелай. – Однако мне представляется, что Гай Марий – интересный человек.

– В Каппадокии. Следующей весной. Пускай сперва оценит по достоинству Никомеда. Если этот Гай Марий столь великий человек, ему не придется по душе Никомед Вифинский, – решил царь. – И с Ариаратом пускай встречается до меня. Отправь этому жалкому червя приказ: пусть отправляется весной в Тарс к Гаю Марию и лично сопроводит римлянина в Каппадокию.

– Войско должно быть готово, как и намечено, государь?

– Конечно. Где Гордий?

– Он должен прибыть в Синопу, прежде чем зимние снегопады завалят перевалы, – ответил Архелай.

– Хорошо.

По-прежнему хмурясь, Митридат снова погрузился в чтение письма от Баттакеса и закусил губу. Ох уж эти римляне! Всюду они суют свой нос! Какое дело такому великому человеку, как Гай Марий, до судеб народов Восточной Анатолии? Уж не заключил ли Ариарат с римлянами сделку, чтобы скинуть его, Митридата Евпатора, с престола и превратить Понт в сатрапию Каппадокии?

– Путь мой был слишком долгим и трудным, – проговорил царь, обращаясь к Архелаю. – Я не склонюсь перед римлянами!

И действительно, путь его был трудным чуть ли не с самого рождения, поскольку нынешний царь Понта Митридат Евпатор был младшим сыном царя Митридата V и его сестры-жены Лаодики. Он родился в тот же год, когда загадочная смерть постигла Сципиона Эмилиана, и имел старшего брата, названного Митридатом Хрестосом – «Помазанным на царство». Царь-отец мечтал о расширении пределов Понта за счет соседей, главным образом Вифинии, самого давнего и упорного своего врага.

Сперва представлялось, что Понт сохранит за собой титул «друга и союзника римского народа», заслуженный царем Митридатом IV, который поддержал пергамского царя Аттала II в его борьбе с вифинским царем Прусием. Митридат V какое-то время оставался верен этому союзу, отправляя подкрепления римским войскам во время Третьей Пунической войны, а также сражаясь с наследниками пергамского царя Аттала, не пожелавшими выполнить его завещание, по которому все царство отходило Риму. Но потом Митридат V заполучил Фригию, заплатив за нее золотом римскому проконсулу в Малой Азии Манию Аквилию. Это привело к тому, что Понт лишился титула «друга и союзника», и с тех пор Рим и Понт враждовали, чему способствовала хитрая политика вифинского царя Никомеда и происки сенаторов – противников Аквилия в самом Риме.

Невзирая на противодействие Рима и Вифинии, Митридат V продолжал завоевательную политику: он завлек в свои сети Галатию, а затем добился титула наследника всей Пафлагонии. Однако сестра-жена интриговала против брата-супруга, вынашивая мечту править Понтом самостоятельно. Когда Митридату Евпатору исполнилось девять лет (в то время царский двор находился в Амасии), царица Лаодика умертвила мужа-брата и посадила на трон одиннадцатилетнего Митридата Хрестоса. Сама она, разумеется, стала при нем регентшей. В обмен на обещанную Вифинией неприкосновенность границ Понта царица отказалась от претензий на Пафлагонию и ушла из Галатии.

Совсем скоро после произведенного матерью переворота Митридат Евпатор, которому тогда еще не исполнилось и десяти, бежал из Амасии, убежденный, что и его ждет смерть: ведь он, в отличие от медлительного и послушного братца Хрестоса, слишком напоминал матери убиенного супруга, о чем она все чаще говорила. Мальчик, оставшись в полном одиночестве, направился не в Рим и не ко двору соседнего монарха, а в горы на востоке Понта и не стал скрывать от тамошних обитателей своего имени, хотя и просил их сохранить его тайну. Испуганные и одновременно польщенные, местные жители прониклись любовью к члену царской

династии, нашедшему убежище в их глуши, и преданно охраняли его. Перемещаясь из деревни в деревню, юный царевич узнал свою страну так хорошо, как не знал ее ни один отпрыск царской фамилии; он забирался в самые дикие уголки. Летом предоставленный самому себе, он проводил время, охотясь на медведей и львов, чем завоевал репутацию смельчака. Он и в самом деле отлично изучил понтийские леса и не сомневался, что они всегда прокормят его: здесь хватало вишен, орехов, диких абрикосов, пряных трав, а также оленей и зайцев.

Наполненные простыми радостями семь лет, что Митридат провел в горах Восточного Понта среди обожавшего ее простолюду, в некотором смысле были самыми счастливыми в его жизни. Странствуя под покровом лесов, расцвеченных розовыми и сиреневыми рододендронами и белыми гроздьями акации и оглашаемых шумом водопадов, царевич превратился из мальчика в молодого мужчину. Его первыми друзьями стали девушки из затерянных деревушек; первого своего льва он прикончил палицей, уподобившись Гераклу; первый убитый им медведь был огромным зверем, выше его ростом.

Все Митридаты отличались высоким ростом, ибо происходили из германо-кельтских племен, населявших Фракию; однако к германо-кельтской примешивалась и персидская кровь приближенных Дария (если и не самого царя). Кроме того, за два с половиной века, что Митридаты правили Понтом, они часто вступали в брак с выходцами из сирийской династии Селевкидов – еще одного германо-фракийского царского дома, восходящего к Селевку, полководцу Александра Македонского. Время от времени среди Митридатов появлялись люди хрупкие и смуглые, однако Митридат Евпатор был истинным германо-кельтом. Он вырос высоким и широкоплечим, мог в одиночку унести тушу взрослого медведя и без труда преодолевал горные перевалы Понта.

В семнадцать лет юноша почувствовал себя достаточно взрослым, чтобы начать действовать: он послал тайную депешу своему дяде Архелаю, который, как было известно Митридату, не питал любви к царице Лаодике – своей единоутробной сестре и повелительнице. В ходе тайных встреч в горах за Синопой – городом, избранным царицей для постоянного проживания, – вызрел тайный план. Митридат знакомился с вельможами, заслужившими доверие Архелая, и те приносили клятву верности юному царю.

Все шло по плану; Синопа пала, ибо борьба за власть развернулась внутри ее стен, которым никогда не угрожал внешний враг. Царица, Хрестос и верные им люди были захвачены без единой капли крови; кровь хлынула потом – из-под меча палача. Разом были казнены несколько дядек, теток и двоюродных братьев и сестер нового правителя. Хрестос разделил их участь несколько позже, а царица Лаодика – самой последней. Митридат, будучи заботливым сыном, поместил матушку в крепостную башню, где – как такое могло случиться? – ее забывали кормить, вследствие чего она умерла от голода. Царь Митридат VI, не обогрив рук материнской кровью, стал править единолично. Ему не исполнилось тогда и восемнадцати лет.

В нем горел огонь юности, он жаждал славы, он мечтал возвысить Понт над всеми соседями, он грезил о власти над миром, ибо его огромное серебряное зеркало поведало ему, что он – необыкновенный царь. Вместо диадемы или тиары он покрыл голову львиной шкурой, так что на лбу у него красовались львиные клыки, на макушке торчали львиные уши, а на грудь свисали тяжелые лапы. Волосы у него были точь-в-точь как у Александра Македонского – золотистые, густые, вьющиеся, подстриженные, как у его великого предка. Позднее, желая подчеркнуть свою мужественность, он отрастил бакенбарды – борода и усы в эллинизированном мире считались признаком варварства. Какой разительный контраст с Никомедом Вифинским! Воплощение мужественности, любимец женщин, огромный, пылкий, грозный, могучий! Таким он видел себя в своем серебряном зеркале и был полностью доволен увиденным.

Митридат Евпатор женился на своей старшей сестре Лаодике, а затем стал брать в жены всех, кто ему приглянется; в итоге количество жен достигло дюжины, наложниц вообще было не счесть. Лаодику он провозгласил царицей, однако не уставал повторять, что этот титул оста-

нется за ней лишь до тех пор, пока она будет хранить ему верность. Дабы придать веса своим словам, он направил посольство в Сирию, откуда ему доставили невесту из царствующей династии Селевкидов – в Сирии как раз случился избыток царевен; жену-сирийку звали Антиохой. Другую его жену звали Низой – она была дочерью каппадокийского принца Гордия; одну из своих младших сестер (ту тоже звали Лаодикой!) он отдал в жены каппадокийскому царю Ариарату VI.

Митридат быстро понял все выгоды брачных союзов. Его тесть Гордий замыслил совместно с его сестрой Лаодикой убийство супруга Лаодики, каппадокийского царя, и претворил замысел в жизнь. Рассчитывая на полтора десятилетия регентства, царица Лаодика посадила на трон своего малолетнего сына, провозгласив его царем Ариаратом VII; Каппадокия оказалась в полном распоряжении ее брата Митридата. Потом она не устояла перед кознями вифинского царя Никомеда и вознамерилась царствовать в Каппадокии единолично. Верный Митридату Гордий сбежал в Понт, Никомед получил титул царя Каппадокии, однако сам остался в Вифинии и позволил своей новой жене Лаодике править Каппадокией по своему усмотрению при условии, что она не станет заключать союза с Понтом. Такое положение вполне устраивало Лаодику. Однако ее сыну уже исполнилось десять лет, и он, подобно всем юным властителям на Востоке, стал проявлять царственные наклонности: ему хотелось править самому! Стычка с матерью поставила его на место, однако он не забыл прежних намерений. Не прошло и месяца, как он объявился при дворе своего дяди Митридата в Амасии; еще через месяц дядя Митридат посадил его на трон в Мазаке, поскольку понтийская армия, в отличие от каппадокийской, всегда находилась в состоянии боевой готовности. Лаодика была казнена на глазах у брата, не выразившего ни малейшего сожаления; Каппадокия освободилась из-под власти Вифинии. Единственная причина недовольства Митридата заключалась в том, что десятилетний Ариарат VII, царь каппадокийский, не разрешал Гордию возвратиться домой, резонно объясняя, что не может приютить убийцу своего отца.

Каппадокийские дела отнимали у молодого понтийского правителя лишь малую часть его времени. В первые годы царствования он направлял свою энергию главным образом на повышение боеспособности и наращивание численности понтийской армии, а также уделял немало внимания состоянию понтийской казны. Несмотря на львиную шкуру на плечах, развитую мускулатуру и молодость, Митридат был еще и мыслителем.

В сопровождении своих ближайших родичей – дядьев Архелая и Диофанта, а также двоюродных братьев Архелая и Неоптолема – царь погрузился в Амисе на корабль и совершил путешествие вдоль восточных берегов Понта Эвксинского. Члены экспедиции представлялись греческими купцами, желающими наладить торговые связи, и повсюду встречали сердечный прием среди простодушного и не особенно ученого населения. Трапезунд и Риз давно уже платили дань понтийским царям и формально входили в их владения. Однако позади этих процветающих портов, откуда вывозилось серебро, добываемое в богатых рудниках, лежала *terra incognita*.

Путешественники посетили легендарную Колхиду, где вливаются в море воды реки Фазис: тамошние жители погружали в воду реки руно, чтобы ловить на шерсть крупницы золота, приносимые потоком с Кавказских гор. Путешественники удивленно устремляли взоры на заснеженные пики, вознесшиеся куда выше, чем горы Понта и Армении, в надежде заметить потомков амазонок, некогда обитавших в Понте, в плодородной долине Фермодонта.

Постепенно Кавказские горы становились все менее высокими; перед путешественниками раскинулись бескрайние равнины скифов и сарматов – осевших кочевников, которых до некоторой степени приручили греки, основавшие на побережье свои колонии. Не утратив природной воинственности, эти многочисленные народы не устояли перед греческими обычаями и культурой.

Там, где береговая линия прерывалась дельтой реки Вардан, корабль царя Митридата вошел в огромное озеро, именуемое Меотидой, и поплыл вдоль его берегов, открыв в его северо-восточной части самую могучую реку в мире – Танаис. До их слуха доносились названия других рек – Ра, Удон, Борисфен, Гипанис, а также легенды о лежащем к востоку огромном море под названием Гирканское или Каспий.

Повсюду, вокруг греческих городов, колосилась пшеница.

– Мы бы выращивали еще больше хлеба, будь у нас куда его сбывать, – объяснял этнарх в Синде. – Скифам сразу понравился хлеб, и они научились обрабатывать землю и выращивать пшеницу.

– Вы еще сто лет назад продавали зерно нумидийскому царю Масиниссе, – ответил Митридат. – Спрос на зерно есть. Совсем недавно римляне были готовы платить за него любую цену. Почему вы не пытаетесь наладить торговлю с новыми землями?

– Мы теперь отрезаны от мира, лежащего вокруг Срединного моря, – развел руками этнарх. – Кроме того, Вифиния взимает чрезмерно высокую плату за проход через Геллеспонт.

– По-моему, – заключил Митридат, обращаясь к своим дядьям, – мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь этим прекрасным людям.

Знакомство со сказочно богатым полуостровом, именуемым греками Херсонесом Таврическим, а скифами – Киммерией, стало еще одним доводом в пользу того, в чем Митридат уже успел убедиться: земли эти должны принадлежать Понту.

Однако Митридат не обладал полководческим талантом, и ему хватило рассудительности признать это. Военное дело его временами увлекало, да и трусом он, конечно же, не был. Но он не представлял, как распорядиться многотысячной армией, и это юный царь понял еще до того, как попробовал свои силы в бою. Начать кампанию, собрать войско – вот это было ему по душе. А командуют пусть те, кто лучше в этом разбирается.

У Понта, разумеется, были войска, однако царь не обольщался на их счет: греки, населявшие прибрежные города, относились к военной службе с презрением, а местное население, происходившее от персов, когда-то проживавших к югу и к западу от Гирканского моря, было настолько невежественно, что обучить его военному делу не было ни малейшей надежды. Поэтому Митридату, подобно большинству восточных правителей, приходилось полагаться на наемников, по большей части сирийцев, киликийцев, киприотов и горячих выходцев из вечно враждующих семитских государств, расположенных вокруг Мертвого моря в Палестине. Они были доблестными и надежными воинами – если только им исправно платили. Стоило задержать жалование хотя бы на день, как они собирали пожитки и отправлялись по домам.

Познакомившись со скифами и сарматами, понтийский правитель решил, что именно эти народы должны в будущем поставлять солдат для его войска: он обучит их бою в пехотных порядках и вооружит по римскому образцу. С такими воинами он сумеет завоевать Анатолию. Сперва, впрочем, предстояло их покорить. Для этого задания он выбрал своего дядю Диофанта – сына сводной сестры отца и вельможи по имени Асклепиодор.

Предлогом послужила жалоба синдских и херсонесских греков на набеги сыновей царя Скилура, основателя скифского государства Киммерия, не распавшегося окончательно и после его смерти. Греческим поселенцам в Ольвии и западнее от нее удалось обучить скифов земледелию, однако при этом они сохранили свою воинственность.

«Обратитесь за помощью к понтийскому царю Митридату, – посоветовал лжекупец перед отплытием из Херсонеса Таврического. – Если желаете, я могу передать ему ваше письмо».

Диофант, доказавший свой полководческий талант еще при Митридате V, взялся за дело с рвением и уже весной, последовавшей за их возвращением из плавания по Эвксинскому морю, отплыл с многочисленным и хорошо обученным войском в Херсонес Таврический. Кампания принесла Понту победу: сыновья Скилура были разгромлены, а с ними – и Киммерийское царство. Уже спустя год Понт овладел всем полуостровом Херсонес Таврический,

обширной территорией роксоланов и греческим городом Ольвия, пришедшем в упадок из-за постоянных набегов сарматов и роксоланов. В следующем году скифы предприняли контрнаступление, однако к концу года Диофант покорил восточный берег Меотиды и меотов, правителем которых был царь Савмак, и основал две мощные крепости по обоим берегам Боспора Киммерийского.

Затем Диофант отплыл домой, поручив одному своему сыну, Неоптолему, управление Ольвией и территорией к западу от нее, а другому сыну, Архелая, – понтийскими территориями в северной части Эвксинского моря. Задание царя было выполнено с блеском: трофеям не было числа, понтийская армия могла теперь пополняться несметными скифскими ордами, открывались захватывающие дух перспективы для торговли. Обо всем этом Диофант доложил молодому царю, гордо восседавшему на троне; молодой же царь, преисполнившись зависти и страха, велел казнить Диофанта, своего дядю.

Весь понтийский двор содрогнулся; волны ужаса докатились и до северного побережья Эвксинского моря, где безутешных сыновей казненного Диофанта охватили дурные предчувствия. Впрочем, вскоре они принялись с удвоенной энергией довершать дело, начатое их отцом. Неоптолем и Архелай по морю и по суше прошли вдоль всего восточного побережья и покорили все крохотные кавказские царства одно за другим, в том числе богатую золотом Колхиду и земли, лежащие между рекой Фазис и понтийским Ризом.

Малая Армения, именовавшаяся римлянами Армения Парва, не была частью собственно Армении: она находилась на западе, между морем и обширной горной страной, разделяющей реки Аракс и Евфрат. Митридат полагал ее своей хотя бы по той причине, что царь Малой Армении признавал над собой власть понтийских, а не армянских царей. Завладев восточным и северным побережьем Эвксинского моря, Митридат вторгся в Малую Армению, самостоятельно возглавив войско, ибо на сей раз был уверен: личное присутствие – это все, что от него требуется. Он не ошибся: стоило ему въехать в городок Зимару, именовавшийся столицей, как население кинулось к нему с распростертыми объятиями; царь Малой Армении Антипатор склонился перед ним словно проситель. Впервые в жизни Митридат почувствовал себя победоносным полководцем; неудивительно, что он проникся к Малой Армении особенной любовью. Восхитившись заснеженными горами, бурными водопадами и удаленностью этой страны от остального мира, он решил, что именно здесь будет хранить свои все умножающиеся богатства. Повеления царя, как всегда, были выполнены точно: на вершинах крутых скал, омываемых снизу ревущими горными потоками, взлетели ввысь крепости-хранилища. Целое лето ушло у царя на поиск наиболее подходящих ущелий. Начинание поражаало размахом: общее число цитаделей достигло семидесяти, и молва о богатстве царя прокатилась по всей земле, добравшись до Рима.

Итак, еще не перейдя тридцатилетний рубеж, но уже став властелином обширной империи, владельцем несметных богатств, верховным главнокомандующим дюжины армий, состоявших из скифов, сарматов, кельтов и меотов, и отцом целого выводка сыновей, царь Митридат VI отправил в Рим посольство, которому надлежало выяснить, может ли он получить титул «друга и союзника римского народа». Произошло это в тот год, когда Гай Марий и Квинт Лутаций Катул Цезарь разбили последние силы германцев при Верцеллах, поэтому сам Марий получил весть о переговорах из третьих рук – через письма, которые отправлял ему Публий Рутилий Руф. Вифинский царь Никомед немедленно обратился в сенат с жалобой: никак невозможно именовать «друзьями и союзниками римского народа» сразу двух царей, если они постоянно враждуют между собой. Никомед напоминал, что он никогда не нарушал клятвы верности Риму – с тех самых пор, как взшел на вифинский престол более полувека назад. Вторично выбранный народным трибуном Луций Аппулей Сатурнин встал на сторону Вифинии, так что деньги, уплаченные послами Митридата нуждающимся сенаторам, пропали даром. Посольство Понта вернулось домой несолоно хлебавши.

Такое развитие событий огорчило Митридата. Сначала он поверг свой двор в ужас, бегая по залу, изрыгая проклятия и страшные угрозы в адрес Рима и римлян. Затем он погрузился в молчание, еще больше испугавшее придворных, и просидел не один час в одиночестве на своем троне, покрытом львиной шкурой, усиленно хмурия брови. Наконец, коротко переговорив с царицей Лаодикой, которой надлежало управлять государством в его отсутствие, он оставил Синопу, после этого не появлялся там более года.

Путь Митридата лежал в Амасию, первую понтийскую столицу, облюбованную его предками, где были похоронены в вырубленных в скале могилах прежние цари. Он днями и ночами бродил по коридорам дворца, не обращая внимания на боязливых слуг и призывные взгляды двух своих жен и восьми наложниц, постоянно там проживавших. Затем, подобный буре, внезапно разражающейся в горных теснинах и столь же внезапно стихающей, царь Митридат перестал гневаться и начал обдумывать свои дальнейшие действия. Он решил не вызывать приближенных из Синопы, не поехал он и в Зелу, где была расквартирована армия; вместо этого он обратился к амасийской знати с повелением выставить тысячу первоклассных солдат. Государь все отлично продумал и отдал приказ тоном, не терпящим возражений. Затем он отправился в Анкиру, самый крупный город Галатии, в сопровождении одного-единственного телохранителя, значительно опередив свое войско. До этого он отправил туда доверенных лиц, приказав собрать в Анкире всех племенных вождей Галатии, дабы те выслушали заманчивые предложения, с которыми собирается обратиться к ним понтийский царь.

Галатия была диковинной страной, кельтскими владениями на субконтиненте, населенном потомками персов, сирийцев, германцев и хеттов. Все они, за исключением сирийцев, были светлокожи, однако все равно не так светлокожи, как кельтские переселенцы, ведущие свое происхождение от галльского царя Бренна. Уже почти два столетия они занимали значительный по размерам плодородный участок анатолийской земли, ведя свойственный галлам образ жизни и не перенимая культуру окружающих их народов. Межплеменные связи были у них довольно слабыми: они обходились без верховного правителя, поскольку не намеревались объединяться для захватов территории. Какое-то время эти кельты, впрочем, признавали своим властелином понтийского царя Митридата V, однако это превратилось в чистую формальность, не принесшую никаких выгод ни им самим, ни Митридату V, поскольку кельты отказывались платить подати. Соваться к ним никто не решался: они были галлами и своей свирепостью превосходили фригийцев, каппадокийцев, понтийцев, вифинцев, ионийцев или дорийцев.

Вожди всех трех галатийских племен, съехавшиеся в Анкиру вместе со своими тетрархами, больше думали об обещанном богатом пире, нежели о выгодах и потерях предстоящей военной кампании, в которую, без сомнения, собирался втянуть их шестой Митридат. Царь дожидался их в Анкире, которая больше смахивала на деревню. Он скупил по пути из Амазии все яства и вина, которые только можно было там достать, и закатил галатийским вождям такой роскошный и изысканный пир, какого они и представить себе не могли. Один только вид накрытых столов настроил их на благодушный лад, а потом, объевшись и напившись, они окончательно утратили бдительность и угодили в расставленные сети.

И вот, когда они возлежали среди остатков невиданного пиршества, похрапывая и икая, тысяча отборных воинов Митридата бесшумно окружила их и перебила всех до одного. Только когда последний из вождей галатийских кланов испустил дух, царь Митридат соизволил сойти с величественного трона, возвышавшегося во главе стола, на котором он до сей поры восседал, перекинув ногу через подлокотник, покачивая носком сандалии и наблюдая за устроенной им бойней с нескрываемым любопытством.

«Сожгите тела, – было его последнее повеление, – а пеплом засыпьте кровь. В будущем году здесь вырастет отличная пшеница. Ничто не делает почву такой плодородной, как кровь и кости».

Засим он провозгласил себя царем Галатийским, ибо лишившиеся своих вождей и рассеянные галлы не могли оказать ему сопротивления.

После этого Митридат бесследно исчез. Даже его доверенные лица не знали, куда подевался правитель и что он замышляет. Он лишь оставил им письмо, в котором повелевал навести порядок в Галатии, возвратиться в Амасию и поручить царице, оставшейся в Синопе, назначить сатрапа для управления новой понтийской территорией – Галатией.

Переодевшись обыкновенным купцом и сев на бурую лошаденку, Митридат в сопровождении трусившего на ослике молодого и туповатого раба-галата, не имевшего представления о том, кто его хозяин, направился в Пессинунт. Там, в святилище Великой Матери Кибелы, он открыл Баттаkesу, кто он такой, и привлек верховного жреца на свою службу, получив от него многие полезные сведения. Из Пессинунта царь проследовал по долине реки Меандр в римскую провинцию Азия.

Путь его лежал через города Карию, которые он объехал все до одного. Восточный купец огромного роста, отличающийся неумным любопытством, но не слишком занятый своими торговыми делами, он переезжал с места на место, то и дело поколачивая своего тупицу-раба, все подмечая и мотая на ус. Он ужинал в компании других купцов на постоянных дворах, бродил по базарам, вступая в беседу с любым, кто мог утолить его любопытство, шатался по набережным в эгейских портах, тыкая пальцем в тяжелые тюки и принохиваясь к запечатанным амфорам, заигрывал с деревенскими красавицами и щедро вознаграждал тех из них, кто дарил

ему свою благосклонность, вслушивался в рассказы о богатствах, накопленных в святилищах Асклепия на Косе и в Пергаме, в храме Артемиды в Эфесе, а также о несметных сокровищах Родоса.

Из Эфеса он направился на север, посетил Смирну и Сардис и в конце концов прибыл в Пергам, столицу римского наместника. Расположенный на склонах горы, город сиял, словно драгоценная шкатулка. Здесь царь впервые увидел настоящих римских солдат, это был небольшой сторожевой отряд под командованием наместника. В Риме полагали, что провинция Азия не подвергается риску нападения, поэтому солдаты для отряда набирались из ауксилариев и местного ополчения. Митридат пристально наблюдал за всеми восьмьюдесятью воинами, подмечая, как тяжелы их доспехи, как коротки мечи, как малы наконечники копий, как слаженно они маршируют, несмотря на отсутствие боевой практики. Здесь же ему впервые довелось увидеть тогу с пурпурной каймой, в которую был облачен наместник. Этот сановник, сопровождаемый ликторами в малиновых туниках, каждый из которых нес на левом плече связку прутьев со вставленным в нее топором – ибо наместник имел полномочия приговаривать виновных к смерти, – как показалось Митридату, весьма почтительно остановился перед небольшой группой мужчин в скромных белых тогах. Последние, как выяснилось, были публиканами – откупщиками, собиравшими в провинциях налоги. Судя по тому, с какой важностью они шествовали по прекрасно распланированным и вымощенным улицам Пергама, они, должно быть, считали себя истинными хозяевами римской провинции.

Митридат и помыслить не мог завязать беседу с этими высокопоставленными особами – слишком важными и занятыми они были, чтобы уделить время какому-то купцу. Он просто примечал их – тем более что это было совсем нетрудно, поскольку вокруг них неизменно сновали прислужники и писцы, – а потом узнавал все, что ему требовалось, в пергамских тавернах за дружеской беседой, которую уж никак не могли подслушать откупщики.

«Они высасывают из нас все соки». Эти слова он слышал столь часто, что был склонен принимать их за истину, а не за ворчание богачей, намеренно скрывающих свой достаток, как это делали крупные земледельцы и владельцы торговых монополий.

«Как это так?» – спрашивал он сперва по неведению, но всякий раз слышал: «Где ты был все те тридцать лет, что минули после смерти царя Атгала?»

Пришлось сочинить историю о длительных скитаниях вдоль северных берегов Эвксинского моря, тем более что, вздумай кто-нибудь выпрашивать его об Ольвии или Киммерии, он вполне мог рассказать обо всем, как очевидец.

– В Риме, – растолковывали ему, – двое самых высокопоставленных чиновников именуются цензорами. Цензор – выборная должность (не странно ли?); до этого цензор должен побыть консулом, чтобы всякому было ясно, что это за важная персона. В любой греческой общине государственными делами ведают государственные служащие, а не люди, которые год назад командовали армиями. Иначе – в Риме, где цензоры – полные невежды по части хозяйства. Однако они держат под контролем решительно все государственные дела и на протяжении пяти лет заключают от имени государства все контракты.

– Контракты? – переспрашивал восточный деспот, озадаченно хмурясь.

– Контракты. Самые обыкновенные, но только это – контракты между компаниями и Римским государством, – ответил пергамский купец, которого угощал Митридат.

– Боюсь, я слишком долго пробыл в краях, где всем управляют цари, – объяснял царь. – Разве у римского государства нет слуг, которые следили бы за порядком?

– Только магистраты: консулы, преторы, эдилы и квесторы, и все они пекутся лишь об одном: чтобы пополнялась римская казна. – Пергамский купец усмехнулся. – Естественно, дружище, на самом деле чаще всего главная их забота состоит в том, чтобы набить собственную кошелек!

– Продолжай! Это очень интересно!

– Во всех наших бедах виноват Гай Гракх.

– Один из братьев Семпрониев?

– Он самый, младший. Он провел закон, согласно которому налоги в Азии собирают компании из специально обученных людей. Таким образом, полагал он, Римское государство будет исправно получать свою долю, не имея на содержании сборщиков налогов. Из этого его закона и вылупились наши азиатские публиканы, которые выколачивают из нас налоги. Римские цензоры объявляют соискателям условия, которые выставляет государство. Что касается налогов с провинции Азия, то они называют сумму, которая должна поступать в казну ежегодно на протяжении пятилетнего срока, а не сумму налогов, которые нужно собрать. Это отдано на откуп публиканам, а им ведь не хочется остаться в накладе, после того как они уплатят оговоренную сумму в казну. Вот и сидит туча счетоводов, вооруженных счетами, определяя, сколько денег можно выжимать из провинции в год на протяжении пяти лет; и только потом оглашается сумма контракта.

– Прости мне мою тупость, но какое значение имеет для Рима сумма контракта, раз государство уже сообщило подрядчикам, сколько денег намерено получить?

– Ну, эта сумма, друг мой, – только минимум, на который готова согласиться казна. Выходит следующее: каждая компания публиканов предлагает сумму, значительно превышающую этот минимум, естественно закладывая немалый барыш и для себя!

– Теперь понимаю, – кивнул Митридат, пренебрежительно фыркая. – Контракт заключается с той компанией, которая обещает наибольшую прибыль.

– Совершенно верно.

– Однако какая сумма оговаривается в контракте: только та, что должна быть передана казне, или вся сумма, включая этот самый барыш?

– Только та, что уплачивается государству, дружище! – усмехнулся купец. – То, сколько компания оставит себе, – ее дело, и, можешь мне поверить, цензоры не задают лишних вопросов. Контракт заключается с компанией, пообещавшей казне наибольший доход.

– А случается ли, чтобы цензоры заключали контракт с компанией, предложившей меньше, чем та, что пообещала максимум?

– На моей памяти такого не случалось.

– Скажи мне, а предлагаемые этими компаниями суммы – насколько они реалистичны? – Задавая вопрос, Митридат уже знал ответ.

– А сам ты как думаешь? Публиканы, делая свои оценки, полагают, что у нас тут сад Гесперид, а не Малая Азия Атталы! Стоит нашим доходам хоть немного снизиться, как публиканов охватывает паника: как же, сумма, которую они подрядились уплатить казне, грозит превысить реальный сбор! Если бы они, заключая контракты, оперировали реальными цифрами, всем было бы только лучше. А так, чтобы заплатить налоги, мы должны не потерять ни одного зернышка в амбарах, сохранить всех овец и ягнят, продать все амфоры с вином, все коровьи шкуры, все меры оливок, все до последней нитки, и если мы этого не сделаем, сборщики налогов начнут выжимать нас, как белье после стирки, – с горечью растолковывал купец.

– Как они вас притесняют? – полюбопытствовал Митридат, который не заметил в провинции ни единого армейского лагеря.

– Призывают киликийских наемников из районов, где есть нечего даже выносливым киликийским овцам, и отдают наши земли на разграбление. Я видел, как жителей целых областей продавали в рабство, всех до последней женщины и ребенка, независимо от возраста. Видел, как в поисках денег перекапывались поля и сносились дома. Друг мой, если бы я поведал тебе обо всем, что вытворяют сборщики налогов, ты залился бы слезами! Конфисковывается весь урожай, за исключением самой малости, потребной для пропитания земледельца и его семьи и следующего сева, из стада забирают ровно половину поголовья, лавки и склады

подвергаются разграблению. Хуже всего то, что люди, боясь таких бед, привыкают врать и жульничать: ведь в противном случае они вообще всего лишатся.

– И все эти сборщики податей – римляне?

– Римляне или италики, – сказал купец.

– Италики... – задумчиво протянул Митридат, сожалея о том, что провел целых семь лет, скрываясь в понтийских чашобах; за время своего путешествия он раз за разом убеждался, что ему недостает образованности, особенно в области географии и экономики.

– В общем-то, это те же римляне, – снова пустился в объяснения купец, который тоже не видел слишком большой разницы. – Они – выходцы из окрестностей Рима, называемых Италией. Стоит им сойтись вместе, как они переходят на латынь, вместо того чтобы взяться за ум и изъясняться по-гречески. Все они носят бесформенные туники, какие постыдился бы надеть последний пастух, – не имеющие ни одной складки, которая придавала бы им изящества. – Купец самодовольно указал на собственную тунику, полагая, что ее покрой подчеркивает все достоинства его тщедушной фигуры.

– А носят ли они тоги? – осведомился Митридат.

– Иногда. По праздникам, а также в тех случаях, когда их вызывает к себе наместник.

– И италики тоже?

– Чего не знаю, того не знаю, – пожал плечами купец. – Наверное.

Из таких вот бесед Митридат и черпал сведения, то и дело на него изливались целые потоки ненависти к публиканам и их прислужникам. В провинции Азия процветал и еще один вид деятельности, которым также заправляли римляне: ростовщичество – под такие чудовищные проценты, на которые, казалось бы, не должен соглашаться ни один заемщик и которых не должен взимать ни один уважающий себя кредитор. Как выяснил Митридат, ростовщики, как правило, были служащими собирающих налоги компаний, хотя последние не входили с ними в долю. Митридат пришел к заключению, что для Рима его провинция Азия – дойная корова, из которой тянут все соки, не проявляя к ней иного интереса. Они наезжают сюда из Рима и его окрестностей, носящих название Италия, грабят население, а потом возвращаются домой с туго набитыми кошельками, и им дела нет до бед местного населения, народов дорийской, эолийской и ионийской Азии. И за это их ненавидят!

Из Пергама царь отправился вглубь территории, не тратя время на мало интересовавшую его область под названием Троада, и очутился на южном побережье Пропонтиды, подле Кизика. Отсюда он направился вдоль берега Пропонтиды в процветающий вифинский город Прусу, раскинувшийся на склоне огромной заснеженной горы, именуемой Мизийским Олимпом. Заметив лишь, что местному населению нет никакого дела до интриг их восьмидесятилетнего царя, Митридат проследовал дальше, в столицу Никомедию, где находился двор престарелого правителя. Этот город тоже оказался зажиточным и многолюдным, а в маленьком акрополе возвышались святилище и дворец.

В этой стране Митридата подстерегали опасности: ведь на улицах Никомедии он вполне мог столкнуться с человеком, который узнает его, будь то жрец богини-матери Ма или богини судьбы Тихи – или просто путешественник из Синопы. По этой причине Митридат предпочел остановиться на зловонном постоялом дворе, расположенном вдали от центра, а выходя в город, всякий раз тщательно заворачивался в плащ. Ему хотелось одного – узнать настроение здешнего люда, понять насколько преданы они царю Никомеду и готовы ли отдавать жизни за своего государя в нескорой, правда, еще войне против царя Понтийского.

Остальную часть зимы Митридат провел в скитаниях между Гераклеей на вифинском побережье Эвксинского моря и самыми удаленными краями Фригии и Пафлагонии, где его живое любопытство вызывало все – от состояния дорог, больше походивших на тропы, до пригодных для земледелия участков и степени образованности местного населения.

В начале лета царь возвратился в Синопу с ощущением своей силы и превосходства и тут обнаружил, что сестра и жена Лаодика встречает его нервным бессвязным лепетом, а приближенные – испуганным молчанием. Дядя Архелай и Диофант были мертвы, братья Неоптолем и Архелай находились в Киммерии. Такая ситуация напомнила царю о непрочности собственного положения и испортила торжество, заставив отказаться от намерения, воссев на трон, развлечь своих приближенных подробным повествованием о путешествии на запад. Вместо этого царь одарил всех мимолетной улыбкой, занялся любовью с Лаодикой (заставив ее оглашать дворец отчаянными криками) и навестил всех своих сыновей и дочерей, а заодно и их матерей, после чего затаился, ожидая развития событий. Что-то явно было не так. Митридат решил не говорить ни слова о своем длительном и загадочном отсутствии и не делиться ни с кем планами на будущее, пока не выяснится, что на самом деле творится в столице.

Среди ночи к нему явился его тесть Гордий, он прижимал палец к губам, призывая хранить молчание, и при помощи жестов показал, что им надо срочно встретиться на дворцовых укреплениях. Было полнолуние, в воздухе разливалось серебряное мерцание, по морю бежала мелкая рябь, тени казались чернее провалов бездонных пещер, а лучащийся бледным светом лунный диск словно передразнивал солнце. Город, выросший на косе, связывающей берег со скалой, на которой возвышался дворец, мирно спал, не видя снов; человеческое жилье окружали зловещие крепостные стены, подобные оскаленным клыкам.

Царь и Гордий встретились между двумя башнями и, стараясь спрятаться от чужих глаз, заговорили так тихо, что голоса их не разбудили бы и прикорнувших в бойницах птиц.

– Лаодика не сомневалась, что на сей раз ты не вернешься, властелин, – начал Гордий.

– Вот как? – бесстрастно проговорил царь.

– Три месяца тому назад у нее появился любовник.

– Кто он?

– Фарнак, твой двоюродный брат, повелитель.

А Лаодика не глупа! Не просто первый встречный, а один из немногих мужчин в роду, имеющих основания претендовать на понтийский престол, такого не свергнет какой-нибудь повзрослевший царский отпрыск. Фарнак приходился сыном брату Митридата V и его же сестре. В жилах обоих его родителей текла царская кровь – безупречная кандидатура!

– Она думает, что я ничего не узнаю, – проговорил Митридат.

– Скорее, надеется, что те немногие, кому это известно, побоятся проговориться, – сказал Гордий.

– А почему не побоялся ты?

Гордий улыбнулся, блеснув в лунном свете зубами:

– Мой царь, тебе нет равных! Я понял это в то мгновение, когда впервые увидел тебя.

– Ты будешь вознагражден, Гордий, это я тебе обещаю. – Царь оперся о стену и задумался.

Наконец он произнес: – Очень скоро она попытается прикончить меня.

– Это так, повелитель.

– Сколько у меня в Синопе верных людей?

– Полагаю, гораздо больше, чем у нее. Ведь она – женщина, мой царь, а значит, превзойдет в жестокости и бесчестье любого мужчину. Кто же станет доверять ей? Те, что пошли за ней, надеются на царские милости, но ожидают их скорее от Фарнака. Думаю, они ждут, что Фарнак, став царем, убьет ее. Однако большинство твоих приближенных не поддались на ее уговоры.

– Отлично! Поручаю тебе, Гордий, предупредить верных мне людей о том, что происходит. Пусть будут наготове в любое время дня и ночи.

– Что ты думаешь предпринять?

– Пусть эта тварь попробует убить меня! Я знаю ее, она ведь моя сестра. Она не прибегнет к кинжалу или стреле. Яд – вот ее оружие! Причем не из тех ядов, что убивают сразу: ей захочется причинить мне побольше страданий.

– О, повелитель, молю тебя: позволь немедленно схватить ее и Фарнака! – взволнованно зашептал Гордий. – Яд – такая коварная вещь! Вдруг, невзирая на все предосторожности, она обманом вынудит тебя проглотить болиголов или подложит на твою ложе гадюку? Прошу, позволь мне схватить их без промедления! Так будет проще.

Но царь лишь покачал головой:

– Мне нужны доказательства, Гордий. Пускай попытается меня отравить. Пускай выберет ядовитое растение, гриб или рептилию, что ей больше по вкусу, пусть покусится на мою жизнь.

– Царь, царь! – в ужасе вскричал Гордий.

– Не тревожься, Гордий. – Спокойствие Митридата оставалось непоколебимым, в голосе его не чувствовалось страха. – Никто, даже Лаодика, не знает, что за те семь лет, когда я скрывался от материнской мести, я приобрел невосприимчивость к любым ядам, какие только известны людям, и даже к тем, о которых пока никто не знает, кроме меня. Я – величайший в мире знаток ядов и могу заявить об этом без ложной скромности. Думаешь, все покрывающие меня шрамы нанесены оружием? Нет, я наносил их себе сам, дабы обрести уверенность, что ни одному из моих родичей не удастся избавиться от меня простейшим способом – с помощью яда.

– И все это – в столь юном возрасте!

– Чтобы дожить до старости, нужно проявлять предусмотрительность – вот мой девиз! Никто не скинет меня с трона!

– Но как же ты добился этого, государь?

– Возьмем для примера египетскую кобру, – начал объяснять царь, которого тема явно увлекала. – Широкий белый капюшон и маленькая злобная головка. Я собирал их в коробку, чтобы они кусали меня, но начинал с самых маленьких. Так я дошел до огромной – чудовища невероятной длины и толщиной с мою руку. Сколько она ни кусала меня, плохо мне не становилось! Так же я поступал с гадюками и гюрзами, скорпионами и тарантулами. Потом я перешел на яды: болиголов, аконит, мандрагора, толченые вишневые косточки, всевозможные яды из ягод, листьев и корней, самые страшные грибы, в том числе бледные поганки и мухоморы, – да, Гордий, я все перепробовал! Я начинал с капель и постепенно увеличивал дозу, пока полная чаша смертоносного яда не стала для меня совершенно безвредной. Я до сих пор продолжаю принимать яды и даю змеям кусать себя. Не брезгую и противоядиями. – Митридат тихонько рассмеялся. – Так что пусть Лаодика покажет, на что способна! Убить меня ей все равно не удастся.

Покушение не заставило себя ждать. Это произошло на торжественном пиршестве в честь благополучного возвращения царя. Был приглашен весь двор, поэтому пришлось освободить и заставить ложами большую тронную залу; стены и колонны украсили гирляндами цветов, а пол усыпали лепестками. На пиру играли лучшие музыканты Синопы, труппа странствующих греческих актеров представляла «Электру» Еврепида; пригласили знаменитую танцовщицу Анаис из Нисибиса, которая проводила лето в Амисе на берегу Эвксинского моря.

В былые времена понтийские правители усаживали гостей за столы, подобно своим фракийским предкам. Однако впоследствии и здесь восторжествовала греческая традиция возлежать на пиру, поскольку это позволяло понтийцам воображать себя причастными греческой культуре, монархами, не чуждыми эллинистической изысканности.

Насколько тонок на самом деле был этот культурный налет, стало видно с первой же минуты: придворные, едва войдя в тронную залу, простирались перед своим повелителем ниц. А царица Лаодика с неотразимой улыбкой протянула царю золотой скифский кубок, предвзительно лизнув его край своим ярко-красным язычком.

– Выпей из моего кубка, муж мой, – мягко, но настойчиво произнесла она.

Митридат без всяких колебаний сделал большой глоток, так что содержимое кубка сразу уменьшилось наполовину; затем поставил кубок на стол у ложа, которое делил с Лаодикой. Однако последний глоток вина он задержал во рту и теперь пытался получше распробовать, не спуская с сестры своих изумрудно-зеленых, с карими крапинками глаз. Потом он нахмурился, но не грозно: то было скорее задумчивое выражение, быстро сменившееся широкой улыбкой.

– Яд! – весело произнес он.

Царица сделалась белой как полотно. Придворные остолбенели: слово было произнесено во весь голос и пронеслось над притихшими гостями, как удар бича.

Царь покосился влево.

– Гордий! – позвал он.

– Что угодно моему повелителю? – спросил Гордий, проворно покидая свое ложе.

– Подойди и помоги мне.

Лаодика была на четыре года старше брата, но очень походила на него внешне. В этом не было ничего удивительного, так как в их династии братья часто женились на родных сестрах и сходство передавалось из поколения в поколение. Царица была женщина крупная, но хорошо сложенная. Она очень заботилась о своей внешности: волосы ее были уложены по греческой моде, зеленовато-карие глаза подведены сурьмой, щеки нарумянены, губы накрашены, а ноги и руки были темно-коричневыми от хны. Ее лоб охватывала широкая белая лента диадемы, концы которой струились по плечам. Лаодика выглядела как настоящая царица и намеревалась ею стать.

Но вот она прочла на лице брата свою судьбу и изогнулась, чтобы вскочить с ложа. Однако сделала это недостаточно стремительно: он успел схватить ее за руку и потянул назад; мгновение – и вот уже она полусидит-полулежит у брата на руках. Гордий был тут как тут: он опустился на одно колено по другую сторону, и лицо его исказила гримаса злорадного торжества. Он знал, какую награду попросит у царя: чтобы его дочь Низа, младшая царская жена, была провозглашена царицей, а ее сын Фарнак – наследником престола вместо сына Лаодики Махара.

Лаодика беспомощно взидала на четверых придворных, которые подвели ее возлюбленного Фарнака к царю, бесстрастно взиравшему на него. Потом царь вспомнил о ней.

– Я не умру, Лаодика, – промолвил он. – Представляешь, эта гадость не вызвала у меня даже тошноты. – Он улыбнулся, откровенно забавляясь. – Зато для того, чтобы умертвить тебя, яду еще вполне достаточно.

Схватив Лаодику за нос пальцами левой руки, царь запрокинул ей голову, и она, задыхнувшись, судорожно разинула рот. Царь понемногу перелил содержимое прекрасного скифского кубка ей в горло, заставляя Гордия зажимать царице рот после каждой порции и ласково поглаживая ей шею, чтобы облегчить глотание. Лаодика не сопротивлялась, полагая борьбу за жизнь ниже своего достоинства: представители рода Митридатов не боятся смерти, особенно в результате попытки завладеть престолом.

Опорожнив кубок, Митридат уложил сестру на ложе, чтобы возлюбленный мог наблюдать за ее страданиями.

– Не вздумай вызвать у себя рвоту, Лаодика, – любезно предупредил ее царь. – Иначе я заставлю тебя выпить все это вторично.

Зал замер в ошеломленном ожидании. Сколько времени все продолжалось, никто потом не смог бы сказать, кроме самого царя, однако никому и в голову не пришло задать ему подобный вопрос.

Окинув взглядом своих приближенных, царь обратился к ним с наставительной речью, напоминая в этот момент философа среди учеников. Для всех присутствующих познания царя в области ядов оказались неожиданностью: молва об этих его способностях должна была стре-

мительно облететь все Понтийское царство и проникнуть в сопредельные страны; а благодаря подробностям, которыми расцветит этот рассказ Гордий, слова «Митридат» и «яд» останутся связанными навеки и войдут в легенду.

– Царица, – произнес царь, – не могла выбрать ничего лучше, чем дорикний, именуемый египтянами сонной одурью. Полководец Александра Великого Птолемей, которому в дальнейшем было суждено стать царем египетским, привез это растение из Индии, где оно, по рассказам, достигает высоты настоящего дерева, тогда как в Египте не превосходит размером куст; листья его походят на листья полыни. Оно, а также аконит – лучшие яды. Глядя на умирающую царицу, вы увидите, что она до самого конца будет оставаться в сознании. На личном опыте я убедился, что этот яд необыкновенно обостряет все чувства. Брат мой, Фарнак, могу тебя уверить, что каждый удар твоего сердца, малейший трепет ресниц, каждый твой вздох, вызванный состраданием, она будет воспринимать куда острее, чем прежде. Как жаль, что уже нет времени на любовные ласки, не правда ли? – Опустив глаза на сестру, он удовлетворенно кивнул. – Смотрите, начинается!

Лаодика не сводила лихорадочного взора с Фарнака, который стоял в окружении стражников, уперев глаза в пол. Никому из присутствующих не суждено было забыть этот ее взгляд, хотя многие и пытались: здесь были и страх, и ужас, и восторг, и печаль – богатая, постоянно меняющаяся гамма чувств. Она ничего не говорила, ибо просто не могла произнести ни слова; ее губы медленно растянулись, обнажив крупные желтые зубы, шея и спина изогнулись колесом; тело начали сотрясать судороги, становившиеся все более частыми и сильными, пока она не забилась о ложе.

– У нее припадок! – сипло произнес Гордий.

– Именно, – равнодушно отозвался Митридат. – Потом наступит смерть, вот увидишь.

Он наблюдал за сестрой с подлинно врачебным интересом, поскольку неоднократно подвергался сходным приступам той же силы, однако ни разу не имел удовольствия любоваться этим зрелищем в своем большом серебряном зеркале.

– Я питаю надежду, – сообщил он придворным, наблюдающим вместе с ним за конвульсиями Лаодики, – создать универсальное противоядие, магический эликсир, способный излечить от отравления любым ядом, будь он растительного, животного или минерального происхождения. Для этого я ежедневно выпиваю состав, включающий не менее сотни различных ядов, иначе моя невосприимчивость непозволительно ослабеет. После этого я выпиваю состав из сотни противоядий. – Обращаясь к Гордию, он добавил: – В противном случае у меня случается легкое недомогание.

– Это вполне естественно, властелин, – прокаркал Гордий, которого била такая сильная дрожь, что он опасался, как бы царь не заметил этого.

– Осталось недолго, – бросил Митридат.

Он не ошибся. Судороги Лаодики становились все страшнее, ее едва не завязывало узлом. В глазах же по-прежнему горело сознание; когда они наконец устало закрылись, все поняли, что наступила смерть. Она так и не взглянула на брата – потому, возможно, что припадок начался в тот момент, когда она смотрела на Фарнака, а потом ей уже не повиновались даже глаза.

– Замечательно! – воскликнул воодушевленный царь и указал подбородком на Фарнака. – А теперь – его черед!

Никто не осмелился спросить, каким способом надлежит умертвить второго заговорщика, так что смерть Фарнака оказалась куда более прозаической, нежели смерть его возлюбленной Лаодики: конец его страданиям положил меч. Все те, кто наблюдал за последними минутами Лаодики, усвоили урок; на жизнь царя Митридата VI после этого не покушались долго, очень долго.

Путешествие из Пессинунта в Никомедию позволило Марию убедиться, что Вифиния весьма богата. Как и всю Малую Азию, страну эту покрывали горы, однако вифинские горы, за исключением Мизийского Олимпа в Прусе, были ниже, округлее и приятнее глазу, чем Таврские. Здесь протекали многочисленные реки, на полях вызревали хлеба, которых хватало для прокорма населения и армии, а также уплаты дани Риму. Бобовые давали богатый урожай, овцы благоденствовали, овощи и фрукты не переводились. Народ, как заметил Марий, выглядел сытым, довольным и здоровым; все деревни, через которые пролегал путь Мария с семейством, были населенными и зажиточными.

Однако совсем иную картину нарисовал путешественнику царь Никомед II, когда Гай Марий прибыл в его столицу Никомедию и разместился во дворце на правах почетного гостя. Сам дворец оказался небольшим, но Юлия поспешила уведомить Марию о том, что собранные здесь произведения искусства отличаются высочайшим качеством, дворец выстроен из самых лучших материалов и представляет собой архитектурный шедевр.

– Царь Никомед далеко не беден, – заключила она.

– Увы, – не соглашался царь Никомед, – я очень беден, Гай Марий. Но я властвую в бедной стране, так что иного и ожидать нельзя. К тому же Рим не облегчает мне жизнь.

Они сидели на балконе с видом на город; морская гладь была в тот день настолько безмятежна, что в ней, как в зеркале, отражались горы. Очарованному Марию казалось, что Никомедия повисла в воздухе, а плывущие в небе редкие облачка – это вереница осликов, ступающих по лазури залива.

– Что ты хочешь этим сказать, царь? – спросил Марий.

– Возьми для примера бесчестную историю с Луцием Лицинием Лукуллом, случившуюся пять лет назад, – начал Никомед. – Ранней весной он потребовал, чтобы я выставил два легиона для войны с рабами в Сицилии. – В голосе царя звучало раздражение. – Я объяснял, что у меня нет воинов, поскольку римские сборщики податей обращают моих подданных в рабство. «Освободи моих подданных, как того требует решение сената, дарующее свободу всем рабам из союзных Риму государств! – воззвал я к нему. – Тогда у меня опять появится армия, а моя страна снова узнает, что такое процветание». Знаешь, каков был его ответ? Мол, сенат имел в виду рабов из итальянских союзнических городов!

– Он был прав, – заверил царя Марий, вытягивая ноги. – Если бы декрет подразумевал рабов из стран, заключивших с римским народом договор о дружбе и союзе, ты бы получил от сената официальное уведомление на сей счет. – Он устремил на царя Никомеда проницательный взгляд из-под кустистых бровей. – Насколько я помню, в итоге ты нашел для Луция Лициния Лукулла необходимых ему солдат?

– Не в том количестве, как ему хотелось, но все же нашел. Вернее, он сам нашел для себя людей, – ответил Никомед. – Получив от меня отрицательный ответ, он покинул Никомедию, объехал окрестности и через несколько дней заявил мне, что не наблюдает нехватки мужчин. Я пытался убедить его, что попавшиеся ему на глаза мужчины – сплошь земледельцы, а не солдаты, однако он отмахнулся и сказал, что из земледельцев получают отменные солдаты,

поэтому они вполне сгодятся. Как же мне не горевать, если он забрал семь тысяч душ – тех самых людей, на которых держалась платежеспособность моего царства!

– Год спустя ты получил их назад, – возразил Марий, – к тому же с кошельками, полными денег.

– А как же поля, пустовавшие целый год? – упирался царь. – Год неурожая, при необходимости платить подати Риму, отбрасывает нас на десяток лет назад.

– Откуда же взялись в Вифинии сборщики налогов, – молвил Марий, чувствующий, что царь чего-то недоговаривает. – Ведь Вифиния не является частью римской провинции Азия.

Никомед начал вилить:

– Беда в том, Гай Марий, что некоторые мои подданные наделали долгов у римских публиканов из провинции Азия. Сейчас трудные времена.

– Отчего же они такие трудные, царь? – не отставал от него Марий. – Мне, напротив, казалось, что ваше благосостояние растет, особенно после того, как на Сицилии разгорелась война с рабами. Вы выращиваете много зерна, а могли бы выращивать еще больше. Рим уже давно покупает зерно по завышенным ценам, особенно в этих краях. На самом деле ни вы, ни наша провинция Азия не в состоянии дать даже половины потребного нам количества. По моим сведениям, основная часть зерна поступает из владений понтийского царя Митридата.

Наконец-то Марий нащупал больное место! Он содрал корку с нарыва, и гной хлынул потоком.

– Митридат! – Царь гневно плюнул и откинулся на троне. – Да, Гай Марий, вот кто – гадина, заползшая в мой сад! Вот причина царящего в Вифинии упадка. Я уплатил сотню талантов золотом – а это было ох как нелегко! – чтобы обеспечить себе в Риме поддержку, когда этот змей запросил статус друга и союзника римского народа! А сколько денег тратится из года в год на то, чтобы обороняться от его подлых посягательств? Во много раз больше! Я вынужден постоянно держать наготове армию, чтобы отражать атаки Митридата. Разве найдется страна, которая могла бы позволить себе такое расточительство?! А что он натворил в Галатии всего три года назад! Резня на пиру! Четыреста вождей сложили головы, съехавшись в Анкиру. Завладев Фригией, Галатией, прибрежной Пафлагонией, он взял меня в кольцо. Помяни мое слово, Гай Марий: если Митридата не остановить теперь, то вскоре Рим пожалеет о своем бездействии!

– Тут я с тобой согласен, – молвил Марий. – Однако Анатолия так далеко, и я очень сомневаюсь, что кто-либо в Риме в достаточной степени осведомлен о том, что здесь происходит. За исключением разве что принцепса сената Марка Эмилия Скавра, но он уже стар. Я собираюсь встретиться с царем Митридатом и предостеречь его. Возможно, когда я вернусь в Рим, мне удастся убедить сенат, что к Понту следует отнестись серьезнее.

– Нас ждет трапеза, – сказал Никомед, вставая. – Разговор продолжим потом. О, как приятно говорить с понимающим человеком!

Для Юлии пребывание при дворе восточного правителя было полно открытий. «Мы, римские женщины, непременно должны больше путешествовать! – размышляла она. – Теперь я понимаю, как узок наш кругозор, как глубоко наше невежество во всем, что касается остального мира! Это наверняка отражается на том, как мы воспитываем детей, особенно сыновей».

Открытием оказалась и первая в ее жизни встреча с монархом, Никомедом II. Она-то воображала, что все цари должны походить на римского патриция в звании консула – надменного, высокообразованного, исполненного достоинства. Этаким заморский Катул Цезарь или принцепс сената Скавр; ибо малорослый и плешивый Скавр, вне всяких сомнений, вел себя как некоронованный властелин.

Но Никомед II обманул ожидания Юлии. В молодости он был очень высок и, судя во всему, крепко сложен, но в свои восемьдесят с лишним превратился в сухого, согбенного и

хромого старика, с дряблой шеей и обвисшими щеками. Он потерял все до единого зубы и почти все волосы. Впрочем, то были признаки физического дряхления, и римские консулы, дожившие до преклонных лет, выглядели точно так же. Взять, к примеру, Сцеволу Авгура. Разница заключалась в манере держать себя и в характере. Прежде всего в глаза бросалась женственная изнеженность царя. Он носил длинные одежды из легкой тончайшей шерсти изысканных цветов, к трапезе выходил в позолоченном завитом парике, в его ушах сверкали огромные серьги; лицо было размалевано, как у дешевой шлюхи, а говорил он высоким фальцетом. Ничего величавого в его облике не было и в помине, но при этом царь Никомед правил Вифинией уже более полувека, и правил железной рукой. Никому из сыновей не удалось спихнуть его с трона. Юлии трудно было поверить в то, что этот женоподобный человек с пронзительным голосом еще в ранней юности сверг своего отца и сумел внушить своим подданным любовь и добиться повиновения.

Оба его сына находились при дворе, в то время как жен при нем не осталось: царица скончалась много раньше (она подарила ему старшего сына, названного Никомедом), младшей жены тоже не было в живых (она была матерью младшего царевича, Сократа). И Никомед III, и Сократ были уже далеко не молоды: первому исполнилось шестьдесят два года, второму – сорок четыре. Оба были женаты, однако выглядели столь же изнеженными и женоподобными, как и отец. Жена Сократа походила на мышку: маленькая, робкая и юркая; зато жена Никомеда III оказалась большой, здоровой и веселой, любившей и пошутить, и посмеяться. Она родила Никомеду III дочку по имени Низа, которая засиделась в девицах и замуж, похоже, не собиралась. Жена Сократа была бесплодна – как, видимо, и ее супруг.

– Этого следовало ожидать, – поделился с Юлией молодой раб, прибиравший в гостиной, предоставленной в ее единоличное пользование. – Сократа, скорее всего, женщины не интересуют. А вот Низа, наоборот, очень любит молоденьких кобылок, и неудивительно – при ее то лошадиной физиономии.

– Наглец! – молвила Юлия ледяным тоном и с отвращением выгнала молодого слугу за дверь.

Во дворце было полным-полно привлекательных молодых людей, главным образом рабов, хотя на службе у царя и его сыновей состояли и свободные люди. Здесь не было недостатка и в мальчиках-прислужниках, еще более миловидных, чем зрелые юноши. Юлия старалась гнать от себя мысли о том, в чем заключаются их основные обязанности, особенно думая о Марии-младшем, тоже миловидном, дружелюбном, общительном и как раз входящем в подростковый возраст.

– Гай Марий, приглядывай за сыном! – осторожно попросила она мужа.

– Чтобы он не стал таким же, как эти жеманные создания, оттирающиеся вокруг? – Марий усмехнулся. – Не бойся за него, *mea vita*. Он начеку и всегда сможет узнать извращенца по филейной части.

– Спасибо за утешение – и за сравнение, – с улыбкой молвила Юлия. – С годами ты не стал изысканнее, Гай Марий.

– Даже наоборот, – ответил он не моргнув глазом.

– Именно это я и имела в виду.

– Вот как? Ясно.

– Тебе еще не надоело здесь? – неожиданно спросила Юлия.

– Мы пробыли тут всего неделю, – удивленно ответил Гай Марий. – А что, эта клоунада действует тебе на нервы?

– Боюсь, что да. Мне всегда хотелось посмотреть, как живут цари, но здесь, в Вифинии, я с грустью вспоминаю о Риме. Дело не в любовных предпочтениях, а в сплетнях, в атмосфере, взглядах, которыми тут принято обмениваться. Слуги несносны, а с женщинами из царской семьи у меня нет и не может быть ничего общего. Орадалта так громко кричит, что мне хочется

заткнуть уши, а Муза... Очень подходящее имя, только по-латыни, в значении «мышь», а не «муза» по-гречески! Словом, Гай Марий, давай уедем, как только ты сочтешь возможным, – я буду тебе весьма признательна! – В этот момент в Юлии заговорила строгая римская матрона.

– Прямо сейчас и уедем, – обнадежил ее Гай Марий и извлек из складок тоги свиток. – Это письмо следовало за мной от самого Галикарнаса и наконец-то настигло. От Публия Рутилия Руфа – догадайся, где он сейчас?

– В провинции Азия?

– Точнее, в Пергаме. В этом году там наместником Квинт Муций Сцевола, а Публий Рутилий при нем легатом. – Марий весело помахал свитком. – Полагаю, что и наместник, и его легат будут искренне рады, если мы нанесем им визит. Вернее, мы должны были осчастливить их несколько месяцев назад: письмо-то отправлено еще весной! Теперь же они и подавно истосковались по доброй компании!

– Я знаю только, что Квинт Муций Сцевола – адвокат, – сказала Юлия, – а больше совсем ничего.

– Я тоже с ним толком не знаком, и мне известно лишь, что он неразлучен со своим двоюродным братом Крассом Оратором. Впрочем, стоит ли удивляться, что мы почти его не знаем: ведь ему всего-то сорок лет.

Старый Никомед, полагавший, что гости пробудут у него не меньше месяца, отказывался отпускать их. Но Марий твердо стоял на своем, и глупый старик не в силах был заставить его изменить решение. Не вняв просьбам царя, римские путешественники миновали узкий пролив Геллеспонт и вышли в Эгейское море, где паруса их судна наполнил свежий ветер.

По реке Каик корабль прошел некоторое расстояние вглубь страны и достиг Пергама; с воды открывался замечательный вид на чудесный город и вознесшийся над ним акрополь, окруженный высокими горами.

И Квинт Муций Сцевола, и Публий Рутилий Руф оказались на месте, но судьбе было угодно, чтобы Марий и Юлия так и не свели близкого знакомства со Сцеволой, поскольку он торопился в Рим.

– О, как прекрасно провели бы мы вместе время летом, Гай Марий! – вздохнул Сцевола. – Теперь же я уплываю: мне надо успеть добраться до Рима, поскольку зимой совершать морские путешествия слишком опасно.

Марий и Рутилий Руф отправились попрощаться со Сцеволой, предоставив Юлии возможность устроиться поудобнее во дворце, который гораздо больше пришелся ей по душе, нежели покой Никомеда II, хотя и здесь ей не доставало женского общества.

Марию даже в голову не пришло, что Юлия скучает в отсутствие подруг. Предоставив супругу самой себе, он приготовился слушать новости в изложении своего старейшего и преданнейшего друга.

– Первым делом – Рим, – попросил он.

– Начну с поистине замечательной новости, – молвил Публий Рутилий Руф, жмурясь от удовольствия. Как здорово было встретиться с Гаем Марием вдали от дома! – Авгур Гай Сервий умер в ссылке в конце прошлого года, поэтому нужно было выбрать человека на освободившееся место в коллегии авгуров. Разумеется, выбрали тебя, Гай Марий!

Марий разинул рот:

– Меня?..

– Именно. Тебя.

– Мне и в голову не приходило... Почему я?

– Потому что тебя по-прежнему поддерживают многие римляне, как бы ни старались Катул Цезарь и иже с ним. Полагаю, избиратели сочли, что ты заслуживаешь такой чести. Твоя кандидатура была выдвинута всаднической центурией, и ты набрал большинство, благо что не существует закона, запрещающего выбирать человека в его отсутствие. Не стану утверждать,

что твое избрание было благосклонно встречено Свиенком и его компанией, зато Рим – в восторге!

Марий вздохнул, не в силах скрыть удовлетворения:

– Что ж, вот новость так новость! Я – авгур! Значит, и мой сын будет жрецом или авгуром, а дальше и его сыновья. Выходит, я все же прорвался, Публий Рутилий! Мне удалось проникнуть в святая святых Рима, – мне, итальяскому деревенщине, по-гречески не понимающему!

– Вряд ли кто-либо отзывается теперь о тебе в таких выражениях. Смерть Свина стала в некотором смысле вестью. Если бы он был жив, ты вряд ли выиграл бы какие-либо выборы, – рассудительно проговорил Публий Рутилий. – И ведь не в том дело, что его *auctoritas* был выше, чем у кого-либо еще, а сторонники – многочисленнее. Просто его *dignitas* разбух донельзя после всех этих схваток на Форуме, когда он был цензором. Можно любить или ненавидеть его, но нельзя не признать его беспримерную храбрость. Хотя, думаю, главная его заслуга в другом: он представлял собой ядро, вокруг которого смогли сплотиться другие. Вернувшись с Родоса, он приложил максимум усилий для твоего низвержения. А что еще ему оставалось делать? Вся его власть и влияние были направлены на одно – на твое уничтожение. Смерть его стала, знаешь ли, огромным потрясением. Он так здорово выглядел, когда вернулся! Я-то не сомневался, что он будет радовать нас еще многие годы. И вот тебе!

– Почему у него в гостях оказался Луций Корнелий? – полюбопытствовал Марий.

– Этого никто не знает. Они не были близкими друзьями – в этом мнения сходятся. Луций Корнелий объяснил лишь, что оказался в доме случайно и вовсе не намеревался ужинать у Свина. Очень странно! Самое удивительное, что Свиенок не нашел в присутствии Луция Корнелия ничего необычного. Я делаю из этого заключение, что Луций Корнелий собирался присоединиться к фракции Свина. – Рутилий Руф нахмурился. – У них с Аврелией вышла серьезная размолвка.

– У Луция Корнелия?

– Да.

– От кого ты слышал об этом?

– От самой Аврелии.

– Она не объяснила, по какой причине?

– Нет. Просто сказала, что больше не желает видеть Луция Корнелия у себя в доме. Как бы то ни было, вскоре после смерти Свина Сулла отправился в Ближнюю Испанию. Аврелия сообщила мне эту новость только после его отъезда. Наверное, боялась, как бы я не напустился на него, будь он еще в Риме. В общем-то, все это сплошная загадка, Гай Марий.

Марий, не слишком интересовавшийся личными раздорами, состроил гримасу и пожал плечами:

– Пусть странно, но это их дело. Какие еще новости?

– Наши консулы провели новый закон, запрещающий человеческие жертвоприношения, – со смехом сообщил Рутилий Руф.

– Что ты сказал?!

– Закон, запрещающий человеческие жертвоприношения.

– Чудеса! Разве в Риме приносят в жертву людей! – Марий с отвращением отмахнулся. – Ерунда какая-то!

– Кажется, пока Ганнибал маршировал взад-вперед по Италии, в Риме принесли в жертву двоих греков и двоих галлов. Впрочем, сомневаюсь, чтобы это имело отношение к новому *lex Cornelia Licinia*.

– Чем же тогда вызвано его принятие?

– Как ты знаешь, порой мы, римляне, находим весьма неожиданный способ, чтобы повлиять на общественную жизнь. По-моему, новый закон относится именно к этой категории. Наверное, его принятие должно было оповестить Римский форум о том, что убийства, насилие,

лишение свободы магистратов отменяются, как и вся прочая противозаконная деятельность, – проговорил Рутилий Руф.

– Гней Помпей Лентул и Публий Лициний Красс представили какие-либо разъяснения? – спросил Марий.

– Нет, они просто обнародовали свой закон, и он был одобрен.

Марий махнул рукой:

– Младший брат нашего великого понтифика, исполняющего в этом году обязанности претора, был назначен правителем Сицилии. Ходили слухи о новом восстании рабов – как тебе это?

– Неужели на Сицилии как-то особенно плохо обращаются с рабами?

– И да и нет, – задумчиво проговорил Рутилий Руф. – Во-первых, многие тамошние рабы – греки. Вовсе не обязательно плохо с ними обращаться, чтобы нажить неприятности: они очень вольнолюбивы. К тому же полагаю, что все пираты, захваченные Марком Антонием Оратором, были отправлены на Сицилию обрабатывать пшеничные поля. Такая работенка им не по нраву. Между прочим, – добавил Рутилий Руф, – Марк Антоний водрузил на ораторской трибуне ростру с тараном самого большого из уничтоженных им пиратских кораблей. Впечатляющее зрелище!

– Не думал, что там может найтись для этого место. Представляю себе трибуну, утыканную корабельными носами! – фыркнул Марий. – Ладно, Публий Рутилий, не будем на этом задерживаться. Что еще новенького?

– Наш претор Луций Агенобарб посеял на Сицилии панику, молва о которой докатилась даже до провинции Азия. Он пронесся по острову, как ураган! Видимо, он давно не был на Сицилии, раз издал указ о том, что никто, кроме солдат и вооруженного ополчения, не имеет права носить меч. Естественно, на указ не обратили внимания.

– Зная Домиция Агенобарба, можно утверждать, что это было ошибкой, – усмехнулся Марий.

– Еще какой! Наплевательское отношение к его указу очень рассердило Луция Домиция. Вся Сицилия буквально взвыла! И я сомневаюсь, чтобы теперь там были возможны выступления подневольных или свободных людей.

– Да, Домиции Агенобарбы шутить не любят; зато и деятельность их приносит плоды, – сказал Марий. – Это все новости?

– Почти. У нас теперь новые цензоры, которые объявили о намерении провести самую полную за последние десятилетия перепись римских граждан.

– Давно пора. Кто такие?

– Марк Антоний Оратор и твой коллега по консульству, Луций Валерий Флакк. – Рутилий Руф поднялся. – Не прогуляться ли нам, дружище?

Пергам отличался тщательной планировкой и несравненной красотой; Марий был об этом наслышан, а теперь получил возможность удостовериться в этом самолично. Даже в нижней части города, раскинувшейся под акрополем, не было извилистых улочек и жалких лачуг. Любое строительство жестко контролировалось и подчинялось непоколебимым правилам. Повсюду, где жили люди, были проложены канализационные трубы, во все жилища подавалась под давлением питьевая вода. Излюбленным материалом здешних строителей был мрамор. Везде высились великолепные колоннады, агора поражала простором и превосходным качеством окружающих ее статуй, на склоне холма размещался огромный театр.

Тем не менее и в городе, и в крепости чувствовалась атмосфера упадка. Порядок, царивший здесь при правлении Атталидов, задумавших Пергам как свою столицу и заботившихся о ее великолепии, остался в прошлом. Люди тоже не выглядели довольными жизнью; некоторые, как заметил Марий, были попросту голодны, чему можно было только удивляться в такой богатой стране.

– Ответственность за это лежит на римских сборщиках налогов, – мрачно прокомментировал ситуацию Публий Рутилий Руф. – Ты и представить себе не можешь, Гай Марий, что мы тут застали с Квинтом Муцием! Провинция Азия долгие годы подвергалась безжалостному разграблению, а все алчность этих болванов-публиканов! Перво-наперво Рим требует в свою казну чрезмерно много денег. Сами публиканы тоже не отстают: желая получить доход повыше, они выжимают из провинции все соки. Для них главное – деньги. Грабят, вместо того чтобы переселять римскую бедноту на тучные земли и пускать на приобретение этой общественной земли доходы, получаемые в качестве податей. Гай Гракх должен был бы послать сюда наблюдателей, которые определили бы размер налогов. Но нет. Гракх об этом и не подумал. Его преемники оказались ничем не лучше. Сведения, которыми располагают в Риме, высосала из пальца комиссия, побывавшая здесь после смерти царя Аттала, то есть тридцать пять лет назад!

– Как жаль, что в свою бытность консулом я всего этого не знал! – печально произнес Марий.

– Дорогой мой Гай Марий, тебе хватало германцев! В те годы о провинции Азия вспоминали в последнюю очередь. Но вообще-то, ты прав: комиссия, назначенная Марием, прибыв сюда, представила бы реальные цифры и призвала бы публиканов к порядку. А так они ни с чем не считаются. Провинцией управляют сборщики налогов, а вовсе не римские наместники!

– Ручаюсь, что в этом году, когда в Пергаме высадились Квинт Муций и Публий Рутилий, публиканам не поздоровилось, – усмехнулся Марий.

– Еще бы! – протянул Рутилий Руф с мечтательной улыбкой. – Их жалобные стоны доносились до самой Александрии. Не говоря уж о Риме... Между нами говоря, именно поэтому Квинт Муций отбыл домой раньше срока.

– Чем конкретно вы тут занимались?

– О, всего лишь наводили порядок в делах провинции и в сборе налогов, – вкрадчиво ответил Рутилий Руф.

– С ущербом для казны и сборщиков.

– Совершенно справедливо. – Рутилий Руф повернулся лицом к просторной агоре и указал на пустующий постамент. – Начали мы вот с этого. Здесь прежде возвышалась конная статуя Александра Великого работы самого Лисиппа, считавшаяся самым точным портретом Александра. Знаешь ли ты, куда она переместилась? Во внутренний двор виллы Секста Перквинтия, самого богатого и невежественного римского всадника! Он – твой ближайший сосед на Капитолии. Забрал, видишь ли, в счет задолженности по налогам! А ведь это – произведение искусства, по стоимости превышающее недоимки в сотни раз! Что могли с ним поделать местные жители? Денег-то у них не было. Стоило Сексту указать на статую, как она была снята с постамента и подарена ему.

– Ее необходимо вернуть, – бросил Марий.

– На это мало надежды, – ответил Рутилий Руф со вздохом сожаления.

– Не за этим ли отправился домой Квинт Муций?

– Если бы так! Нет, перед ним стоит другая задача: не позволить сторонникам публиканов в Риме привлечь нас с ним к суду.

Марий остановился:

– Да ты шутишь!

– Нет, Гай Марий, какие могут быть шутки? Сборщики налогов, орудующие в Азии, обладают в Риме огромным влиянием, особенно в сенате. Пытаясь навести в провинции Азия должный порядок, мы с Квинтом Муцием нанесли по ним серьезный удар, – ответил Публий Рутилий Руф с пренебрежительной гримасой. – Мы смертельно оскорбили не только публиканов, но и сократили поступления в казну. В сенате найдутся люди, которые не стали бы обращать внимание на визг сборщиков налогов, но казна – это святое. С точки зрения казначейства любой наместник, уменьшающий государственные доходы, – предатель. Можешь мне пове-

рить, Гай Марий, прочитав последнее письмо от своего двоюродного братца Красса Оратора, Квинт Муций сделался блее собственной тоги! Там говорилось, что в сенате вынашивается план лишить его проконсульских полномочий и отдать под суд за растрату и измену. Вот он и заторопился домой, оставив управление на меня, пока не явятся в будущем году те, кто меня сменил.

На обратном пути к дворцу наместника Гай Марий заметил, как тепло и уважительно приветствуют Публия Рутилия встречные прохожие.

– Да тебя здесь любят! – воскликнул он, без особого, впрочем, удивления.

– Квинта Муция здесь любят еще больше. Мы внесли в их жизнь значительные перемены: они впервые увидели за работой истинных римлян. Я при всем желании не могу осуждать их за ненависть, которую у них вызывает Рим. Они – наши жертвы, мы немало поиздевались над ними. Поэтому, когда Квинт Муций снизил налоги до цифры, сочтенной им и мною приемлемой, и положил конец грабежу, который здесь учиняли многие публиканы, местные жители буквально плясали на улицах! Пергам проголосовал за то, чтобы посвятить Квинту Муцию ежегодный фестиваль; то же самое сделали в Смирне и Эфесе. Сперва нас засыпали дарами, между прочим очень ценными: произведениями искусства, драгоценностями, коврами. Мы отсылали все это обратно, а нам упорно возвращали. В конце концов мы были вынуждены запретить им входить в дворцовые ворота.

– Способен ли Квинт Муций убедить сенат, что прав он, а не публиканы? – спросил Марий.

– А ты как думаешь?

Марий задумался, сожалея, что большую часть своей карьеры провел не в Риме, а на полях сражений.

– Полагаю, его ждет успех, – решил он. – Его репутация безупречна, и это повлияет на отношение к нему многих *pedarii* – заднескамеечников, которые в иной ситуации были бы склонны поддержать публиканов, а в их лице – казначейство. Кроме того, он выступит с великолепной речью. Его поддержит Красс Оратор, что еще больше поднимет его шансы.

– И я того же мнения. Однако он с большим сожалением расставался с провинцией. Вряд ли у него будет впоследствии дело, которое принесет ему такое же удовлетворение, как работа здесь. Он очень обстоятелен и щепетилен, а по части организаторского таланта ему вообще нет равных. Я собирал сведения по всем районам провинции, а он принимал окончательные решения на основании предоставляемых мною фактов. В итоге в провинции Азия впервые за тридцать пять лет были определены реальные суммы налогов, и казначейство не имеет оснований требовать большего.

– Естественно, ведь если только в провинцию не нагрянет сам консул, решения наместника имеют приоритет перед любой директивой Рима, – кивнул Марий. – Однако вы покусались не только на казначейство, но и на власть цензоров, к тому же публиканы вместе с казначейством будут ссылаться на законность имеющихся контрактов. С избранием новых цензоров контракты перезаключаются. Вам удалось вовремя переправить в Рим свои выкладки, чтобы их могли учесть?

– К несчастью, нет, – сознался Рутилий Руф. – Вот тебе еще одна причина, почему Квинту Муцию пришлось поспешно отбыть домой. Он полагает, что сможет надавить на нынешних цензоров, чтобы они отозвали контракты по провинции Азия и настояли на их пересмотре.

– Что ж, публиканов это не слишком тревожит – при условии, что казначейство согласится урезать собственную доходную часть, – сказал Марий. – Предвижу, что у Квинта Муция будет больше хлопот с казначейством, чем со сборщиками налогов. В конце концов, публиканы только выиграют, если им не придется более отдавать в казну заоблачные суммы, не так ли?

– Именно, – кивнул Рутилий Руф. – Это-то и питает наши надежды: главное, чтобы Квинт Муций убедил упрямых сенаторов и казначейских трибунов, что Рим не должен требовать от провинции Азия столь много.

– Кто, по-твоему, поднимет самый отчаянный крик?

– Перво-наперво – Секст Перквиний. Он все равно будет огребать немалую прибыль, но не видать ему больше шедевров, которые он прихватывает в счет недоимок. Дальше – кое-кто из ведущих сенаторов, давно подкупленных всадниками и, подобно им, любящих поживиться бесценными произведениями искусства. Скажем, великий понтифик Гней Домиций Агенобарб, Катул Цезарь, Свиненок – эти уж точно. Сципион Назика. Кое-кто из Лициниев Крассов, только не Оратор.

– А наш принцепс сената?

– Думаю, Скавр выступит в поддержку Квинта Муция. Во всяком случае, мы с Муцием возлагаем на это большие надежды. Давай отдадим Скавру должное: он – римлянин старой закалки. – Рутилий Руф хмыкнул. – Кроме того, все его клиенты находятся сейчас в Итальянской Галлии, поэтому у него нет личной заинтересованности в провинции Азия; просто он любит поиграть в вершителя судеб. Сбор налогов? Какая проза! К тому же Скавр не коллекционирует предметы искусства.

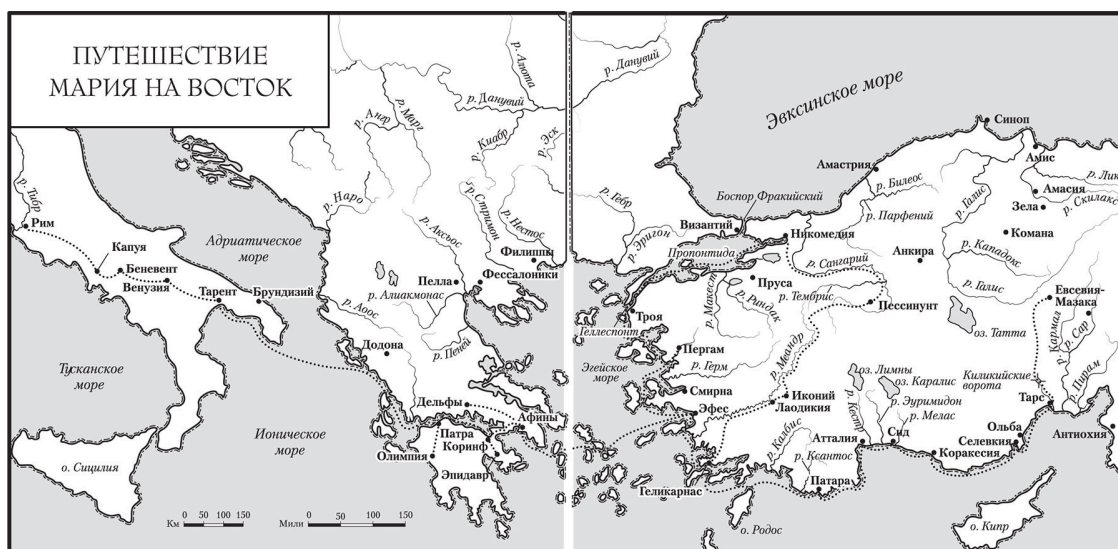
Оставив ошарашенного встречей Публия Рутилия Руфа во дворце наместника (ибо тот отказался покинуть это обиталище), Гай Марий перевез семейство на виллу в Галикарнасе, где они приятно провели зиму, время от времени наведываясь ради развлечения на Родос.

Возможностью добраться из Галикарнаса в Тарс по морю они были обязаны усилиям Марка Антония Оратора, который положил конец – во всяком случае, на какое-то время – набегам памфилийских и киликийских пиратов. Прежде даже мысль о морском путешествии казалась верхом безумия, поскольку из всех видов добычи пираты отдавали наибольшее предпочтение римским сенаторам, особенно таким знаменитым и богатым, как Гай Марий: за него можно было бы потребовать выкуп в двадцать-тридцать талантов серебром.

Корабль следовал вдоль береговой линии, и плавание заняло месяц. Ликийские города с радостью оказывали гостеприимство Марию и его семье; столь же радушен был и большой город Атталия в Памфилии. Марию еще никогда, даже во время похода в далекую Галлию, не приходилось видеть столь высоких гор, подходящих вплотную к морю: их заснеженные вершины подпирали небо, склоны же омывались волнами.

Великолепны были также здешние нетронутые сосновые леса: на Кипре, лежащем неподалеку, хватало древесины, чтобы снабжать всю акваторию, в том числе Египет. Дни шли, а киликийскому побережью все не было конца. Марий понимал, почему здесь еще недавно процветало пиратство: береговая линия была вся изрезана узкими заливами и гротами. Пиратская столица Коракесия так отменно отвечала этому своему назначению, что казалась даром богов: выступ, на котором высилась главная крепость, был окружен морем. Антоний завладел им с помощью изменников, сдавших ему крепость; глядя на неприступные скалы, Марий ломал голову, как можно было бы взять это место с боем.

Наконец путешественники достигли Тарса, расположенного в нескольких милях вверх по течению безмятежной реки Кидн, что обеспечивало безопасность города-порта. Город был обнесен мощной крепостной стеной. Знатных гостей разместили во дворце. Весна в этой части Малой Азии наступает рано, поэтому в Тарсе их встретила жара; Юлия не уставала намекать, что не желает поджариваться на этой сковородке, когда Марий отправится в странствие вглубь Каппадокии.

Под конец зимы они получили в Галикарнасе письмо от царя Каппадокии Ариарата VII, обещавшего лично пожаловать в Тарс в конце марта; царь писал, что будет горд и счастлив сопроводить Гая Мария из Тарса в Евсевию-Мазак. Зная, что молодой царь будет его ждать, Марий все больше нервничал, видя, как затягивается плавание, но не мог отказать Юлии в удовольствии сойти на сушу то в одной, то в другой очаровательной бухте, чтобы немного размяться и поплавать. Тарса они достигли только в середине апреля, однако царя там все еще не было, и никто не знал, где он.

Гонцы, посланные в Мазак с письмами, не вернулись. Мария охватило беспокойство. Впрочем, он скрывал свою тревогу от Юлии и Мария-младшего, но ситуация осложнилась, когда Юлия усилила нажим, прося взять ее в Каппадокию. Для Гая Мария было очевидно, что он не может пойти ей навстречу, но и оставить супругу здесь страдать от летнего зноя было тоже невыносимо. Положение усугублялось незавидной ролью Киликии в этой части мира. Когда-то страна принадлежала Египту, потом она перешла к Сирии, а затем впала в запустение. Именно тогда здесь стали насаждать свои порядки пираты, которые добрались даже до плодородных равнин Педии, к востоку от Тарса.

Сирийская династия Селевкидов истощала силы в братоубийственных войнах, а также в стычках между царями и претендентами на царский престол. В тот момент в Северной Сирии было сразу два царя – Антиох Грип и Антиох Кизикен, так занятые борьбой за Антиохию и Дамаск, что уже многие годы не обращали никакого внимания на остальные области своего царства. В результате иудеи, идумеи и набатеи основали на юге независимые государства, а Северная Киликия была забыта.

Когда Марк Антоний Оратор явился в Тарс с намерением основать здесь свою базу, он нашел, что Киликия вполне созрела для того, чтобы перейти под римское управление и, обладая империем, объявил страну зависимой от Рима провинцией. Правда, после отъезда Оратора ему на смену так и не прислали наместника, и Киликия в очередной раз осталась без пригляда. Греческие города, население которых было достаточно многочисленным, чтобы вести хозяйственную деятельность, процветали; к таковым относился и Тарс. Однако между городами лежали обширные пространства, где либо вообще не было никакой власти, либо орудовали местные тираны, либо народ простодушно полагал, что подчиняется Риму. Марий быстро пришел к выводу, что в этих краях скоро опять восторжествуют пираты. Пока же местные магистраты с радостью приветствовали человека, которого приняли за нового римского наместника.

Чем больше затягивалось ожидание вестей от царя Ариарата, тем яснее Марий понимал, что того отвлекли какие-то непредвиденные события в Каппадокии. Главной заботой Мария стали жена и сын. «Теперь мне понятно, почему принято оставлять семью дома!» – ворчал он сквозь зубы. О том, чтобы бросить их в Тарсе, на жаре, где они могут подхватить какую-нибудь болезнь, не могло быть и речи; нельзя было взять их с собой в Каппадокию. Когда же Гай Марий подумывал, не отправить ли их назад, в Галикарнас, перед его мысленным взором вставала пиратская цитадель Коракесия, населенная в его воображении приспешниками нового разбойничьего вожака. Что же делать? «Нам ничего не известно об этих местах, – размышлял Марий, – ясно одно: восточные берега Срединного моря остались без руля и без ветрил, и их обязательно накроет буря».

Подошел к концу май, а от царя Ариарата так и не было вестей. Марий наконец решился.

– Собирайся! – сказал он Юлии более резко, чем хотел. – Я беру тебя и Мария-младшего с собой, но не в Мазаку. Когда мы поднимемся в горы, где климат более прохладный и, надеюсь, более здоровый, я оставляю вас на попечении местных жителей, а сам отправлюсь дальше, в Каппадокию.

Юлии хотелось возразить, но она сдержалась; ей никогда не доводилось видеть Гая Мария на поле боя, но его командирский тон был ей известен. Сейчас же она уловила также отзвуки терзающих его сомнений. И они явно были связаны с Каппадокией.

Спустя два дня они выступили в путь в сопровождении отряда местных ополченцев под командованием молодого грека из Тарса, к которому Марий проникся большой симпатией. Юлия одобрила выбор мужа. Как впоследствии выяснилось, они не ошиблись. Путешествовать пришлось верхом, поскольку путь лежал через крутой горный перевал, именуемый Киликийскими Воротами. Трясаясь на ослике, Юлия думала о том, что великолепие видов способно скрашивать трудности пути. Тропка вилась между отвесных скал, и чем выше забирались путники, тем толще становился слой вечных снегов, покрывающих горы. Сейчас было уже трудно поверить, что всего три дня назад она задыхалась в прибрежной духоте; теперь же ей пришлось извлечь из сундуков одежду потеплее. Погода стояла безветренная и солнечная, однако стоило путникам углубиться в хвойный лес, как холод пробрал их до костей и они принялись мечтать о том, как выберутся на голые скалы, где бурные водопады сливаются в неистовые потоки, оглашающие затерянные ущелья неумолкающим гулом.

Через четыре дня после выезда из Тарса подъем завершился. В первой же долине Марий увидел стоянку пастухов, поднявшихся с отарами на высокогорные летние пастбища, там он и оставил Юлию и Мария-младшего, а также проводников-ополченцев. Молодому греку из Тарса по имени Морсим было велено заботиться о них и нести неусыпный караул. Пастухи, получившие огромную мзду золотом, проявили радушие под стать вознаграждению и поселили Юлию в просторном шатре из шкур.

– Как только я свыкнусь с запахом, то почувствую себя вполне сносно, – сказала она Марию на прощание. – Внутри шатра тепло. Пастухи, кажется, отправились куда-то, чтобы пополнить запас провизии. Езжай и не беспокойся за меня и за Мария-младшего, который, как я догадываюсь, воодушевлен перспективой стать кочевником. Морсим прекрасно позаботится о нас. Об одном я сожалею, дорогой мой муж: мы все-таки стали для тебя обузой.

С таким напутствием Гай Марий и отбыл в сопровождении всего двух рабов и проводника, которого отрядил Морсим. Молодому греку, судя по всему, тоже очень хотелось отправиться с Марием. Согласно предположениям Мария, плато, на котором начался его путь, лежало на высоте примерно полутора тысяч метров – не так высоко, чтобы опасаться головокращения и головных болей, но все же достаточно, чтобы затруднить путешествие верхом. По словам проводника, до Евсевии-Мазаки, единственного поселения в глубине Каппадокии, которое могло именоваться городом, было еще довольно далеко.

В тот самый момент, когда крохотный отряд преодолевал водораздел между реками, стекающими в Киликию-Педию, и реками, питающими могучий Галис, солнце скрылось окончательно, после чего путешествие проходило сквозь стену дождя или в лучшем случае тумана. Замерзший, с натертыми седлом ссадинами, борясь с приступами головокружения Марий час за часом трясся с беспомощно болтающимися ногами и благодарил судьбу за выносливость своих ляжек, привыкших к дальним верховым походам.

Солнце выглянуло из-за туч только на третий день. Раскинувшиеся перед путниками необъятные равнины казались идеальным местом для выпаса овец и коров: трава здесь росла густая, лесов же в округе не было видно. Проводник объяснил, что почвы Каппадокии не благоприятствуют произрастанию лесов, зато распаханная земля родит чудесные хлеба.

– Тогда почему здесь не пахут? – спросил его Марий.

Проводник пожал плечами:

– Местные жители обеспечивают продовольствием себя, а также продают кое-какие излишки жителям долины Галиса, к которым наведываются по реке. В Киликии же торговать они не могут, поскольку туда слишком трудно добираться. Да и зачем им такие заботы? Они сыты и всем довольны.

Это была единственная беседа между Марием и проводником за время пути; даже устроившись на ночлег в покрытом шкурами шатре кочующих пастухов или в саманной лачуге затерянной деревушки, они почти не разговаривали. Перед ними по-прежнему громоздились горы: они то отдалялись, то приближались, однако казались неизменно громадными и заснеженными.

Но вот проводник объявил, что до Мазаки осталось всего четыреста стадий (Марий прикинул, что это около пятидесяти римских миль). Тут перед ними открылся вид столь диковинный, что Марий невольно пожалел о том, что с ним нет Юлии. Плато было изрезано здесь извилистыми ущельями, в которых вздымались конические башенки, словно любовно вылепленные из разноцветной глины; все вместе напоминало гигантскую игровую площадку дитяти-великана. Кое-где башни были увенчаны плоскими камнями, которые, как казалось Марию, раскачиваются на ветру – таким неустойчивым было их положение на шпилях конических башен. И – о чудо из чудес! – его глаза начали даже различать в некоторых из этих замысловатых сооружений, созданных фантазией самой природы, окна и двери.

– Поэтому ты и не видишь вокруг деревень, – объяснил проводник. – Здесь, на высоте, холодный климат и короткое лето. Вот жители и вырубili себе жилища внутри этих каменных башен. Летом они наслаждаются прохладой, зимой – теплом. Стоит ли самим строить дома, если Великая Богиня Ма уже позаботилась об этом?

– И давно они живут внутри этих скал? – спросил пораженный Марий.

Проводник затруднился дать точный ответ.

– С тех самых пор, как здесь появились люди, – неопределенно объяснил он. – У нас, в Киликии, говаривают, что первые поселенцы пришли сюда из Каппадокии.

Они трусили по ущельям, объезжая башни, когда Марий впервые увидел гору. Она стояла в гордом одиночестве – самая высокая вершина из всех, какие ему доводилось видеть: выше греческого Олимпа, выше любого пика Альп, окружающих Италийскую Галлию. Это была коническая громадина с вершинами той же формы, но меньшего размера по бокам; при взгляде на нее делалось больно глазам – так сверкал заснеженный пик на фоне безоблачного неба. Марий отлично знал, что это – гора, называемая греками Аргей, которую видели считанные путешественники, прибывшие с запада. Знал он и то, что у ее подножия раскинулся единственный город Каппадокии под названием Евсевия-Мазака, царская столица.

К сожалению, Марий приближался к горе из Киликии, то есть не с той стороны, откуда открывался наиболее захватывающий вид. Мазака лежала на северном склоне, ближе к Галису,

великой красной реке Центральной Анатолии, по которой осуществлялась связь столицы с внешним миром.

Лишь после полудня взору Мария предстали здания, сгрудившиеся под защитой горы; он уже готов был с облегчением вздохнуть, когда обнаружил, что подъезжает к полю брани. Он и сам не сумел бы описать охватившие его чувства. Ехать по месту, где совсем недавно сражались и тысячами гибли воины, – и не только не иметь ни малейшего понятия о сражении, но и быть равнодушным к тому, кто победил! Впервые в жизни он, Гай Марий, победитель Нумидии и германцев, находился на поле сражения в качестве праздного наблюдателя.

Измученный путешествием, совершенно разбитый, он приближался к небольшому городу, почти не глядя вокруг. Никто не позаботился о том, чтобы убрать с места побоища останки; повсюду валялись, разлагаясь, трупы, без доспехов и часто даже без одежды. В воздухе роились тучи мух; холодный горный ветер оказался здесь благом, поскольку развеивал смрад. Проводник утирал слезы, обоих рабов тошнило, один Гай Марий ехал себе вперед, словно не замечая страшной картины, и выискивал взглядом нечто гораздо более грозное: лагерь победителя. Ожидание длилось недолго: лагерь раскинулся в двух милях к северо-востоку от места побоища и представлял собой скопище шатров из овечьих шкур под голубым небом, замутненным дымом бесчисленных костров.

Митридат! Кто же еще это мог быть? Гай Марий не тешил себя иллюзиями, что разбитая армия может принадлежать Митридату. Нет, он – предводитель победоносного войска. Поле же усеяно трупами каппадокийских солдат, то есть недавних нищих горцев, кочевников-пастухов и, вероятно, сирийских и греческих наемников, – так подсказывал Марию здравый смысл. Где же сам юный царь? Впрочем, это лишний вопрос. Раз он не явился в Тарс и не ответил ни на одно из посылавшихся ему с гонцами писем, это означает, что он мертв. Мертвы и гонцы.

Другой на месте Гая Мария повернул бы своего скакуна в противоположном направлении, уповая на то, что его не успели заметить. Но Гай Марий был не робкого десятка. Наконец-то он загнал царя Митридата Евпатора в нору, пускай и не на своем поле! Гай Марий ударил измученного коня пятками, сгорая от нетерпения приблизить долгожданную встречу.

Когда он понял, что не видит ни одного часового и что его приближение осталось незамеченным (не только на дальних подступах к лагерю, но даже и тогда, когда он въехал в город через главные ворота), то сильно удивился. Должно быть, понтийский царь чувствует себя в полной безопасности! Остановив взмыленного коня, Гай Марий осмотрелся, ожидая, что перед ним предстанет акрополь, крепость или что-то вроде этого; наконец он заметил на горном склоне сооружение, похожее на дворец. Судя по всему, оно было сложено из какого-то легкого и мягкого камня, не способного защитить обитателей от пронизывающих зимних ветров. Стены его покрывала штукатурка, окрашенная в темно-синий цвет; колонны были ярко-красными, а ионические капители – позолоченными.

«Там я его и найду!» – решил Марий и стал взбираться верхом на коне по крутой улочке, приближаясь к обнесенному голубой стеной дворцу, проглядывающему сквозь ветви деревьев, еще лишенные листвы. Весна приходит в Каппадокию поздно, а молодой царь Ариарат и вовсе не увидит больше весны. Жители Мазак, должно быть, забились в щели, поскольку улицы были на диво пустынные; ворота дворца никто не охранял. Да, царь Митридат и впрямь непоколебимо уверен в себе!

Марий оставил коня и спутников у подножия лестницы, ведущей к бронзовым дверям, украшенным искусным барельефом, повествующим об участии Персефоны. У Мария было достаточно времени, чтобы рассмотреть эту древнюю композицию, очень ему не понравившуюся, пока он ждал, чтобы кто-нибудь отозвался на его настойчивый стук. Наконец раздался скрип, и одна створка двери приоткрылась.

– Слышу, слышу! – произнес по-гречески старческий голос. – Чего тебе нужно?

Марий боролся с желанием расхохотаться, поэтому ответ его оказался сбивчивым и напрочь лишенным подобающего его положению величия:

– Я – Гай Марий, римский консул. Царь Митридат здесь?

– Нет, – ответил старец.

– Он вернется?

– Да, до наступления темноты.

– Вот и отлично! – Марий решительно толкнул дверь и очутился в пустом помещении, бывшем прежде, по всей видимости, тронным залом или помещением для торжественных приемов; сопровождающие, повинаясь его жесту, вошли в дверь за ним следом. – Окажи гостеприимство мне и трем моим спутникам. Наши кони стоят у лестницы, их надо отвести в стойло. Мне – горячую ванну. Немедленно!

Когда по дворцу пронесся слух, что царь возвращается, облаченный в тогу Марий вышел в портик дворца и замер в одиночестве на верхней ступеньке. Отсюда ему было видно, как не спеша поднимается к дворцу вереница хорошо вооруженных всадников. На их круглых красных щитах были изображены белый полумесяц и белая восьмиконечная звезда, на серебряные панцири были наброшены красные плащи, а на остроконечных шлемах вместо перьев или лошадиных хвостов сверкало по золотому полумесяцу с золотой звездочкой.

Отрядом никто не предводительствовал, и среди нескольких сотен всадников было трудно узнать царя. «Возможно, он не заботится об охране дворца в свое отсутствие, – подумал Марий, – но себя он бережет – в этом нет сомнений». Въехав в ворота, отряд задержался у ступеней, издавая чудной звук, всегда отличающий большое количество топчущихся на одном месте неподкованных лошадей. Из этого Марий заключил, что у Понта не хватает кузнецов, чтобы подковать даже боевых коней. Величественная фигура Мария, облаченного в тогу с пурпурной каймой, была хорошо видна снизу.

Всадники расступились, и в образовавшемся проходе появился на крупном гнедом коне сам царь Митридат Евпатор. Пурпурными были и его плащ, и щит со звездой и полумесяцем, который держал оруженосец. А вот шлема на царя не было, вернее, вместо шлема его голову покрывала львиная шкура: львиные клыки едва не впивались царю в лоб, львиные уши чутко подрагивали у него на макушке, там же, где когда-то сверкали львиные очи, зияли дыры. Из-под золотой кирасы царя, украшенной орнаментом, виднелись рукава позолоченной кольчуги и *pteryges* – юбка из кожаных полос. Обут он был в отлично скроенные греческие сапожки из львиной шкуры, расшитые золотой нитью, со свисающими язычками в виде львиных голов с золотыми гривами.

Митридат сошел с коня и посмотрел снизу на Мария. Столь унижительное положение его определенно не устраивало, однако ему хватило ума не заторопиться вверх по лестнице. Тем временем Гай Марий подмечал, что царь примерно одного с ним роста и сложения. Красавцем царя нельзя было назвать, однако уродом он тоже не был: квадратное лицо с выступающим подбородком и крупным, довольно бесформенным носом. Волосы у царя были светлые – это было заметно, несмотря на львиную шкуру; он был кареглаз, а полные ярко-красные губы маленького рта свидетельствовали о вспыльчивости и вздорности.

«Ну что, видел ли ты раньше человека в *toga praetexta*?» – безмолвно спросил Марий. Наскоро припомнив историю жизни понтийского властелина, он пришел к выводу, что тот не имел счастья любоваться не только *toga praetexta*, но и *toga alba*. Однако царь определенно узнал в Марии римского консула; опыт же подсказывал Марию, что любой не видевший прежде такого одеяния должен застыть в восхищении, даже если был знаком с ним по описанию. Значит, видел – но где?

Царь Митридат Евпатор лениво поднялся по ступеням и протянул гостю правую руку в повсеместно принятом жесте, свидетельствующем о мирных намерениях. Рукопожатие состо-

ялось: оба оказались достаточно умны, чтобы не превращать первую же встречу в противостояние.

– Гай Марий, – начал царь по-гречески, причем с тем же акцентом, который отличал греческую речь самого Мария, – что за неожиданная радость!

– Мне жаль, царь Митридат, что я не имею возможности приветствовать тебя теми же словами.

– Входи же, входи! – сердечно пригласил царь Мария, обнимая его за плечи и вводя в распахнутую дверь. – Надеюсь, слуги позаботились обо всем необходимым?

– Да, благодарю.

Дюжина царских стражников просочилась в тронную залу, опередив своего повелителя и Мария; еще дюжина вошла за ними следом. Начался скрупулезный осмотр залы, смахивавший на обыск. Затем половина стражников отправилась рыскать по дворцу, другая же половина осталась при Митридате, не сводя с него глаз. Царь проследовал напрямик к мраморному трону с пурпурной подушкой и, усевшись, щелкнул пальцами, после чего слуги подставили кресло Гаю Марию.

– Тебе предложили подкрепиться? – заботливо осведомился царь.

– Вместо этого я принял ванну, – ответил Марий.

– Тогда перейдем к трапезе?

– Если угодно. Но стоит ли нам перебираться в другое помещение? Если, конечно, царю достаточно моего общества, то я не возражаю есть сидя.

Между ними был водружен стол, на котором появилось вино и простые кушанья: овощи, огурцы с чесноком, залитые сметаной, рубленая телятина. Царь не стал извиняться за отсутствие изысканных блюд, а просто набросился на еду. Марий, проголодавшийся в пути, последовал его примеру.

Лишь когда трапеза была завершена и слуги убрали со стола, завязался разговор. За окнами сгущались мирные сумерки, в тронной зале сделалось совершенно темно. Обмирающие от страха слуги заскользили вдоль стен, зажигая светильники; язычки огня оказались слабыми, что объяснялось дурным качеством масла.

– Где царь Ариарат Седьмой? – спросил Марий.

– Мертв, – ответил Митридат, ковыряя в зубах золотой палочкой. – Умер два месяца назад.

– При каких обстоятельствах?

Теперь, находясь совсем рядом с царем, Марий увидел, что глаза у того не карие, а зеленые, хоть и с карими крапинками, что было, конечно, весьма необычно. Глаза эти сверкнули, потом царь отвел взгляд; когда он снова посмотрел на собеседника, его глаза смотрели прямо и честно. «Сейчас я услышу ложь», – решил Марий.

– Смертельная болезнь, – ответил царь с тяжелым вздохом. – Он умер здесь, во дворце. Меня при этом не было.

– Вблизи города ты принял бой, – напомнил ему Марий.

– Пришлось, – согласился Митридат.

– Чем была вызвана такая необходимость?

– Объявился сирийский претендент на престол – двоюродный брат Селевкид. В жилах представителей каппадокийской царской династии течет кровь Селевкидов, – безмятежно объяснил царь.

– Какое отношение это имело к тебе?

– А вот какое: мой тесть – точнее, один из моих тестей – каппадокиец, царевич Гордий. Моя сестра была матерью покойного Ариарата Седьмого и его младшего брата, который жив и здоров. Этот ее младший сын теперь, естественно, полноправный властитель, а я наблюдаю за тем, чтобы Каппадокией правил законный государь.

– Я не знал, царь, что у Ариарата Седьмого есть младший брат, – заметил Марий.

– Есть, можешь не сомневаться.

– Расскажи мне подробно, как все происходило.

– В месяц боедромион, когда я находился в Дастеире, до меня донесся призыв о помощи, поэтому я, мобилизовав армию, выступил в Евсевию-Мазаку. Здесь никого не оказалось, царь же был мертв. Младший брат сбежал в страну троглодитов. Я занял город. И тут объявился сирийский претендент на престол со своей армией.

– Как же звали сирийского претендента?

– Селевк, – с готовностью ответил Митридат.

– Что ж, недурное имя для сирийца, претендующего на престол, – заметил Марий.

Однако иронизировать в разговоре с Митридатом было бесполезно. Он не обладал чувством юмора – ни римским, ни греческим – и почти никогда не смеялся. Марий решил, что понтийский владыка куда более чужд ему, римлянину, нежели нумидийский царь Югурта. Возможно, он не так умен, но зато куда более опасен. Югурта тоже убивал своих родственников, однако при этом хотя бы знал, что боги могут призвать его к ответу за злодеяния. Митридат же возомнил богом себя и не мучился угрызениями совести.

«Жаль, что мне так немного известно о нем и о Понте. Рассказы Никомеда здесь не помогут: он воображает, что знает своего врага, но на самом деле это не так», – подумал Марий.

– Значит, ты принял бой и нанес поражение сирийскому претенденту на каппадокийский престол Селевку, – молвил Марий.

– Верно. – Царь фыркнул. – Бедняги! Мы перебили их всех, до последнего человека.

– Это я заметил, – сухо произнес Марий и наклонился вперед. – Скажи мне, царь Митридат, разве в Понте не принято убирать тела убитых с поля боя?

Царь заморгал, услышав в словах Мария осуждение:

– В это время года? Зачем? К лету от них ничего не останется: их смоев вешними водами.

– Понятно. – Выпрямив спину, ибо так принято восседать в кресле в Риме (ведь тогда – это одеяние, которое негоже мять), Марий положил ладони на ручки кресла. – Мне бы хотелось увидеться с царем Ариаратом Восьмым – так, видимо, звучит его титул. Возможно ли это, царь?

– Конечно-конечно! – обнадежил его Митридат, хлопнул в ладоши и приказал явившемуся на зов давешнему старцу: – Пошлите за царем и царевичем Гордием! – Повернувшись к Марию, он произнес: – Я всего десять дней назад разыскал племянника и царевича Гордия у троглодитов – к счастью, живыми и невредимыми.

– Как удачно! – откликнулся Марий.

Вошел Гордий; за руку он вел мальчика лет десяти. Самому Гордию было уже за пятьдесят. И мальчик, и он были одеты по греческой моде; оба почтительно застыли у подножия возвышения, на котором восседали Марий с Митридатом.

– Ну, молодой человек, как поживаешь? – обратился Марий к мальчику.

– Хорошо, благодарю, Гай Марий, – ответил ребенок, настолько похожий ликом на царя Митридата, что его можно было принять за портрет самого Митридата в юные годы.

– Так твой брат мертв?

– Да, Гай Марий. Смертельная болезнь сразила его здесь, во дворце, два месяца назад, – ответил маленький попугай.

– И теперь ты – царь Каппадокии?

– Да, Гай Марий.

– Тебе нравится быть царем?

– Нравится, Гай Марий.

– Тебе достаточно лет, чтобы править?

– Мне помогает дедушка Гордий.

– Дедушка?

Гордый улыбнулся; улыбка получилась не из приятных.

– Для всех я – уже дедушка, Гай Марий, – со вздохом ответил он за мальчика.

– Понятно. Благодарю тебя за аудиенцию, царь Ариарат.

Мальчик и провожатый с изящным поклоном удалились.

– Мой Ариарат – славный мальчуган, – проговорил Митридат тоном нескрываемого удовлетворения.

– Твой Ариарат?

– В метафорическом смысле, Гай Марий.

– Он – вылитый ты с виду.

– Правильно, ведь он – сын моей сестры.

– Мне известно, что в вашем роду приняты родственные браки. – Марий шевельнул бровями, однако этот знак, столь понятный Луцию Корнелию Сулле, ничего не сказал Митридату. – Что ж, выходит, каппадокийские дела улажены, – бодро произнес Марий. – Из этого следует, что ты уведешь свою армию назад, в Понт.

Царь вздрогнул:

– О нет, Гай Марий. Каппадокия пока еще нетвердо стоит на ногах, к тому же этот мальчик – последний в роду. Лучше будет, если я оставлю армию здесь.

– Нет, лучше бы тебе увести ее домой!

– Этого я сделать не могу.

– Можешь!

Царь затрясся так, что зазвенел его панцирь.

– Ты не вправе диктовать мне, что делать, Гай Марий!

– Вправе, – твердо и спокойно парировал Марий. – Нельзя сказать, чтобы для Рима этот уголок мира имел первостепенное значение, однако если ты будешь держать оккупационные войска в странах, которые тебе никоим образом не принадлежат, то могу заверить тебя, царь, что Рим проявит должный интерес и к этим краям. Римские легионеры состоят из римлян, а не из каппадокийских крестьян и сирийских наемников. Уверен, что тебе не хочется встретить здесь римские легионы. Но если ты не уйдешь восвояси, царь Митридат, этой встречи тебе не миновать! Это я тебе гарантирую.

– Ты не можешь этого гарантировать: ты не у дел.

– Я – римский консуляр, поэтому могу говорить так – и говорю.

Митридат разгневался не на шутку; впрочем, Марий не без интереса заметил, что царя обуял не только гнев, но и страх. «Мы способны держать их в кулаке! – мелькнула у него возторженная мысль. – Они – точь-в-точь робкие зверьки, напускающие на себя свирепый вид. Стоит разгадать их игру – и они убегают, поджав хвост и скуля».

– Я нужен здесь вместе с моим войском!

– Не нужен. Ступай домой, царь Митридат!

Царь вскочил на ноги, схватившись за рукоять меча; дюжина стражей, присутствовавших в зале, придвинулась к возвышению, ожидая приказа.

– Я мог бы прямо здесь прикончить тебя, Гай Марий, прямо здесь! Собственно, я так, наверное, и поступлю. Я убью тебя, и никто никогда не узнает, что с тобой стало. Я отправлю твой прах домой в большом золотом сосуде, приложив к нему письмо с соболезнованиями, в котором объясню, что ты умер от внезапной болезни в мазакском дворце.

– Подобно царю Ариарату Седьмому? – Марий говорил, не повышая голоса; он сидел по-прежнему прямо, не ведая страха. – Умерь свой гнев, царь! Сядь и вспомни о благоразумии. Ты отлично знаешь, что не можешь расправиться с Гаем Марием. Осмелся ты на это – и Понт с Каппадокией без лишнего слова заполонят римские легионы. Это произойдет сразу же, дай только срок доплыть кораблям. – Откашлявшись, он продолжал в непринужденном тоне: – Знаешь ли, нам не доводилось вести толковых войн с тех пор, как мы обратили в бегство

три четверти миллиона германских варваров. Вот это был противник так противник! Только не такой богатый, как твой Понт. Трофеи, которые мы наверняка добудем в этой части мира, делают войну с тобой весьма желанной. Так зачем же толкать нас на это, царь Митридат? Ступай домой!

Внезапно Марий остался в одиночестве: царя как ветром сдуло. Вместе с ним исчезла и его охрана. Гай Марий в задумчивости поднялся с кресла и, выйдя из залы, направился в свои покои. Желудок его был полон простой здоровой пищи, какую он больше всего любил, а голова полна интереснейших вопросов. Он ни секунды не сомневался, что Митридат уведет войско на родину. Вопрос в другом: где он видел облаченных в тогу римлян? Тем более – в тогу с пурпурной каймой? Уверенность царя, что его дожидается именно Гай Марий, можно объяснить тем, что его ухитрился предупредить дряхлый старикан, однако Марий в этом сомневался. Нет, царь получил оба присланных ему в Амасию письма и с тех пор старательно избегал встречи. Из этого следовало, что Баттакес, *archigallus* из Пессинунта, – шпион Митридата.

Следующим утром Марий встал ни свет ни заря, торопясь как можно быстрее пуститься в обратный путь в Киликию. Однако Митридата во дворце уже не было: царь Понта, как доложил Марию старец, увел свою армию назад, к себе домой.

– А как насчет малолетнего Ариарата Евсевия Филопатора? Он отбыл вместе с царем Митридатом или остался здесь?

– Он здесь, Гай Марий. Отец провозгласил его царем Каппадокийским, поэтому он волею-неволей остался.

– Отец? – резко переспросил Марий.

– Царь Митридат, – с невинным видом ответил дряхлый старик.

Вот оно что! Значит, мальчишка – никакой не сын Ариарата VI, а сын самого Митридата! Умно. Впрочем, не слишком.

Провожал Мария Гордий, не жалевший улыбок и поклонов; малолетнего царя нигде не было видно.

– Значит, ты будешь регентом, – молвил Марий, прежде чем сесть на нового коня, превосходившего ростом того, что доставил его сюда из Тарса; скакуны гораздо лучше прежних были теперь и у его слуг.

– Да, до тех пор, пока царь Ариарат Евсевий Филопатор не повзрослеет и не сможет править самостоятельно.

– Филопатор... – задумчиво протянул Марий. – Что означает «отцелюбивый». Как ты думаешь, будет он скучать по отцу?

Гордий широко раскрыл глаза:

– Скучать по отцу? Но ведь его несчастный отец умер, когда он был еще младенцем!

– Нет, Ариарат Шестой умер слишком давно, чтобы успеть дать жизнь этому мальчику, – возразил Марий. – Я не так глуп, Гордий. Потрудись сообщить об этом своему хозяину, царю Митридату. Шепни ему, что мне известно, кому приходится сыном новый каппадокийский царь. И что я не спущу глаз с них обоих. – Он поставил ногу в стремя. – Насколько я понимаю, ты действительно приходишься дедом этому мальчику. Я решил оставить пока все как есть по единственной причине: у мальчика хотя бы мать – каппадокийка, то есть твоя дочь.

– Моя дочь – царица Понта, и ее старший сын унаследует трон Митридата. Мне лестно, что этот мальчик будет править у меня на родине. Он – последний в роду, вернее, последней в роду является его мать.

– Ты не принадлежишь к царской династии, Гордий, – презрительно бросил Марий. – Пусть ты каппадокиец, но титул царевича ты себе присвоил. Следовательно, твоя дочь – никакая не последняя представительница рода. Передай мое послание царю Митридату.

– Передам, Гай Марий, – ответил Гордий, не выказывая ни малейших признаков обиды.

Марий уже развернул коня, но в последний момент натянул уздечку и обернулся:

– Да, вот еще что! Прибери на поле боя, Гордий! Если вы, сыны Востока, желаете, чтобы к вам относились с уважением, как к цивилизованным людям, то и ведите себя соответствующим образом! После битвы нельзя оставлять гнить несколько тысяч трупов, пускай даже вражеских, не заслуживших ничего, кроме презрения. Это признак вопиющего варварства. Насколько я понимаю, твой хозяин Митридат и есть варвар. Всего хорошего!

Закончив свое напутствие, Гай Марий ускорил шаг, увлекая за собой спутников.

Не в натуре Гордия было восхищаться отвагой Мария, однако и Митридат не вызывал у него большой любви. Поэтому Гордий не без некоторого злорадства приказал привести ему коня, чтобы догнать царя, прежде чем тот покинет Мазак. Он передаст царю все, что сказал Гай Марий, до последнего слова! Посмотрим, как проглотит эту пилюлю Митридат! Дочь Гордия и впрямь была провозглашена царицей Понта, так что ее сын Фарнак считался теперь наследником понтийского престола. Да, для Гордия настали золотые времена, тем более что он – догадка Мария была справедлива – не принадлежал к древнему царскому роду Каппадокии. Когда малолетний царь, сын Митридата, возмужает и станет царствовать самостоятельно (естественно, при поддержке папаши), Гордий потребует себе храм-царство Ма в Комане, что в каппадокийской долине в междуречье Сара и Пирама. Там, как жрец и царь, он обретет безопасность, покой, благоденствие и безграничную власть.

Митридата он нагнал на следующий день – тот стоял лагерем на берегу реки Галис неподалеку от Мазак. Царь услышал от тестя то, что сказал Гай Марий, однако не слово в слово. Гордий сообщил лишь, что ему было велено убрать трупы с поля битвы, передавать же остальное считал слишком рискованным для себя. Царь страшно разгневался: он ничего не говорил, а только тараторил свои и так слегка навываля глаза, сжимая и разжимая кулаки.

– Ты расчистил поле? – спросил он.

Гордий судорожно сглотнул, не зная, какой ответ хочет услышать царь, и ответил неверно:

– Нет, мой повелитель.

– Тогда что ты здесь делаешь? Немедленно выполняй!

– Но, великий царь, божественный владыка, он при этом назвал тебя варваром!

– С его точки зрения, я действительно варвар, – веско сказал царь. – Более у него не будет повода так меня называть. Если цивилизованного человека отличает стремление тратить силы на подобное занятие, когда в этом нет необходимости, так тому и быть: потратим силы и мы. Отныне люди, мнящие себя цивилизованными, не найдут в моем поведении ничего заслуживающего подобного упрека.

«Куда же ты денешь свой норов? – подумал Гордий, не собираясь делиться с царем этими мыслями. – Гай Марий прав: ты и впрямь варвар, о повелитель!»

Итак, трупы были убраны с поля битвы под Евсевией-Мазак, тела сожгли; над пеплом насыпали высокий курган, который, впрочем, совсем терялся на фоне горы Аргей. Сам же царь Митридат не стал проверять, как исполнено его повеление: отослав армию назад, в Понт, он отправился в Армению. Путешествие было необычным: он захватил с собой почти весь свой двор, включая десяток жен, три десятка наложниц и полдюжины старших детей. Караван растянулся на добрую милю: здесь были и лошади, и повозки, влекомые быками, и носилки, и выючные мулы. Передвигались со скоростью улитки, проделывая за день не более десяти – пятнадцати миль, зато не останавливались на привалы, невзирая на просьбы самых хрупких из женщин отдохнуть денек-другой. Эскортом служила тысяча вооруженных всадников – именно то количество, какому надлежит охранять царское посольство.

Это и было посольство. Новость о том, что в Армении теперь правит новый царь, застала Митридата в самом начале каппадокийской кампании. Ответ его не заставил себя ждать: он послал в Дастеиру за женщинами, детьми, вельможами, дарами, одеждой и прочим скарбом –

всем тем, что нужно для посольства. Каравану потребовалось без малого два месяца, чтобы выйти на берег Галиса вблизи Мазак; произошло это как раз тогда, когда до каппадокийской столицы добрался Гай Марий. Отсутствие царя в день прибытия Мария объяснялось тем, что он наносил визит своему странствующему двору, чтобы удостовериться, все ли его повеления исполнены в точности.

Митридат знал о новом царе Армении лишь то, что тот молод, приходится законным сыном старому царю Артавазду, зовется Тиграном и с раннего детства был заложником парфянского царя. «Правитель одного со мной возраста! – с ликованием думал Митридат. – Правитель могущественного восточного царства, не имеющий никаких обязательств перед Римом и способный присоединиться к Понту, образовав с нами антиримский союз!»

Армения лежала среди высокогорий, примыкающих к Арарату, и простиралась на восток вплоть до Каспийского, или Гирканского, моря; традиционно и географически она была тесно связана с Парфянским царством, властители которого никогда не проявляли интереса к землям, находящимся к западу от реки Евфрат.

Наименее сложный путь лежал вдоль Галиса до его истоков, затем через водораздельный хребет – в небольшое владение Митридата под названием Малая Армения и в верховья Евфрата, далее через еще один хребет к истокам Аракса и вдоль этой реки – к Арташату, городу на Араксе, служившему Армении столицей. Зимой совершить такое путешествие было бы невозможно, настолько высоки были все здешние горы, однако в начале лета оно доставляло немало удовольствия: в долинах цвели разнообразные цветы – голубой цикорий, желтые примулы и лютики, пламенные маки. Здесь не было диких лесов; их заменяли ухоженные лесополосы, защищавшие от ветра и снабжавшие жителей дровами. Лето в горах было настолько коротким, что тополя и березы еще не успели одеться листвой, хотя стояло начало июня.

На пути каравана не встречалось городов, не считая Караны, деревень тоже было совсем не много; даже шатры кочевников почти не попадались на глаза. Из этого следовало, что они поступили благоразумно, захватив с собой необходимое в пути зерно; фруктами и овощами разживались по дороге, мясо же покупали у встречных пастухов. Митридат хорошо платил за снесь, необходимую его спутникам, в результате чего остался в памяти простодушного горного люда справедливым, как бог, и сказочно щедрым.

В квинтилий они вышли к Араксу и продолжили путь вдоль его извилистого русла. Митридат следил за тем, чтобы местным жителям с лихвой воздавалось за все причиняемые караваном неудобства, хотя для переговоров приходилось прибегать к языку жестов, ибо знающие азы греческого жители остались далеко позади, за Евфратом. Царь выслал вперед отряд, который должен был сообщить в Арташате о его приближении; на подходе к городу с его лица не сходила улыбка, ибо он знал, что это длительное и изнурительное путешествие предпринято далеко не напрасно.

Армянский царь Тигран сам выехал встречать царя Митридата Понтийского за городские стены, окруженный стражами в свисающих до земли кольчугах, с длинными копьями, со щитами на спинах. Митридат любовался их крупными конями, тоже одетыми в кольчуги. Замечательное зрелище являл собой и повелитель армян, защищенный от солнца зонтиком. Стоя, он правил шестью парами белых волов, запряженных в золотую колесницу на маленьких колесиках. На царе была великолепная мантия, расшитая драгоценной нитью, сияющая, как огонь, и плащ с короткими рукавами. Голову его венчала высоченная тиара, охваченная белой лентой диадемы.

Митридат, закованный в золотые доспехи, в своей неизменной львиной шкуре, в греческих сапожках и с усыпанным драгоценными камнями мечом на сверкающей перевязи, соскочил со своего высокого гнедого коня и зашагал к Тиграну с вытянутой для приветствия рукой. Тигран сошел с колесницы и протянул гостю обе руки. Руки царей встретились, черные глаза заглянули в зеленые. Так началась дружба, в основании которой лежала не одна только взаим-

ная приязнь: цари сразу увидели друг в друге союзников. Они вместе зашагали по пыльной дороге к городу.

Тигран оказался светлокож, но темноволос и темноглаз; длинные волосы и борода были тщательно завиты и переплетены золотыми нитями. Митридат полагал увидеть эллинизированного монарха; в Тигране же скорее чувствовалось влияние Парфии – отсюда прическа, борода, длинные одежды. К счастью, при этом он блестяще владел греческим языком, в чем преуспели лишь двое-трое из его ближайших вельмож. Остальные придворные, подобно простонародью, пользовались мидийским диалектом.

– Даже в таких сугубо парфянских городах, как Экбатана и Сузы, владение греческим является неотъемлемой частью подлинной образованности, – пояснил царь Тигран, когда он и гость уселись в два царских кресла рядом с золотым армянским тронном. – Я не стану оскорблять тебя, усаживаясь выше, чем ты.

– Я пришел заключить с Арменией договор о дружбе и союзе, – провозгласил Митридат.

Беседа велась очень обходительно, что было не в обычаях столь чванливых и властных монархов: это свидетельствовало о том, что оба считали согласие насущной необходимостью. При этом Митридат, конечно, превосходил Тиграна могуществом, ибо он никому не подчинялся и правил куда более обширными и богатыми землями.

– Мой отец во многом напоминал парфянского царя, – рассказывал Тигран. – Своих сыновей он убивал одного за другим; я уцелел потому, что был в восьмилетнем возрасте отослан к царю Парфии как заложник. Поэтому, когда мой отец заболел, единственным оставшимся в живых сыном оказался я. Армянский посланник вел переговоры с парфянским царем Митридатом о моем освобождении. Однако назначенная им цена была непомерно высока: семьдесят армянских долин, все, что лежат вдоль границы между Арменией и Мидией-Атропатеной. Иными словами, моя страна лишилась своих самых плодородных земель. К тому же там протекают золотоносные реки, в которых находят еще и прекрасный лазурит, бирюзу и черный оникс. Поэтому я поклялся, что Армения вернет себе эти семьдесят долин, а я найду для столицы более подходящее место, чем эта холодная дыра Арташат.

– Не Ганнибал ли помог спланировать Арташат? – спросил Митридат.

– Таково предание, – коротко отозвался Тигран и вновь вернулся к своим имперским мечтам. – Я намерен расширить пределы Армении до Египта к югу и до Киликии к западу. Я хочу получить доступ к Средиземному морю, хочу выйти на торговые пути, хочу иметь более теплые земли, чтобы растить хлеба, хочу, чтобы все граждане моего царства заговорили по-гречески. – Он умолк и облизал губы. – Как ко всему этому относишься ты, Митридат?

– Благосклонно, Тигран, – с готовностью ответил царь Понта. – Я бы гарантировал тебе содействие и военную поддержку, если и ты поддержишь меня, когда я двинусь на запад, чтобы отобрать у римлян их провинции в Малой Азии. Забирай Сирию, Коммагену, Осроену, Софену, Гордиену, Палестину и Набатею. Я же беру всю Анатолию, и Киликию в том числе.

Тигран ни минуты не колебался.

– Когда? – порывисто спросил он.

Митридат с улыбкой выпрямился в кресле.

– Тогда, когда римляне будут слишком заняты и не станут обращать на нас внимания, – молвил он. – Мы с тобой молоды, Тигран, а значит, можем позволить себе подождать. Я знаю Рим. Рано или поздно он втянется в какую-нибудь войну на Западе или в Африке. Вот тогда мы и выступим.

Ради скрепления союза Митридат показал Тиграну свою младшую дочь от умерщвленной царицы Лаодики, пятнадцатилетнюю девочку по имени Клеопатра, и предложил ему взять ее в жены. У Армении как раз не было царицы, поэтому предложение оказалось как нельзя кстати. Клеопатра станет армянской царицей – какое знаменательное событие, ведь это означает, что внук Митридата унаследует армянский престол! Но стоило светлоголовой, золото-

глазой девочке увидеть своего нареченного, как она зарыдала, испугавшись его чужеземной наружности. Тогда Тигран решился на уступку, достойную удивления, ибо он был воспитан при восточном дворе, где мужчина не мыслился без бороды (своей и искусственной) и локонов (своих и искусственных): он сбрил бороду и остриг свои длинные кудри. Невеста обнаружила, что царь – вполне миловидный молодой человек, вложила свою руку в его и улыбнулась. Слепленный белокожей невестой, Тигран решил, что ему невероятно повезло; видимо, то был последний случай в его жизни, когда ему довелось почувствовать нечто близкое к умилению.

Гай Марий был несказанно рад, найдя жену с сыном и их малочисленную охрану из Тарса живыми и невредимыми, более того – вполне довольными пастушеской жизнью. Марий-младший успел освоить кое-какие словечки чудного языка, на котором изъяснялись кочевники, и научился азам овцеводства.

– Гляди, *tata!* – воскликнул он, притащив отца туда, где паслась его скромная отара, обещавшая одарить пастуха прекрасной шерстью. Подобрал камешек, мальчик метко бросил его, угодив барану-вожаку в бок; вся отара немедленно перестала щипать траву и покорно улеглась. – Видишь? Они знают, что так им приказывают лечь. Разве не умные создания?

– Действительно, – согласился Марий, любовно рассматривая своего сына: тот стал сильным, красивым и смуглым. – Ты готов отправиться в путь, сын мой?

Большие серые глаза мальчика наполнились тревогой.

– В путь?

– Нам необходимо без промедления возвратиться в Тарс.

Марий-младший заморгал, чтобы скрыть навернувшиеся на глаза слезы, еще раз окинул полным обожания взглядом свою отару и глубоко вздохнул:

– Готов, *tata*.

В самом начале пути Юлия пристроилась на своем ослике к рослому каппадокийскому коню, на котором трусил ее супруг.

– Скажи, что тебя так встревожило? – спросила она. – И почему ты столь спешно выслал вперед Морсима?

– В Каппадокии произошел переворот, – объяснил Марий. – Царь Митридат усадил на тамошний трон собственного сына, приставив к нему регентом своего тестя. Каппадокийский паренек, который был прежде царем, убит – и я подозреваю, что это дело рук Митридата. Однако ни я, ни Рим, как ни прискорбно, ничего не можем с этим поделать.

– Ты видел настоящего царя, прежде чем он погиб?

– Нет. Зато я видел Митридата.

Юлия поежилась и заглянула мужу в лицо:

– Значит, он был в Мазаке? Как же тебе удалось сбежать?

Марий был немало удивлен:

– Сбежать? У меня не было необходимости спасаться бегством, Юлия. Пускай Митридат вершит судьбами всей восточной части Понта Эвксинского, однако он никогда не посмеет поднять руку на Гая Мария!

- Тогда почему мы так торопимся? – саркастически осведомилась Юлия.
- Чтобы он даже и помечтать об этом не мог, – ответил ее супруг, улыбнувшись.
- А Морсим?

– Тут причина совсем прозаическая, душенька. В Тарсе сейчас стоит несносная жара, поэтому я поручил ему нанять для нас корабль. Мы не станем задерживаться в Тарсе, а сразу отправимся в плавание. На море и отдохнем. Мы посвятим все лето неспешному изучению киликийского и памфилийского побережья, а также сойдем на берег и поднимемся в горы, чтобы полюбоваться Ольбой. Я знаю, что лишил тебя удовольствия посетить Селевкидову Трахею, но теперь, на обратном пути, у нас есть время, и мы все наверстаем. Поскольку твой род восходит к Энею, тебе следовало бы поприветствовать потомков Тевкра. Еще говорят, что в Таврских горах, над Атталией, лежат чудесные озера. Мы съездим и туда. Тебя устраивает такой план?

- О да!

Намеченная программа была выполнена полностью, поэтому Гай Марий с семейством добрался до Галикарнаса только в январе, сперва исследовав побережье, славившееся своими красотами и безлюдьем. Им на пути не попалось ни одного пирата, даже у Коракесии, где Марий не отказал себе в удовольствии забраться на утес, на котором возвышалась древняя пиратская цитадель, чтобы наконец решить задачу ее гипотетического штурма.

В Галикарнасе Юлия и Марий-младший почувствовали себя как дома: едва ступив на берег, они отправились любоваться городскими красотами. Марий же засел за чтение двух писем: одно пришло из Ближней Испании, от Луция Корнелия Суллы, другое написал из Рима Публий Рутилий Руф.

Войдя в кабинет, Юлия застала Мариа сумрачным и хмурым.

- Дурные вести? – догадалась она.

Насупленность мигом уступила место подобию беззаботной улыбки, после чего Марий попытался изобразить отрешенное спокойствие:

- Я бы не назвал эти вести дурными.
- Но есть ли вести по-настоящему добрые?
- Есть. Скажем, те, что сообщает Луций Корнелий: наш подопечный Квинт Серторий завоевал венец из трав.

Юлия радостно вскрикнула:

- О, Гай Марий, как это чудесно!
- Всего-то в двадцать восемь лет! Настоящий Марий!
- Как он его завоевал? – потребовала подробностей Юлия.
- Спас армию от уничтожения – как же еще?
- Оставь свои шутки, Гай Марий. Ты знаешь, что я имею в виду.
- Прошлой зимой он со своим легионом отбыл в Кастуло, чтобы нести службу с легионом Публия Лициния Красса в Дальней Испании. Войска Красса взбунтовались, вследствие чего кельтиберы прорвали оборону города. Тут-то наш молодец и покрыл себя славой! Он отстоял город, спас оба легиона и тем завоевал венец из трав.

– Обязательно сама напишу ему и поздравлю. Интересно, знает ли о его достижениях мать? Как ты считаешь, он с ней поделится новостью?

- Вряд ли, он слишком застенчив. Лучше сама напиши Рие об этом.
- Обязательно! О чем еще пишет Луций Корнелий?
- Почти ни о чем, – вздохнул Марий. – Он не больно-то доволен службой. Но это обычное дело. Он воздаст Квинту Серторию должную хвалу, но, подозреваю, наш Сулла с большей радостью надел бы венец из трав на собственную голову. Тит Дидий не позволяет ему командовать на поле битвы.

- Бедный Луций Корнелий! Отчего же?
- Он слишком его ценит, – лаконично ответил Марий. – Луций Корнелий – стратег.
- Сообщает ли он что-нибудь о германке, жене Квинта Сертория?
- Да. Она и ребенок живут в большой кельтиберской крепости под названием Оска.
- А как насчет его собственной жены-германки и их близнецов?
- Кто знает? – Марий пожал плечами. – Он никогда не упоминает о них.

Наступило молчание; Юлия в задумчивости смотрела в окно. Потом она произнесла:

– Жаль. Как-то противоестественно, правда? Я знаю, что они – не римляне, поэтому он не может привезти их в Рим. Но все же он должен питать к ним хоть какие-то чувства!

Марий предпочел не отвечать. Вместо этого он сказал:

– Зато письмо Публия Рутилия пространно и насыщено новостями.

Уловка удалась.

– Оно годится для моих ушей? – с живостью спросила Юлия.

Марий прищелкнул языком:

– Еще как! Особенно заключительная часть.

– Так читай же, Гай Марий, читай!

Шлю тебе приветствие из Рима, Гай Марий! Пишу это письмо под Новый год. Сам Квинт Граний из Путеол обещал мне, что письмо достигнет тебя весьма скоро. Надеюсь, что оно застанет тебя в Галикарнасе, если же нет, то все равно ты его рано или поздно получишь.

Тебе доставит радость известие о том, что Квинт Муций избежал судебного преследования, чем обязан своему красноречию в сенате, а также речам в его поддержку, произнесенным его двоюродным братом Крассом Оратором и самим принцепсом сената Скавром, который поддержал все действия Квинта Муция и мои в провинции Азия. Как мы и ожидали, справиться с казначейством оказалось куда труднее, чем с публиканами; римский деловой человек всегда действует, исходя из коммерческой целесообразности, когда видит возможность получать прибыль, как и в случае с теми мерами, что были приняты нами в провинции Азия. Вой подняли главным образом коллекционеры, особенно тот самый Секст. Статуя Александра, которую он прихватил в Пергаме, странным образом исчезла из его перистилля – потому, возможно, что принцепс сената Скавр использовал его вороватость как главный довод в своих обращениях к собранию. Во всяком случае, казначейство в итоге пошло на попятный, и цензоры скрепя сердце отозвали азиатские контракты. Отныне налогообложение провинции Азия будет ориентировано на цифры, выведенные Квинтом Муцием и мной. При этом у тебя не должно сложиться впечатление, будто все нас простили – и публиканы в том числе. Провинцию, где все отлажено, трудно эксплуатировать, а среди сборщиков налогов немало таких, которые не прочь бы еще подоить Азию. Сенат согласился направить для управления провинцией видных деятелей, что поможет удерживать публиканов на поводке.

У нас новые консулы: не кто иные, как Луций Лициний Красс Оратор и мой дорогой Квинт Муций Сцевола. Городской претор – Луций Юлий Цезарь, сменивший выдающегося «нового человека» Марка Геренния. Никогда еще не видел столь любезной избирателям личности, как Марк Геренний, хотя не могу понять, чем он берет. Единственное, что от него требуется, – это показаться им на глаза, и они тут же начинают кричать, что хотят за него голосовать. Это очень не нравилось тому работяге, который старался

для тебя, когда был народным трибуном, – я имею в виду Луция Марция Филиппа. Когда в прошлом году состоялся подсчет голосов на выборах претора, Геренний оказался в самом верху, а Филипп – внизу (среди шести, разумеется). О, сколько было воплей и стонов! В этом году набор далеко не столь интересен. Прошлогодний претор по делам иноземцев, Гай Флакк, привлек к себе внимание тем, что пожаловал римское гражданство жрице Цереры из Велли, некой Каллифане. Рим просто умирает от любопытства. Что же послужило тому причиной, можно только догадываться!

Наши цензоры Антоний Оратор и Луций Флакк, покончив с распределением контрактов (их задача усложнялась деятельностью двух субъектов в провинции Азия, которые очень замедлили работу!), взялись за проверку сенаторов и не нашли, в чем их упрекнуть. Затем они набросились на всадников – итог оказался тем же. Теперь они приближаются к полной переписи римлян повсюду в мире, заявляя, что от них не укроется ни одна живая душа.

Взвалив на себя столь непосильное бремя, они установили в Риме на Марсовом поле свою будку. Это что касается Рима. Для Италии они собрали прекрасно организованную армию писцов, чья задача заключается в том, чтобы не обойти вниманием ни одного города на полуострове и всех переписать. Я одобряю эту затею, хотя меня не все поддерживают. Некоторые утверждают, что старый способ (когда граждане из сельской местности регистрировались у дуумвиров своей округи, а граждане из провинций – у наместников) был тоже неплох. Однако Антоний и Флакк настаивают, что их предложение обладает рядом преимуществ. Насколько я понимаю, граждане провинций все равно никуда не денутся от своих наместников. Ретрограды, естественно, предрекают, что результаты ничем не будут отличаться от прежних.

Теперь новости провинциальной жизни; пускай ты и находишься в тех краях, все равно кое о чем ты мог не услышать. Сирийский царь Антиох VIII, по прозвищу Грип, что значит «горбоносый», пал от руки родственника – или дяди, или братца? – в общем, Антиоха IX, прозванного Кизикеном. И вот жена Грипа, Клеопатра Селена Египетская, поспешно выходит замуж за убийцу, Кизикена! Интересно, много ли она рыдала в промежутке, когда еще была вдовой, а потом невестой? Впрочем, из этого известия следует, по крайней мере, что теперь Северная Сирия находится под властью одного царя.

Больше интереса вызвала в Риме новость о смерти одного из Птолемеев – Птолемея Апиона, незаконнорожденного сына ужасного старца Птолемея Египетского, прозванного Пузатым. Он только что умер в Кирене. Если ты помнишь, он был царем Киренаики. Однако он не оставил наследника и завещал свое царство Риму! Эта мода пошла от старшины Аттала Пергамского. Хороший способ оказаться в конечном счете владыками всего мира, а, Гай Марий? Заиметь все по завещанию.

Очень надеюсь, что в этом году ты наконец-то возвратишься домой. Без тебя в Риме невыносимо скучно, без Свина стало вообще не на кого пожаловаться. Между прочим, прошел весьма любопытный слухок: мол, Свин скончался в результате отравления! Пустил слух не кто иной, как модный лекарь с Палатина Аполлотор Сицилиец. Его призвали тогда к прихворнувшему Свину. Смерть пациента так его смутила, что он стал требовать вскрытия. Свиненок отказался, его дорогой папочка был предан

огню в неприкосновенности, а прах погребен в пышной могиле; все это происходило много лун тому назад. Однако наши малорослый сицилийский грек кое-что покумекал и теперь настаивает на версии, будто Свин выпил какой-то мерзкой настойки из толченых персиковых косточек! Свинонок не без оснований заявляет, что ни у кого не могло быть мотива для убийства его дражайшего папашки, и угрожает, что потащит Аполлодора в суд, если тот не перестанет болтать на каждом перекрестке, будто Свин отравлен. Никто – даже я! – не предполагает, что сам Свинонок мог прикончить своего отца; но тогда кто, спрашивается?

Еще кое-что на закуску, и я оставляю тебя в покое. Семейные сплетни, обошедшие весь Рим. Муж моей племянницы, явившись наконец-то из-за моря и обнаружив, что его новорожденный сын рыжеволос, развелся с ней, обвинив в супружеской неверности!

Подробнее об этом при нашей встрече в Риме. Я принесу жертву Ларам Пермаринским, моля их о твоём благополучном возвращении.

Отбросив письмо, словно оно жгло ему пальцы, Марий взглянул на жену.

– Ну как тебе новости? – спросил он. – Твой братец Гай развелся с Аврелией из-за измены! По всей видимости, у нее был дружок, причем рыжий! О-го-го! Догадайся с трех раз, кто отец?

Юлия сидела разинув рот и не находя, что сказать. Лицо и шея у нее залились яркой краской, губы сделались почти незаметными. Она затрясла головой и произнесла после короткого молчания:

– Это неправда! Это не может быть правдой! Не верю!

– Что делать, если об этом рассказывает ее родной дядя. Вот, взгляни! – Он сунул ей под нос окончание письма Рутилия Руфа.

Она выхватила у него свиток и стала читать сама, медленно складывая буквы в слова; голос ее звучал глухо и неестественно. Лишь прочитав поразительные строки несколько раз, она отложила письмо.

– Речь идет не об Аврелии, – твердо заявила она. – Никогда не поверю, что он пишет об Аврелии.

– О ком же еще? Ярко-рыжие волосы, Юлия! Это отличительная черта Луция Корнелия Суллы, а не Гая Юлия Цезаря!

– У Публия Рутилия Руфа есть другие племянницы, – упиралась Юлия.

– Знакомые накоротке с Луцием Корнелием? Ведущие самостоятельную жизнь в самых мерзких трущобах Рима?

– Откуда мы знаем? Все возможно.

– А обитатели Писидии верят в летающих свиней, – съязвил Марий.

– Какое отношение к этой истории имеет проживание в мерзких трущобах? – осведомилась Юлия.

– А такое: там интрижку гораздо легче скрыть, – сказал Марий, вконец развеселившись. – До той поры, естественно, пока в семейное гнездышко не будет подброшен рыжеволосый кукушонок!

– Ты еще злорадствуешь! – с отвращением выкрикнула Юлия. – А я не верю, и все тут! И не поверю. – Тут ее посетила новая мысль. – Кроме всего прочего, это не может быть мой брат Гай. Ему пока не пришел срок возвращаться, а если бы он вернулся, ты первым об этом услышал бы. Ведь он работает там по твоему поручению. – Она угрожающе взглянула на Мария. – Ну, что ты на это скажешь?

– Что его письмо вполне может дожидаться меня в Риме.

– Но ведь я сообщила ему, что мы уезжаем на целых три года? Указав – пускай приблизительно, – где мы будем находиться? Брось, Гай Марий! Лучше согласись, что речь идет не об Аврелии.

– Я соглашусь со всем, чего ты от меня потребуешь, – ответил Марий со смехом. – Но все равно, Юлия, это – Аврелия.

– Я еду домой, – заявила Юлия, порывисто вставая.

– А мне казалось, что ты хочешь повидать Египет...

– Нет, только домой! – повторила Юлия. – Мне все равно, куда отправишься ты, Гай Марий, хотя я бы предпочла, чтобы ты избрал землю Гипербореев. Я, во всяком случае, отправляюсь домой.

Часть вторая

LIVIA DRUSA

– Я сам поеду в Смирну, чтобы вернуть состояние, – сказал Квинт Сервилий Цепион своему шурину Марку Ливию Друзу, когда они возвращались домой с Римского форума.

Друз остановился, одна его тонкая бровь взлетела вверх.

– О! Ты думаешь, что это благоразумно? – спросил он и тотчас спохватился, готовый прикусить свой несдержанный язык.

– В каком смысле – «благоразумно»? – обиженно осведомился Цепион.

Друз поспешил дружески взять Цепиона за правую руку:

– Я имел в виду только то, что сказал, Квинт. Я не верю, что сокровища в Смирне – это золото Толозы, якобы украденное твоим отцом. Однако факт остается фактом: весь Рим убежден в виновности твоего отца, а также в том, что твои смирнские сокровища – это и есть золото Толозы. В былые времена, попытавшись вернуть его, ты столкнулся бы лишь с завистью и недоброжелательством, способными повредить твоей дальнейшей карьере. Однако сегодня действует *lex Servilia Glaucia de repetundis*, – вот о чем тебе не следует забывать! Прошли времена, когда наместник мог присвоить чужие деньги, не опасаясь за судьбу своего состояния, поскольку оно записано на чужое имя. Закон Главции оговаривает, что деньги, полученные незаконным путем, подлежат изъятию также и у нового владельца, а не только у виновного в злоупотреблении. Луций Тиддлипсус теперь тебе не подмога.

– Закон Главции не имеет обратной силы, – процедил сквозь зубы Цепион.

– С этой загвоздкой легко справится любой народный трибун, который будет иметь на тебя зуб. Ничего не стоит созвать народное собрание, чтобы устранить эту лазейку, – и закон обретет обратную силу, да еще какую! – твердо проговорил Друз. – Тебе стоило бы, братец, хорошенько об этом поразмыслить. Мне очень не хотелось бы, чтобы моя сестра и ее дети оказались лишены и *paterfamilias*, и состояния, а ты провел бы долгие годы в изгнании в Смирне.

– И почему они прицепились к моему отцу? – сердито засопел Цепион. – Взгляни на Метелла Нумидийского! Вернулся, покрытый славой, тогда как мой бедный отец умер в бессрочной ссылке.

– Мы оба знаем, почему так произошло, – терпеливо ответил Друз, наверное в тысячный раз пожелав, чтобы Цепион был посообразительнее. – Люди, управляющие на плебейских собраниях, способны простить знатному лицу все, что угодно, особенно по прошествии времени. Беда в том, что золото Толозы было уникальным кладом. И исчезло оно именно тогда, когда за ним надзирал твой отец. А ведь золота там было больше, чем когда-либо хранилось в римской казне! Решив, что его прибрал к рукам Квинт Цепион-старший, люди воспылали к нему ненавистью, не имеющей ни малейшего отношения ни к праву, ни к справедливости, ни к патриотизму. – Он снова зашагал вперед; Цепион последовал за ним. – Подумай хорошенько, прошу тебя, Квинт! Если ты вернешься с суммой, составляющей процентов десять от стоимости золота Толозы, то весь Рим вззоет: значит, твой отец действительно его присвоил, а ты – наследник.

– А вот и нет! – засмеялся Цепион. – Я все тщательно продумал, Марк. У меня ушли годы на решение этой задачи, и я решил ее, это уж точно!

– Каким же образом? – скептически осведомился Друз.

– Прежде всего никто, кроме тебя, не будет знать, куда я подевался и чем занимаюсь. Риму – а также Ливии Друзе и Сервилии – будет известно одно: я в Италийской Галлии за Падом, где хочу приобрести кое-какую собственность. Я уже много месяцев твержу, что собираюсь это сделать; никто не удивится и не станет меня выслеживать. С какой стати волноваться, раз я столько разглагольствовал о своих планах основать поселения кузнецов, где будут изготавливать любые изделия, от плугов до кольчуг? Поскольку речь идет о недвижимости, никто не попрекнет меня за то, что я занимаюсь деятельностью, несовместимой с сенаторской должностью. Управляющих я найму – с меня достаточно быть владельцем!

Речь Цепиона была такой пылкой, что Друз (который многое пропустил мимо ушей, потому что почти не слушал шурина) уставился на него в изумлении.

– Ты это серьезно? – молвил он.

– Еще как! Кузни и плавильни – только один из проектов, на которые я хочу пустить свое наследство. Причем капиталовложения я собираюсь делать на подвластных Риму территориях, а не в самом городе, чтобы мои деньги не привлекали внимания римских казначеев. Не думаю, что казначейство проявит достаточную расторопность, чтобы выяснять, во что и как я вкладываю средства вдали от Рима, – сказал Цепион.

Друз удивлялся все больше и больше:

– Квинт Сервий, я попросту сражен! Я и подумать не мог, что ты настолько изворотлив!

– Я надеялся произвести на тебя впечатление, – ответил Цепион, но тут же все испортил, добавив: – Должен признаться, что незадолго до смерти отец прислал мне письмо с наставлениями, как следует поступить. В Смирне меня ждет огромное богатство.

– Могу себе представить, – сухо произнес Друз.

– Но это – не золото Толозы! – вскричал Цепион. – Это состояние отца и приданое матери. Отец был достаточно предусмотрителен и успел перевезти деньги прежде, чем его осудили, несмотря на козни этого самонадеянного *cinnus* Норбана, который пытался ему помешать, бросив отца в тюрьму сразу после суда – еще до того, как его отправили в ссылку. Часть денег постепенно вернулась в Рим, однако не так много, чтобы вызвать лишнее любопытство. Вот почему я, как тебе известно, по сей день живу весьма скромно.

– Да уж, кому, как не мне, знать об этом! – откликнулся Друз. Он давал приют шурина со всем его семейством с тех самых пор, как был оглашен приговор Цепиону-старшему. – Кое-что меня, правда, озадачивает. Почему бы тебе не оставить состояние в Смирне?

– Нельзя, – поспешно ответил Цепион. – Отец предупреждал, что оно не будет в безопасности ни в Смирне, ни в любом другом городе провинции Азия, где есть банковские учреждения. По его словам, нам не годится ни Кос, ни даже Родос. Из-за сборщиков налогов там все питают к Риму лютую ненависть. Отец считал, что рано или поздно против нас восстанет вся провинция.

– Пусть восстает, мы быстро овладеем ею снова, – отмахнулся Друз.

– Знаю, знаю! Но неужели ты думаешь, что во время восстания все золото, серебро, монеты и сокровища, хранящиеся в провинции Азия, останутся в неприкосновенности? Отец полагал, что восставшие первым делом обчистят банкирские конторы и храмы.

– Видимо, он был прав, – кивнул Друз. – Понятно, почему ты собираешься переместить капитал. Но почему непременно в Италийскую Галлию?

– Не весь, только часть. Другая часть пойдет в Кампанию, еще кое-что – в Умбрию и Этрурию. Есть еще такие местечки, как Массилия, Утика и Гадес... Я дойду до западной оконечности Срединного моря!

– Почему ты не признаешься, Квинт, хотя бы мне, приходящемуся тебе дважды шурином? – устало спросил Друз. – Твоя сестра – моя жена, моя сестра – твоя жена. Мы так тесно связаны, что никогда не сможем разорвать родственных уз. Сознайся хотя бы мне, что речь идет о золоте Толозы!

– Нет, не о нем! – упрямо ответил Квинт Сервилий Цепион.

«Непробиваем, – подумал Марк Ливий Друз, пропуская родственника в перистиль своего дома, чудеснейшего особняка во всем Риме. – Непробиваем, как скала. Гляди-ка, сидит себе на пятнадцати тысячах талантов золота, перевезенных его папашей из Испании в Смирну восемь лет назад. Папаша поднял крик, что золото украдено по пути из Толозы в Нарбон. Караван охраняли лучшие римские воины, но все они погибли. Впрочем, какое ему до этого дело? И было ли дело до погибших его отцу, наверняка организовавшему бойню? Какое там! Все, о чем они пекутся, – это их драгоценное золото. Ведь они – Сервилии Цепионы, римские Мидасы, которых можно вывести из состояния умственной спячки только одним способом – прошептав слово „золото“!»

Стоял январь года консульства Гнея Корнелия Лентула и Публия Лициния Красса; деревья в саду Ливия Друза еще не оделись листвой, однако в чудесном фонтане, окруженном статуями – творениями греческого скульптора Мирона, журчала подаваемая по трубам подогретая вода. Полотна Апеллеса, Тиманта и других греческих мастеров были убраны со стен колоннады в запасник после того, как две дочери Цепиона попытались вымазать их краской, украденной у художников, подновлявших фрески в атриум. Обеих примерно выпороли, однако Друз счел за благо убрать с глаз долой источник соблазна. Свежую мазню удалось соскрести, но кто поручится, не повторит ли попытку его сынишка, когда вступит в более злокозненный возраст? Бесценные коллекции произведений искусства лучше держать подальше от детей. Конечно, Сервилия и Сервилла (домашние звали ее просто Лилла) ничего подобного больше не повторят, однако ими юное население дома наверняка не ограничится.

Его собственный род наконец-то получил продолжение, хотя и не так, как он надеялся; оказалось, что у них с Сервилией, скорее всего, не будет детей. Поэтому два года назад они усыновили младшего сына Тиберия Клавдия Нерона, вконец обедневшего, как все Клавдии, и осчастливленного возможностью увидеть своего новорожденного сына наследником богатств Ливиев Друзов. Усыновлять было принято старшего мальчика в семье, чтобы приемные родители не сомневались в его умственных способностях, крепком здоровье и хорошем характере. Однако Сервилия, страстно мечтавшая о ребенке, не хотела больше медлить с усыновлением. Марк Ливий Друз, беззаветно любивший жену – хотя, беря ее в жены, он не питал к ней никаких чувств, – уступил. Чтобы победить свои дурные предчувствия, он принес обильное подношение Матер Матуте, надеясь, что ее благосклонность обеспечит младенцу умственное и физическое здоровье.

Женщины сидели в гостиной Сервилии, примыкающей к детской; заслышав шаги мужчин, они вышли поприветствовать их. Не состоя в кровном родстве, тем не менее они были похожи как сестры: обе невысоки ростом, темноволосы и темноглазы, с мелкими, правильными чертами. Ливия Друза, жена Цепиона, была более миловидной, к тому же ей не передалась наследственная черта – толстые ноги и неуклюжая фигура. Ее большие глаза были широко расставлены, а ротик напоминал очертанием цветок. Нос ее был слишком мал, чтобы заслужить наивысшую оценку знатоков женской красоты, зато не был излишне прям, что тоже считалось изъяном, а казался чуть вздернутым. Кожа ее была здоровой, талия – тонкой, грудь и бедра – пышными. Сервилия, жена Друза, казалась ее уменьшенной копией; правда, на подбородке и вокруг носа у нее имелись прыщики, ноги были коротковаты, шея – тоже.

При этом Марк Ливий Друз в своей супруге души не чаял, а Квинт Сервилий Цепион не любил свою красавицу-жену. Восемь лет назад, когда образовались оба супружеских союза, дело обстояло наоборот. Мужьям было невдомек, что разгадка заключается в их женах: Ливия Друза ненавидела Цепиона и вышла за него по принуждению, тогда как Сервилия была влюблена в Друза с самого детства. Будучи представительницами римских патрицианских семей, обе женщины стали образцовыми женами: послушными, услужливыми, ровными и неизменно почтительными. С годами супруги разобрались друг в друге, и бывшее безразличие Марка Ливия

Друза было побеждено заботливым вниманием жены, ее пылкостью в любви и общим горем бездетности. Тем временем невысказанное обожание Квинта Сервилия Цепиона задохнулось, не выжив в атмосфере затаенной неприязни жены, ее растущей холодности в постели и огорчения из-за того, что оба их ребенка оказались девочками, а появления на свет мальчика пока не предвиделось.

Обязательным домашним ритуалом был визит в детскую. Друз обожал пухлощекого смуглого мальчугана, именуемого Друзом Нероном, которому вот-вот должно было исполниться два года. Цепион же едва заметно кивнул своим дочерям, те в страхе прижались к стене и встретили отца молчанием. Обе были миниатюрными копиями матери – столь же темноволосые, большеглазые и большеротые, – очаровательными, как все невинные дети, однако папаша не проявил к ним никакого интереса. Сервилию (ей на днях должно было исполниться семь лет) многому научила порка, которой завершилась ее попытка усовершенствовать лошадь и гроздь винограда на картине Апеллеса. Раньше на нее никогда не поднимали руку, поэтому она испытала не столько боль, сколько унижение и научилась скорее изворотливости, нежели послушанию. Лилла была совсем другой: шаловливой, неунывающей, волевой и прямодушной. Порка была ею немедленно забыта, но не осталась без последствий: теперь отец вызывал у нее должное уважение.

Все четверо взрослых направились в триклиний, чтобы приступить к трапезе.

– Разве к нам не присоединится Квинт Поппедий? – спросил Друз у своего слуги Кра-типпа.

– Он не предупреждал о том, что у него изменились планы, *domine*.

– В таком случае давайте подождем его, – предложил Друз, не обращая внимания на неприязненный взгляд, брошенный на него Цепионом.

Цепион, однако, не желал так это оставить.

– Чем тебя пленил этот страшный человек, Марк Ливий? – спросил он.

Друз окинул шурина ледяным взглядом.

– Некоторые люди задают мне тот же вопрос, имея в виду тебя, Квинт Сервилий, – произнес он ровным голосом.

Ливия Друза ахнула и подавила нервный смешок; однако, как Друз и предполагал, намек остался незамеченным Цепионом.

– И все-таки чем он тебе дорог?

– Тем, что он мне друг.

– Скорее он – присосавшаяся к тебе пиявка! – фыркнул Цепион. – Действительно, Марк Ливий, он ведь наживает за твой счет! Вечно заявляется без предупреждения, вечно просит об услугах, вечно жалуется на нас, римлян. Кем он себя возомнил?

– Италиком из племени марсов, – раздался жизнерадостный голос. – Прости за опоздание, Марк Ливий, надо было тебе начать трапезу без меня, ведь я предупреждал. Впрочем, у меня есть уважительнейшая причина: я стоял по стойке смирно, выслушивая нескончаемую лекцию Катула Цезаря о вероломстве италиков.

Силон присел на ложе Друза и позволил рабу снять с него обувь и, омыв ему ноги, натянуть на них носки. Потом он легко переместился на почетное место слева от Друза, именуемое *locus consularis* – «консульским»; Цепион расположился на ложе, стоявшем под прямым углом к ложу Друза, что было менее почетным, но объяснялось просто: он был не гостем, а членом семьи.

– Снова ворчишь на меня, Квинт Сервилий? – беззаботно осведомился Силон, приподнимая тонкую бровь и подмигивая Друзу.

Друз усмехнулся, глядя на Квинта Поппедия с куда большей симпатией, чем на Цепиона.

– Мой шурина вечно чем-нибудь недоволен, Квинт Поппедий. Не обращай на него внимания.

– Я и не обращаю, – сказал Силон, приветливо кивая обеим женщинам, сидящим на стульях напротив возлежащих мужчин.

Друз и Силон встретились после поражения под Аравсионом, когда землю покрыли тела восьмидесяти тысяч римлян и их союзников – главным образом по вине отца Цепиона. Дружба эта, зародившаяся при незабываемых обстоятельствах, с годами лишь окрепла; связывала их и озабоченность судьбой италийских союзников, в защиту которых оба выступали. Силон с Друзом являли собой странную пару, однако ни причитания Цепиона, ни пересуды уважаемых сенаторов этого союза разрушить не могли.

Италик Силон больше походил на римлянина, а римлянин Друз – на италика. У Силона были правильной формы нос, светлая кожа и волосы, горделивая осанка; высокого и прекрасно сложенного, его несколько портили лишь желтовато-зеленые глаза, похожие на змеиные и почти не моргающие. Впрочем, для выходца из племени марсов это было неудивительно, так как марсы поклонялись змеям и с детства приучали себя не моргать. Отец Силона был у марсов вождем; его сменил сын, которому на этом поприще отнюдь не помешала молодость. Состоятельный и великолепно образованный Силон имел все основания ожидать от римлян уважения, но те если не прерывали его на полуслове, то все равно взирали сверху вниз и относились снисходительно: ведь Квинт Поппедий не был римлянином и даже не пользовался латинским правом; Квинт Поппедий Силон был италиком, то есть существом низшего ранга.

Он родился на плодородном нагорье в центре Апеннинского полуострова, достаточно близко от Рима – там, где разлилось Фуцинское озеро, подъем и убывание вод которого подчинялся каким-то неведомым законам, не имевшим отношения к питающим его рекам и дождям; естественной преградой для врагов марсов были Апеннинские горы. Из всех италийских племен марсы были самым процветающим и многочисленным народом. Кроме того, на протяжении веков они оставались преданными союзниками Рима; марсы гордились и похвалялись тем, что ни один римский полководец, когда-либо праздновавший триумф, не обошелся без марсов и не побеждал самих марсов. И все же даже по прошествии веков марсы, подобно остальным италийским народам, не считались достойными римского гражданства. Соответственно, они не могли претендовать на государственные контракты, не имели права вступать в браки с гражданами Рима и искать защиты у римской юстиции при обвинении в тяжком преступлении. Римлянин мог запороть марса едва ли не до смерти, лишить воровским путем урожая, имущества, жены, не опасаясь преследования по закону.

Если бы Рим оставил марсов в покое хотя бы в их собственном богатом крае, все эти несправедливости можно было бы простить. Однако и тут, как повсюду на полуострове, на землях, не принадлежавших Риму, сидела, как заноза, латинская колония под названием Альба-Фуценция. Естественно, поселение Альба-Фуценция превратилось сначала в городок, а потом и в крупнейший город в округе, ибо ядро его составляли полноправные римские граждане, имеющие возможность свободно вступать в деловые отношения с Римом; остальное его население пользовалось латинским правом, так сказать, римским гражданством второго сорта: на него распространялись все привилегии, отличающие полноправное гражданство, за исключением одной-единственной, так и не дарованной обладателям *ius Latii*, – права голоса на римских выборах. Зато местные городские магистраты автоматически получали римское гражданство, переходившее к их прямым потомкам. Альба-Фуценция выросла в ущерб древней столице марсов, Маррувию, и являла собой постоянное напоминание о различии между римлянами и италиками.

В былые времена, когда у власти в Риме стояли такие смелые и проницательные государственные мужи, как Аппий Клавдий Цек, вся Италия могла претендовать на дарование латинского права, а затем и полного римского гражданства, поскольку Рим сознавал необходимость перемен и преимущества превращения всей Италии в единое государство. Но после того, как

некоторые италийские племена присоединились к Ганнибалу – это произошло в те бурные годы, когда пуниец со своей армией свободно передвигался по Апеннинскому полуострову, – позиция Рима стала более непреклонной, и предоставлению римского гражданства был положен конец.

Одна из причин такой перемены заключалась в растущей миграции италиков в римские и латинские поселения, а также в сам Рим. Проживание там сулило получение латинского права и даже полного римского гражданства. К примеру, пелигны жаловались, что лишились четырех тысяч соплеменников, переселившихся в латинский город Фрегеллы, и использовали это как предлог, чтобы не поставлять Риму солдат.

Время от времени Рим пытался что-то предпринять, чтобы покончить с проблемой массовой миграции; результатом этих усилий стал закон народного трибуна Марка Юния Пенна, принятый за год до восстания во Фрегеллах. Все люди, не являвшиеся гражданами Рима, были по этому закону выселены из города и его колоний; вызванный этим скандал потряс римский нобилитет до самого основания. Выяснилось, что избранный за четыре года до этого консулом Марк Перперна был на самом деле италиком, никогда не имевшим римского гражданства!

Реакция римских властей последовала незамедлительно. Одним из главных противников предоставления прав италикам был отец Друза, цензор Марк Ливий Друз, всячески препятствовавший Гаю Гракху и противодействовавший принятию его законов.

Никто не мог предвидеть, что сын цензора, принявший на себя роль *paterfamilias* в ранней молодости ввиду смерти отца, не успевшего отбыть своего цензорского срока, отвергнет заветы цензора Друза. Имея безупречное происхождение, будучи членом коллегии понтификов, обладая несметным богатством, связанный кровными и семейными узами с патрицианскими родами Сервилиев Цепионов, Корнелиев Сципионов и Эмилиев Лепидов, Марк Ливий Друз-младший должен был стать одним из столпов ультраконсервативной фракции, преобладавшей в сенате и, следовательно, вершившей судьбы Рима. То, что все произошло как раз наоборот, объяснялось чистой случайностью: в качестве военного трибуна Друз участвовал в битве при Аравсионе, где консуляр-патриций Квинт Сервилий Цепион отказался действовать заодно с «новым человеком» Гаем Маллием Максимом, в результате чего легионы Рима и его италийских союзников понесли поражение от германцев в Заальпийской Галлии.

После возвращения Друза из Заальпийской Галлии в его жизни появились два новых обстоятельства: дружба с марсийским аристократом Квинтом Пoppедием Сином и более реалистичный взгляд на людей одного с ним класса и происхождения, особенно на папашу Цепиона. Те не проявили ни капли уважения к воинам, сложившим головы под Аравсионом, будь то благородные римляне, союзники-италики или римские *capite censi* – неимущие граждане.

Это не означало, впрочем, что Марк Ливий Друз-младший тотчас сделался убежденным реформатором, ибо он всегда оставался представителем своего класса. Однако он – подобно другим своим предшественникам из рядов римской аристократии – приобрел опыт, который научил его *думать*. Говорят, что судьба братьев Гракхов решилась тогда, когда старший, Тиберий Семпроний Гракх, выходец из римского нобилитета, совершил в юные годы путешествие по Этрурии и убедился, что общественные земли Рима находятся в безраздельном распоряжении немногочисленных римских богачей, которые выгоняют на поля полчища закованных в цепи рабов, а на ночь запирают их в гнусные бараки, называемые эргастулы. Тогда-то Тиберий Гракх и задался вопросом: а где же мелкие римские землевладельцы, которым как будто надлежит зарабатывать здесь на жизнь и растить для армии сыновей? Тиберий Гракх всерьез задумался над этим; он был наделен острым чувством справедливости и огромной любовью к Риму.

После битвы при Аравсионе минуло семь лет. За это время Друз успел стать сенатором, послужить квестором в провинции Азия; поступившись собственным комфортом, взять – после постигшего папашу Цепиона позора – к себе в дом шурина с семейством; сделаться жрецом государственной религии; умножить свое состояние; стать свидетелем прискорбных событий, приведших к убийству Сатурнина и его соратников, и выступить на стороне сената против Сатурнина, который пытался провозгласить себя царем Рима. За эти семь лет Друз множество раз принимал у себя в гостях Квинта Поппедия Силона, слушал его речи – и продолжал размышлять. Его сокровенным желанием было решить проклятый италийский вопрос чисто римским, сугубо мирным путем, удовлетворив обе стороны. Именно этому он и отдавал всю энергию, не предавая свои намерения гласности до тех пор, пока не будет найдено идеальное решение.

Марс Силон оставался единственным, кому было ведомо направление мыслей Друза. Будучи весьма проницательным и осторожным человеком, Силон не совершил ошибки и не стал давить на друга, а также высказывать свою точку зрения, которая существенно отличалась от взглядов Друза. Шесть тысяч легионеров, которыми командовал Силон под Аравсионом, погибли все, до последнего обозника, и все они были марсами, а не римлянами. Марсы дали этим людям жизнь, вооружили их, оплачивали их содержание. Человеческие ресурсы, средства, время – а Рим не выказал ни малейшей признательности и не подумал ничего возместить.

Друз грезил о распространении римского гражданства на всю Италию, мечтой же Силона было отделение от Рима полностью независимой, объединенной италийской нации. Когда же такая Италия возникнет – а именно на это Силон и уповал, – сплотившиеся италийские народы пойдут на Рим войной, одержат победу и вберут Рим вместе с римлянами и всеми римскими владениями в лоно нового государства.

Силон был не одинок и прекрасно знал это. За истекшие семь лет он объездил всю Италию и даже Италийскую Галлию, повсюду вынюхивая, есть ли у него единомышленники, и повсюду обнаруживая, что их великое множество. Все они были вождями, но двух различных типов: одни, подобные Марию Эгнацию, Гаю Папию Мутилу, Понтию Телезину, происходили из родовой аристократии, другие – Марк Лампоний, Публий Веттий Скотон, Гай Видацилий, Тит Лафрений – больше походили на римских «новых людей», только набравших политический вес. В италийских гостиных и кабинетах велись серьезные разговоры, и то обстоятельство, что здесь звучал только латинский язык, вовсе не значило, что Риму прощены его преступления.

Идея объединенной италийской нации, возможно, была не нова, однако никогда прежде она не обсуждалась столькими знатными италиками как нечто осуществимое. В прошлом все надежды возлагались на получение римского гражданства, на то, чтобы сделаться частью Рима, который раскинулся бы на всю Италию. В союзе с италиками первенство прежде, безусловно, принадлежало Риму, так что италики мыслили исключительно римскими категориями. Они мечтали перенять римские установления, мечтали, чтобы их кровь, их богатство, их земли навечно стали неотъемлемой частью Рима.

Некоторые из участников этих бесед проклинали Аравсион, однако нашлись и такие, кто видел причину бед в том, что колонии, обладающие латинскими правами, зазнались и не оказывают италикам должной поддержки. Латинян справедливо осуждали за их растущее самонадеянность и желание подчеркнуть приниженное положение другой части населения полуострова.

Аравсион стал, конечно же, кульминацией долгих десятилетий бесславной гибели воинов, из-за которой на полуострове все больше ощущалась нехватка мужчин; это приводило к запустению и продаже собственности в счет долгов, к тому, что становилось все меньше детей и людей достаточно молодых, чтобы усердно трудиться. Впрочем, гибель солдат столь же пагубно сказывалась и на римлянах с латинянами, так что их нельзя было огульно обвинять во всех грехах. Самую лютую ненависть вызывали римские землевладельцы – богачи, прожи-

вавшие в Риме и имевшие обширные угодья, называемые латифундиями, где использовался исключительно рабский труд. Слишком часто римские граждане бессовестно измывались над италиками: подвергали неугодных телесным наказаниям, забирали себе чужих женщин, конфисковывали чужие земли для расширения своих владений.

Что именно побудило большинство обсуждающих сей насущный вопрос отказаться от надежды на полноценное гражданство в пользу идеи создания независимого итальянского государства, было не вполне ясно даже Силону. Его убежденность в том, что отделение от Рима является единственным верным путем, родилась после Аравсиона, однако никто из его собеседников под Аравсионом не был. Возможно, размышлял он, растущее желание порвать с Римом проистекает из усталости и укоренившегося ощущения, что дни, когда Рим раздавал свое бесценное гражданство, остались в прошлом и что впредь ничего уже не изменится. Оскорбления и обиды все копились, и в конце концов римский гнет стал казаться италикам совершенно невыносимым.

Единомышленника, страстно приверженного идее отделения, Силон нашел в вожде самнитов Гае Папии Мутиле. Сам Силон ненависти к римлянам и Риму не питал, а лишь стремился положить конец невзгодам своего народа; зато Гай Папий Мутил принадлежал к племени, которое было самым непримиримым врагом Рима еще с той незапамятной поры, когда на соляном пути, идущем вдоль Тибра, возникло это, тогда еще крохотное поселение и впервые начало показывать зубы. Мутил ненавидел Рим всеми фибрами души. Ненависть эта присутствовала во всех его помыслах. То был истинный самнит, обуреваемый мечтой навечно изъять из истории всякое упоминание о римлянах. Силон был противником Рима, Мутил – его яростным врагом.

Подобно всем единомышленникам, которым общая цель помогает преодолеть все возражения и препятствия практического свойства, собравшиеся италики, сперва просто желавшие найти какой-то выход, быстро пришли к общему мнению – от Рима необходимо отложиться. Однако все они слишком хорошо знали Рим, чтобы воображать, будто их новая Италия может родиться на свет без войны; по этой причине никто не помышлял об объявлении независимости, полагая это делом не одного года. Вместо этого вожди итальянских союзников сосредоточились на подготовке к войне. Такая война требовала огромного напряжения, гигантских денежных вложений и войска, численностью namного превосходившего то, которое можно было собрать вскоре после Аравсиона. Поэтому дата объявления войны не назначалась и даже не упоминалась. Пока подрастают итальянские мальчики, вся без остатка энергия и наличность должны были пойти на оружие и доспехи, чтобы можно было надеяться на успешный исход в предстоящей войне с Римом.

Подготовка шла медленно. Почти все потери италики несли за пределами Италии, и их оружие и доспехи так и не возвращались домой – потому главным образом, что Рим сам собирал оружие на поле брани и, разумеется, забывал вешать на него этикетки «имущество союзников». Кое-какое оружие можно было приобрести законным путем, однако этого было совершенно недостаточно, чтобы экипировать сотню тысяч бойцов, которые, по мнению Силона и Мутила, потребуются новой Италии для победы над Римом. Вооружаться надлежало тайно и без торопливости. На достижение поставленной цели могли уйти годы подготовки.

В довершение трудностей все это происходило под самым носом у людей, которые, узнав они, что именно зреет, немедленно побежали бы к римлянам с доносом. Колониям, живущим по законам латинского права, доверять можно было ничуть не больше, чем настоящим римлянам. В связи с этим основная деятельность разворачивалась в бедных, заброшенных углах, вдали от римских и латинских колоний; там же пряталось оружие. Итальянских предводителей повсюду подстерегали трудности и опасности. И все же оружие понемногу накапливалось; со временем началась и подготовка солдат из подрастающих итальянских юношей.

Все эти тайные знания нисколько не тяготили Квинта Поппедия Силона, который без труда включился в легкую застольную беседу, не чувствуя ни тревоги, ни вины. Кто знает? Возможно, в конце концов именно Марк Ливий Друз сумеет найти решение, мирное и действенное. Случались вещи и подиковиннее!

– Квинт Сервий покидает нас на несколько месяцев, – молвил Друз, обращаясь сразу ко всем; то была удачная возможность сменить тему.

«Не радость ли блеснула в глазах Ливии Друзы?» – полюбопытствовал Силон. Он считал ее привлекательной особой, но еще не решил, к какой категории женщин ее отнести. По душе ли Ливии ее жизнь, любит ли она Цепиона, нравится ли ей жить в доме брата? Чутье подсказывало ему отрицательный ответ на все эти вопросы, однако уверенности у него не было. Потом Ливия Друза вылетела у него из головы, поскольку Цепион заговорил о своих намерениях.

– ...Патавий, особенно Аквилея. Железо из Норика – я попытаюсь приобрести в Норике железные концессии – пойдет в плавильни Патавия и Аквилеи. Главное, что эти области на востоке Италийской Галлии богаты смешанными лесами – идеальными для получения угля. Агенты докладывают, что тамошние березы и вязы так и просятся под топор.

– Но плавильни должны располагаться там, где есть руда, – с интересом присоединился к разговору Силон. – Поэтому Пиза и Популоний и стали городами, где выплавляют железо. Ведь руда доставляется туда напрямую с Ильвы, не так ли?

– Заблуждение, – убежденно произнес Цепион. – Наоборот, Пизу и Популоний сталелитейными центрами делают хорошие леса. То же верно и в отношении востока Италийской Галлии. Производство древесного угля – это целая промышленность, а в плавильном деле его потребляется в десять раз больше, чем самого железа. Поэтому мой проект по развитию восточной части Италийской Галлии состоит в создании не только плавильного, но и угольного производства и соответствующих поселений. Я куплю землю, на которой можно строить жилища и мастерские, а потом уговорю кузнецов и угольщиков переселиться туда. Работать гораздо легче, когда вокруг трудятся коллеги.

– Но не слишком ли сильна будет конкуренция между мастерскими, не убьет ли она все дело? Легко ли им будет находить сбыт? – спросил Силон, скрывая растущее возбуждение.

– Не вижу, здесь проблем, – ответил Цепион, серьезно подготовившийся к поездке и поднааторевший в этом деле. – Предположим, *praefectus fabrum*, вооружающий армию, ищет десять тысяч кольчуг, десять тысяч шлемов, десять тысяч мечей и кинжалов, десять тысяч копий. Уж наверное он отправится туда, где можно, выйдя из двери одной кузницы, тут же зайти в другую, а не рыскать по задворкам в поисках одной-единственной на весь город. Владельцу плавильни, у которого трудятся, скажем, десять свободных подмастерьев и десять рабов, тоже будет проще сбывать свои изделия: ему не придется кричать о себе на весь город.

– Ты прав, Квинт Сервий, – задумчиво произнес Друз. – Современной армии и впрямь требуется то, другое и третье в количестве десяти тысяч штук, причем неотложно. В былые времена, когда армия состояла из имущих людей, все было проще. На семнадцатилетие *tata* дарил сыну кольчугу, шлем, меч, кинжал, щит и шпоры; мать – калиги, чехол для щита, вещевой мешок, перо из конского волоса и сагум; сестры вязали для него теплые носки и ткали шесть-семь туник. Все это имущество оставалось при нем всю его боевую жизнь, а в большинстве случаев по окончании службы он передавал его по наследству сыну или внуку. Однако с той поры, как Марий стал набирать в наши армии нищее отребье, девять из десяти новобранцев не имеют денег даже на платок, которым повязывают шею, чтобы не поцарапаться о кольчугу; матери, отцы и сестры и подавно не в состоянии собрать своих воинов должным образом. Внезапно оказалось, что наши воины не имеют ничего потребного для войны, как мирные жители в былые времена. Спрос превысил предложение – однако надо же где-то добывать все необходимое! Не можем же мы отправлять наших легионеров в бой голыми и безоружными!

– Вот и ответ на один давно занимавший меня вопрос, – сказал Силон. – Я все недоумевал, почему столько отставников осаждают меня с просьбами о займе для постройки кузницы! Ты совершенно прав, Квинт Сервилий. Успеет вырасти целое поколение, прежде чем твои кузнечные центры смогут заняться не оружием, а чем-то иным. К примеру, я, как вождь своего племени, в замешательстве чешу в затылке, пытаюсь придумать, где бы раздобыть оружия и доспехов для легионов, которые Рим неминуемо потребует у нас в ближайшем будущем. То же относится и к самнитам, и ко всем остальным италийским народам.

– Добавь еще Испанию, – подсказал Цепион, довольно жмурясь: он наслаждался всеобщим вниманием, что было ему внове. – Старые карфагенские шахты вблизи Ороспеды давно исчерпали запасы древесины, зато новые шахты закладывают в покрытых лесами краях.

– Сколько пройдет времени, прежде чем ты наладишь производство? – спросил Силон как бы между прочим.

– В Италийской Галлии – года два. Разумеется, – поспешил Цепион с оговоркой, – сам я не буду заниматься ни производством, ни сбытом. Чтобы не вызывать на себя гнев цензоров. Лично я намерен построить поселения, а потом собирать ренту – вполне достойное дело для сенатора.

– Весьма похвально, – иронически отозвался Силон. – Надеюсь, твои поселения будут стоять на берегах полноводных рек, а не только вблизи лесов.

– Только на судоходных реках, – пообещал Цепион.

– Галлы – умелые кузнецы, – сказал Друз.

– Однако недостаточно организованные, чтобы благоденствовать, как могли бы. – Сказав это, Цепион самодовольно ухмыльнулся; подобное выражение появлялось на его физиономии все чаще. – Под моим руководством дело у них пойдет на лад.

– Коммерция – твое призвание, Квинт Сервилий, теперь я это ясно вижу, – польстил ему Силон. – Тебе бы надо бросить сенат и стать всадником. Вот тогда ты мог бы сам контролировать производство стали и угля.

– Чтобы иметь дело с простонародьем? – в ужасе вскричал Цепион. – Нет уж, пускай этим занимаются другие.

– Но рентную плату ты станешь взимать лично? – лукаво спросил Силон, не отрывая глаз от пола.

– Нет, разумеется! – взревел Цепион, заглатывая наживку. – Я собираюсь открыть в Плаценции небольшую контору, которая как раз этим и займется. Твоей двоюродной сестре Аврелии, Марк Ливий, прощают то, что она самостоятельно взимает со своих жильцов квартирную плату, однако я нахожу, что это дурной тон.

Когда-то одного упоминания об Аврелии хватило бы, чтобы у Друза отчаянно забилося сердце, ибо он был среди самых настойчивых претендентов на ее руку. Однако теперь, по-настоящему полюбив жену, он нашел в себе силы улыбнуться шурина и небрежно бросить в ответ:

– К Аврелии бессмысленно подходить с общими мерками. Она сама знает себе цену. Что до ее тона, то я нахожу его безупречным.

Все время разговора женщины сидели молча, не порываясь вставить даже словечко, – не потому, что им нечего было сказать, а скорее по той причине, что их участие в застольной беседе не приветствовалось. Впрочем, они привыкли сидеть безмолвно.

После трапезы Ливия Друза извинилась, сославшись на неотложные дела, и оставила Сервилию сидеть в детской с маленьким Друзом Нероном. Было очень темно и холодно, поэтому Ливия велела слуге принести плед; завернувшись в него, она прошла через атрий и устроилась в лоджии, где никому не придет в голову искать ее и где она могла насладиться хотя бы часом одиночества, которого ей сейчас так недоставало.

Значит, уезжает! Наконец-то! Даже став квестором, он избрал себе должность, не требовавшую отъезда из Рима; за все три года, что его отец прожил в Смирне в изгнании, пока не умер, Цепион ни разу не отправился туда навестить родителя. Если не считать короткого перерыва в первый год их брака, когда он, будучи военным трибуном, принял участие в битве при Аравсионе, из которой вышел живым и невредимым (что вызвало кое у кого подозрения), Квинт Сервилий Цепион ни разу не оставлял жену одну.

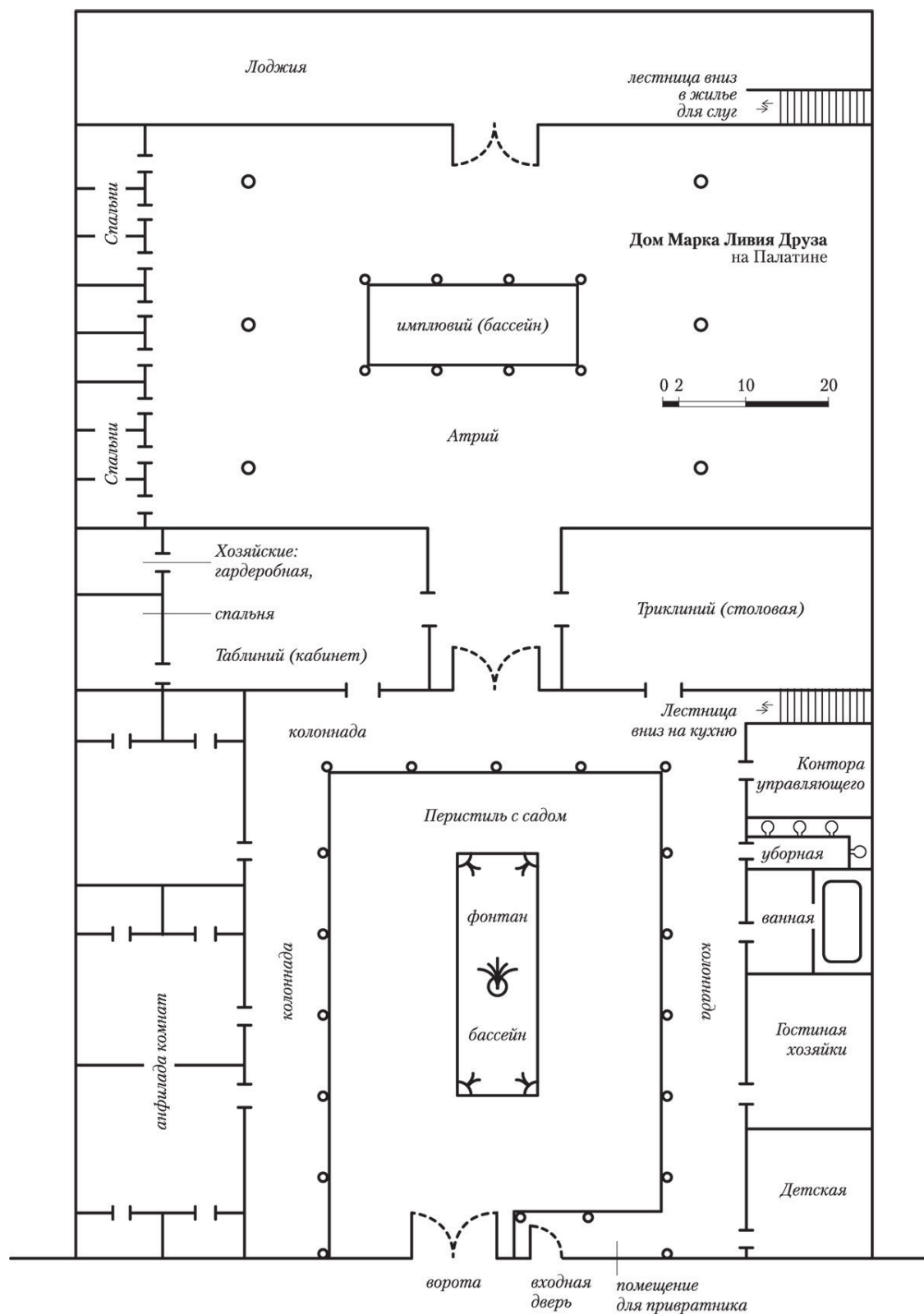
Что за мысли обуревали мужа, Ливия Друза не знала и не хотела знать; главное, что это были мысли, связанные с отъездом. По всей видимости, его финансовое благополучие наконец оказалось под угрозой, поэтому он просто вынужден что-то предпринять, чтобы улучшить его. Впрочем, за прошедшие годы Ливия Друза неоднократно задавала себе вопрос, так ли в действительности беден ее супруг, как следует из его жалоб. Она недоумевала, как ее брат мирится с их присутствием. Ведь теперь он не только перестал быть хозяином в собственном доме, но и был вынужден снять с видного места свою гордость – бесценную коллекцию живописи! Какой ужас это нагнало бы на их отца! Он-то возвел этот огромный дом только для того, чтобы получше развесить свои картины! «О Марк Ливий, зачем ты заставил меня выйти за него?»

Восемь лет супружества и двое детей не примирили Ливию Друзу с ее участием. Правда, худшим временем были первые годы, когда ей казалось, что она проваливается в бездну; потом, достигнув самого дна, она свыклась со своим несчастьем. В ее голове по-прежнему звучали слова брата, произнесенные, когда ему наконец удалось сломить ее сопротивление:

«Я надеюсь, что ты будешь вести себя с Квинтом Сервилием как молодая женщина, которая рада замужеству. Ты покажешь ему, что ты довольна, и будешь оказывать ему уважение и почтение, проявлять интерес и участие. Никогда – даже наедине в спальне, когда вы поженились, – ты не намекнешь ему, что он не такой муж, какого ты выбрала бы сама».

Друз подвел ее тогда к священному месту в стене атрия, где поклонялись семейным богам – хранительнице очага Весте, богам кладовой пенатам, семейным ларам, – и вынудил дать страшную клятву, что она исполнит его волю. Ненависть, которой Ливия Друза тогда воспылала к брату, давно прошла. Она повзрослела и открыла в Друзе качества, ранее ей неведомые.

Друз, которого она знала в детстве и отрочестве, был жестким, отчужденным, совершенно к ней равнодушным – о, как она его боялась! Лишь после краха и изгнания свекра она поняла, каким был ее брат на самом деле. А возможно, думала она (а думать она умела, как все Ливии Друзы), Друза изменила битва при Аравсионе, а также родившееся в его душе чувство к жене. Он смягчился, стал куда отзывчивее, хотя никогда не заговаривал о том, как заставил сестру выйти за Цепиона, и не освобождал ее от страшной клятвы. Более всего ее восхищала в нем преданность ей, сестре, и шурина Цепиону: ни по его речам, ни по виду нельзя было сказать, что он тяготится их присутствием у себя в доме. Именно поэтому такой неожиданностью стал для нее выпад брата против Цепиона, когда тот пренебрежительно отозвался о Квинте Поппедии Силоне.

Как красноречив был нынче Цепион! Оказалось, что на интересующую его тему он способен рассуждать здраво и эмоционально; как выяснилось, он может быть деловым человеком. Вероятно, Силов прав: Цепион по природе – всадник, прирожденный коммерсант. Планы его

выглядели заманчиво. Их прибыльность не вызвала сомнений. О, как чудесно было бы зажить в собственном доме! Ливия Друза уже давно только об этом и мечтала.

С лестницы, связывающей лоджию с тесными помещениями для слуг в нижней части дома, раздался громкий смех. Ливия Друза вздрогнула, съежилась и втянула голову в плечи на тот случай, если слуги пробегут через лоджию, направляясь к атрию. И действительно, в дверях появилась кучка слуг. Они хохотали и болтали по-гречески, да так бойко, что Ливия Друза не смогла понять, в чем смысл шутки. Надо же, сколько счастья! Откуда оно? Что такое есть у них, чего лишена она? Ответ прост: свобода, римское гражданство, право самостоятельно строить жизнь. Они получают за свой труд плату, в отличие от нее; у них много друзей – не то что у нее; они могут заводить интрижки, не опасаясь осуждения, – всего этого она была лишена. Ответ был не вполне верен, однако Ливия Друза об этом не догадывалась; с ее точки зрения, дело обстояло именно так.

Слуги не заметили ее, и Ливия Друза удовлетворенно вздохнула. Уже отмеченная щербинкой луна взошла достаточно высоко, чтобы осветить город Рим. Ливия выпрямилась на мраморной скамье, оперлась руками о балюстраду и окинула взглядом Римский форум. Дом Друза на Палатине находился как раз на углу спуска Виктории, поэтому отсюда открывался великолепный вид на Форум. Прежде город просматривался и далеко влево, где долго пустовала земля Флакков, однако теперь Квинт Лутаций Катул Цезарь возвел там огромный портик, чьи колонны заслоняли вид на Велабр. В остальном же все оставалось по-прежнему. Чуть ниже дома Друза высилось жилище великого понтифика Гнея Домиция Агенобарба с великолепными лоджиями.

Ночной Рим был свободен от дневной суеты, его сочные краски сейчас померкли, канули в тень. Город, однако, не спал: повсюду в темных проулках потрескивали факелы, громыхали по мостовой повозки, мычали вола – владельцы римских лавок по ночам пополняли запасы товаров. Кучка подвыпивших мужчин брела по открытому пространству Нижнего форума, распевая песенку – естественно, о любви. Внушительная группа рабов с великой осторожностью тащила на плечах носилки с тщательно задернутыми занавесками, направляясь от базилики Семпрония к храму Кастора и Поллукса: по-видимому, какая-то знатная дама возвращалась домой после затянувшегося пребывания в гостях. Где-то пронзительно мяукнул влюбленный кот, ему ответила лаем дюжина собак; шум развеселил пьяных, один из которых потерял от воодушевления равновесие и шлепнулся наземь; падение было встречено шуточками его приятелей.

Ливия Друза вновь перевела взгляд на лоджии, опоясывающие дом Домиция Агенобарба. И в этом взгляде сквозила неизбывная тоска. Очень давно – теперь ей казалось, что это случилось и вовсе в незапамятные времена, по крайней мере еще до замужества, – из нее сделали затворницу, лишив даже компании подруг ее возраста, и ей осталось заполнять опустевшую жизнь книгами и мечтать о любви. В те дни она сживала здесь же, грелась на солнце и, глядя на балкон соседнего дома, дожидалась, когда на нем появится высокий рыжеволосый юноша, к которому ее влекло так сильно, что она насочиняла про него кучу небылиц, одна причудливее другой; ей грезилось, что он – царь Итаки Одиссей, а она – верная царица Пенелопа, ждущая его возвращения. За долгие годы ей удалось взглянуть на него всего несколько раз – он был редким гостем в доме Агенобарба, однако и этого оказалось достаточно, чтобы поддерживать в ее душе любовное пламя, которое не потухло и после замужества, сделав ее существование еще более невыносимым. Она не знала, кто он такой, – во всяком случае, не один из Домициев Агенобарбов, ибо представители той семейки все как один были низкорослыми. Каждая патрицианская семья отличалась присущими ей характерными чертами, поэтому Ливия не сомневалась, что перед ней не Агенобарб.

Не могла забыть она и того дня, когда рассеялись ее иллюзии. Это произошло как раз тогда, когда ее свекор был обвинен народным собранием в измене; управляющий в доме ее

брата Кратипп увел ее вместе с маленькой Сервилией на другую сторону Палатина, подальше от дома Сервилия Цепиона.

Какой это был ужасный день! Именно тогда, глядя на Сервилию и Друза, Ливия впервые поняла, что жена может быть соратницей мужа. Ей открылось, что женщин порой приглашают к участию в семейных обсуждениях. Первый раз в жизни она попробовала неразбавленное вино. А чуть погодя, когда улеглось волнение, Сервилия назвала рыжеволосого Одиссея из дома у подножия холма по имени: Марк Порций Катон Салониан. Не царь, даже не патриций, а просто внук крестьянина из Тосканы и правнук раба-кельтибера...

– Вот ты где! – неожиданно раздался голос Цепиона. – Что ты делаешь тут, на таком холоде? Иди в дом!

Ливия Друза встала и послушно направилась в ненавистную постель.

В конце февраля Квинт Сервилий Цепион наконец-то отбыл, сказав Ливии Друзе, что возвратится не раньше чем через год, а то и позже. Сперва это удивило ее, но потом он разъяснил, что столь долгое отсутствие совершенно необходимо, так как, вложив все деньги в проект в Италийской Галлии, он просто вынужден будет лично надзирать за ходом его реализации. Перед этим он замучил жену повышенным сексуальным вниманием, говоря, что мечтает о сыне, а если она забеременеет, то ей не придется скучать во время его отсутствия. В первые годы замужества близость с мужем была для нее настоящей пыткой, однако с тех пор, как она узнала имя ее обожаемого рыжеволосого Одиссея, любовные упражнения Цепиона превратились для нее просто в утомительное неудобство, которое хотя бы не вызывало жгучего отвращения. Ничего не сказав мужу о том, чем собирается заняться в его отсутствие, Ливия Друза простилась с ним; лишь выждав неделю, она вызвала брата на серьезный разговор.

– Марк Ливий, я хочу попросить тебя о большой услуге, – начала она, усевшись в кресло для клиентов. Ей было странно сидеть в нем, и она усмехнулась. – О боги! Знаешь ли ты, что я не сидела на этом месте с тех пор, как ты убедил меня выйти замуж за Квинта Сервилия?

Оливковое лицо Друза потемнело. Он опустил глаза и уставился на свои пальцы.

– Это было восемь лет назад, – молвил он без всякого выражения.

– Да, именно так, – подтвердила она и снова усмехнулась. – Однако я сижу здесь не для того, чтобы обсуждать события восьмилетней давности, брат мой. Я прошу тебя об услуге.

– Если оказать ее тебе в моих силах, Ливия Друза, я буду только польщен, – ответил он, благодарный ей за то, что она не собирается упрекать его за старые грехи.

Он великое множество раз порывался просить у нее прощения за допущенную им страшную ошибку. Он ясно видел, что она непоправимо несчастна, и вынужден был сознаться самому себе, что она-то сразу распознала несносный характер Цепиона. Однако гордыня сковывала ему язык; кроме того, его не оставляла мысль, что, выйдя за Цепиона, она, по крайней мере, не пошла по стопам своей матери. Та была ужасной женщиной, много лет отравлявшей ему жизнь, поскольку ее неудачные любовные интрижки стали притчей во языцех.

– Итак? – поторопил Друз сестру, видя, что она медлит.

Ливия нахмурилась и, облизав губы, подняла на брата свои прекрасные глаза.

– Марк Ливий, – заговорила она, – я давно уже чувствую, что мы с мужем злоупотребляем твоим гостеприимством.

– Ты ошибаешься, – поспешно ответил он. – Если я невольно дал тебе повод так думать, то прими мои извинения. Поверь мне, сестра, ты всегда была – и будешь – дорогой гостьей в моем доме.

– Благодарю. Однако то, что я сказала, – непреложный факт. Вы с Сервилией никогда не жили вдвоем, чем, возможно, и объясняется то обстоятельство, что она не может зачать.

– Очень сомневаюсь, – смущенно отозвался Друз.

– А я в этом уверена. – Ливия наклонилась вперед, решив говорить начистоту. – Сейчас спокойные времена, Марк Ливий. На тебе не лежит бремя государственных обязанностей, а маленький Друз Нерон живет у тебя достаточно долго, а значит, есть надежда, что у вас появится и собственный ребенок. Так говорят старухи, и я верю им.

Выслушивать все это было для него тягостно.

– Пожалуйста, переходи к сути! – взмолился Друз.

– Суть в том, что на время отсутствия Квинта Сервилия я хотела бы перебраться с детьми за город. У тебя вблизи Тускула есть вилла, всего в половине дня пути отсюда. Там никто не живет уже много лет. Пожалуйста, Марк Ливий, отдай ее пока мне! Позволь пожить самостоятельно!

Он пристально вглядывался в ее лицо, пытаясь найти признаки того, что она замыслила нечто неблагоприятное, однако так ничего и не обнаружил.

– Ты советовалась с Квинтом Сервилием?

Не отводя от него пристального взгляда, Ливия Друза твердо ответила:

– Конечно.

– Но он мне об этом ничего не говорил.

– Странно! – Она улыбнулась. – Но вполне в его духе.

Ее ответ вызвал у него смех.

– Что ж, сестра, не вижу, почему я должен возражать, раз Квинт Сервилиий дал свое согласие. Ты права, Тускул находится совсем недалеко от Рима. Я вполне могу приглядывать за тобой и там.

Просиявшая Ливия Друза рассыпалась в благодарностях.

– Когда ты хочешь уехать?

Она встала:

– Немедленно. Могу я поручить Кратиппу собрать вещи?

– Конечно! – Он откашлялся. – Если честно, Ливия Друза, нам будет тебя не доставать. И твоих дочерей – тоже.

– Это после того, как они пририсовали лошадке лишний хвост и заменили виноградную гроздь яблоками?

– То же самое мог бы учинить и Друз Нерон, только годом-другим позже. Если разобраться, то нам еще повезло: краска не успела высохнуть, так что картины не пострадали. Отцовская коллекция будет в большей безопасности на чердаке; пусть там и лежит, пока дети не вырастут.

Он тоже встал; они вместе проследовали вдоль колоннады к гостиной хозяйки дома, где Сервилия сидела за ткацким станком и трудилась над одеяльцем для новой кровати Друза Нерона.

– Сестра собралась нас покинуть, – сообщил Друз, входя.

Он увидел, какое смятение – и какую радость, смешанную с чувством вины, – испытала при этой новости жена.

– Как это печально, Марк Ливий! Почему же?

Однако Друз поспешил ретироваться, предоставив сестре самой объяснять свои резоны.

– Я отвезу девочек на виллу в Тускуле. Мы проживем там до возвращения Квинта Сервилия.

– Вилла в Тускуле? – переспросила Сервилия Цепиона. – Но, милая моя Ливия Друза, это же полуразрушенная лачуга! Кажется, она принадлежала еще первому Ливию. Там нет ни ванны, ни туалета, ни пристойной кухни, да и тесно там!

– Все это не важно, – ответила Ливия Друза. Взяв Сервилию за руку, она приложила ее ладонь к своей щеке. – Дорогая хозяйка дома, я готова жить среди руин, лишь бы тоже где-то чувствовать себя хозяйкой! Говорю это не в укор и не для того, чтобы тебя обидеть. С первого дня, когда твой брат и я переехали к вам, ты вела себя безупречно. Но пойми и меня! Я мечтаю о своем доме. Не хочу, чтобы слуги обращались ко мне «dominilla»; они должны слушаться меня – а это невозможно здесь, где вся прислуга знает меня с самого детства. Мне необходим клочок земли, по которому можно гулять, я жажду глотнуть немного свободы от этого проклятого города. О, пойми же меня, Сервилия!

По щекам хозяйки дома скатились две слезинки, губы ее дрогнули.

– Я понимаю, – выдавила она.

– Не горюй, наоборот, порадуйся за меня!

Они обнялись.

– Сейчас же схожу за Марком Ливием и Кратиппом, – скороговоркой произнесла Сервилия, откладывая работу и накрывая станок. – На одном я настаиваю: надо нанять строителей, которые превратят эту древнюю виллу в подходящее для тебя жилье.

Однако Ливия Друза не пожелала ждать. Уже через три дня она собрала дочерей, связки книг, прихватила немногочисленных слуг Цепиона и отправилась в Тускул.

Она не заглядывала туда с детства. Там мало что изменилось: все тот же оштукатуренный домик, желтый, как желчь, почти без сада и надворных построек, душный и темный, лишенный перистилия. Однако брат не терял времени даром: вокруг уже расхаживали люди, привезенные местным подрядчиком; сам он тоже оказался тут как тут и, почтительно поприветствовав новую хозяйку, пообещал, что уже через два месяца дом превратится в уютное гнездышко.

Самостоятельная жизнь Ливии Друзы началась в хаосе, хоть и не бесцельном: она задыхалась от пыли штукатурки, глохла от стука молотков, визга пил, постоянно выкрикиваемых команд и перебранок на сочной латыни тускуланцев, которые, живя в каких-то пятнадцати милях от Рима, редко туда навещались. Дочери отреагировали на перемену обстановки в соответствии со своим характером: Лилла, которой исполнилось четыре с половиной года, была увлечена кипящей в доме работой, а сдержанная и замкнутая Сервилия терпеть не могла новый дом, стройку, свою мать – и еще неизвестно, кого или что сильнее. Однако Сервилия никак не выказывала своих чувств, а вдохновенное участие Лиллы в происходящем только усугубляло хаос.

Доверив дочерей старой няньке и строгому старому наставнику, обучавшему еще Сервилию, Ливия Друза следующим же утром отправилась на прогулку, чтобы полюбоваться красотой зимнего пейзажа и насладиться сельским покоем, сама не веря, что ей удалось наконец вырваться на волю. На календаре была весна, однако зима еще не думала отступать. Великий понтифик Гней Домиций Агенобарб не настоял на том, чтобы коллегия понтификов приводела календарные сезоны в соответствие с природными. В этом году в Риме и его окрестностях зима выдалась мягкой, снег почти не выпадал, Тибр не замерз. В то утро мороза не было, ветер напоминал дыхание спящего, под ногами шелестела свежая трава.

Ливия Друза чувствовала себя счастливее, чем когда-либо в жизни. Она прошла по заросшему саду, перелезла через низкую каменную стену, обошла поле, по которому уже успел пройти плуг, преодолела еще одну стену и оказалась на овечьем выгоне. Косматые безмозглые

создания шарахнулись от нее, когда она попыталась их подманить; улыбаясь, Ливия Друза продолжила путь.

За выгоном она нашла выкрашенный белой краской межевой камень, а неподалеку – маленькое святилище, обгаренное еще не высохшей кровью жертвенного животного. С нижних веток стоящего тут же дерева свисали и деревянные куколки, и шары, и головки чеснока; все это, судя по виду, находилось здесь уже давно. Ливия Друза с любопытством взялась за перевернутый вверх дном глиняный кувшин, но тут же поспешно выронила его: под кувшином разлагалась большущая жаба.

Будучи горожанкой, она не поняла, что двигаться дальше – значит вторгнуться на чужую территорию, чей хозяин усердно ублажает богов своей землей. Она продолжила путь. При виде первого же желтого крокуса Ливия Друза опустилась на колени, любуясь цветком, а потом, выпрямившись, посмотрела на окружающие деревья новым взглядом: ей казалось сейчас, что и деревья, и все живое создано для нее одной.

На ее пути встал яблонево-грушевый сад; на ветках еще оставались груши, и Ливия Друза не устояла перед соблазном сорвать одну. Груша была настолько сладкой и сочной, что она мигом перепачкала руки. До слуха Ливии Друзы донеслось журчание воды, и она пошла на звук, раздвигая ветви, пока не увидела ручей. Вода в нем была обжигающе-ледяной, однако она отважно сполоснула в ней руки, а потом со счастливым смехом подставила их солнцу. Сняв с себя накидку, Ливия Друза, стоя у ручья на коленях, сложила ее треугольником и перекинула через руку. И тогда, поднявшись на ноги, она заметила его.

Перед этим он читал. Пергаментный свиток в его левой руке уже успел свернуться, поскольку мужчина совершенно забыл о нем, разглядывая незнакомку, вторгшуюся в его сад. Царь Одиссей из Итаки! Встретившись с ним глазами, Ливия Друза затаила дыхание, ибо это были настоящие Одиссеевы глаза – огромные, серые, прекрасные.

– Здравствуй, – произнесла она, улыбаясь ему без тени смущения. Она так много лет наблюдала за ним с балкона, что сейчас он и впрямь показался ей странником Одиссеем, возвратившимся из скитаний к своей Пенелопе. Прижимая к груди сложенную накидку, она зашагала к нему, продолжая улыбаться. – Я украла грушу, – сказала Ливия Друза. – Какая вкусная! Я и не знала, что груши висят на ветках так долго. Если я и покидаю Рим, то летом и сию на берегу моря, а это совсем другое дело.

Он ничего не ответил, а лишь наблюдал за ее приближением своими сверкающими серыми глазами.

«Я по-прежнему люблю тебя! – кричала ее душа. – Люблю по-прежнему! Для меня не важно, что ты – потомок раба и крестьянки. Я тебя люблю! Подобно Пенелопе, я уже давно забыла, что такое любовь. Но вот ты снова передо мной через столько лет, и любовь проснулась!»

Остановилась она слишком близко от него, чтобы их встречу можно было назвать случайной; его обдало жаром, охватившим ее тело; огромные черные глаза, смотревшие на него в упор, горели любовью. Он сделал то, чего при таких обстоятельствах не мог не сделать: преодолел то небольшое расстояние, которое их разделяло, и обнял ее. Ливия подняла лицо, закинула руки ему на шею, и они поцеловались, продолжая улыбаться. Они были давними друзьями, давними возлюбленными, мужем и женой, не видевшимися два десятка лет, разлученные чужими кознями, божественные и бесконечно земные. Их встреча была долгожданным триумфом любви.

Его сильное, уверенное прикосновение сказало ей все; ей не было нужды подсказывать ему, как обнимать и ласкать ее; он был – всегда был! – властелином ее сердца. Торжественно, подобно ребенку, демонстрирующему свое бесценное сокровище, она обнажила грудь, а потом стала снимать одежду с него; он расстелил на земле ее накидку, и она улеглась рядом с ним. Дрожа от наслаждения, она целовала его шею и мочки ушей, сжимала ладонями его щеки,

тянулась губами к его губам, осыпала его порывистыми ласками, шептала из уст в уста слова любви.

Сладкий и сочный плод, тонкие веточки, тянувшиеся к ней на фоне голубого неба, острая боль от ненароком зацепившихся за ветку волос, пташка, парящая в небе на фоне облака, наполняющий душу восторг, рвущийся наружу и наконец-то нашедший дорогу, – о, какой это был восторг!

Они долго лежали на ее накидке, согревая друг друга, улыбаясь друг другу, дивясь этой счастливой встрече, не терзаясь чувством вины, упиваясь сотнями маленьких открытий.

Любовные утехы сменялись разговорами. Ливия узнала, что ее «незнакомец» женат – на некоей Куспии, дочери публикана; сестра его замужем за Луцием Домицием Агенобарбом, младшим братом великого понтифика. Для того чтобы собрать денег на приданое для сестры, пришлось пойти на такие огромные расходы, что единственным выходом стала женитьба на этой Куспии, дочери сказочно богатого человека. У них еще не было детей – потому, должно быть, что он не находил в жене ничего привлекательного; та уже жаловалась отцу, что он избегает ее.

Ливия Друза рассказала ему о себе, и Марк Порций Катон Салониан примолк.

– Ты сердись? – спросила она, приподнимаясь и тревожно глядя на него.

Он улыбнулся и покачал головой:

– Как я могу сердиться, когда боги ответили на мои молитвы? Ведь они послали тебя сюда, на землю моих предков, специально для меня. Я понял это, как только увидел тебя у ручья. Если ты связана с таким множеством могущественных семей, то это просто еще один знак их милости.

– Ты действительно не знал, кто я такая?

– Нет! – ответил он, несколько опечаленный. – Никогда в жизни тебя не видел.

– Ни разу? Неужели ты никогда не замечал меня на балконе дома моего брата, что стоит выше дома Гнея Домиция?

– Никогда!

– А я столько раз видела тебя за много лет!

– Я счастлив, что увиденное пришлось тебе по сердцу.

Она прижалась к его плечу:

– Я влюбилась в тебя, когда мне было шестнадцать лет.

– О своенравные боги! – воскликнул он. – Если бы я хоть раз поднял глаза и увидел тебя, то сделал бы все, чтобы ты стала моей женой. У нас родилась бы куча детей, и мы не оказались бы в таком ужасном положении.

Они инстинктивно стиснули друг друга в объятиях, чувствуя одновременно наслаждение и горечь.

– Будет беда, если они узнают, – прошептала она.

– Да.

– Это несправедливо.

– Несправедливо.

– Они не должны узнать о нас, никогда, слышишь, Марк Порций?

Он нахмурился:

– Нам следует гордиться нашей любовью, а не стыдиться ее.

– Мы и так гордимся, – серьезно ответила Ливия Друза. – Пусть сложившиеся обстоятельства коречат все на свой лад, я все равно счастлива.

Он сел и обхватил руками колени:

– Я тоже.

После этого он снова обнял ее и не выпускал, пока она не оттолкнула его, потому что ей хотелось рассмотреть его чудесное сложение, его длинные руки и ноги, гладкую безволосую

кожу; редкие волоски на его теле были так же рыжи, как его голова. Тело было мускулистым, лицо худощавым. Настоящий Одиссей! Во всяком случае, ее Одиссей был именно таким.

Они расстались под вечер, договорившись, что встретятся на том же месте и в то же время на другой день. Прощание настолько растянулось, что, вернувшись, Ливия не застала строителей – те разошлись, сделав намеченное на день. Ее слуга Мопс уже подумывал, не отрядить ли людей на поиски госпожи. Но Ливию Друзу обуревало такое счастье, она ощущала такой подъем, что подобные мелочи ускользнули от ее внимания. Стоя перед Мопсом в предзакатном свете и растерянно моргая, она даже не потрудилась придумать никакого объяснения.

Выглядела она ужасно: волосы, в которых запутались комки земли и травинки, распустились, одежда была испачкана, рваные сандалии она несла за ремешки, руки и лицо – в грязи, ноги – в земле.

– *Domina, domina*, что случилось? – причитал слуга. – Ты оступилась?

К Ливии Друзе вернулась способность соображать.

– Да, Мопс, я упала, – беззаботно ответила она. – На страшную глубину, и все-таки осталась жива.

Завидя сбегающих слуг, она шмыгнула в дом. В ее комнату был внесен старый медный таз с теплой водой. Лилла, разрыдавшаяся без матери, ушла, подгоняемая нянькой, чтобы съесть остывший ужин, однако Сервилия, никем не замеченная, не отставала от Ливии Друзы ни на шаг. Она стояла в тени, когда служанка, расстегнувшая на своей госпоже все застегжки, зацокала языком, удивляясь, как хозяйка перепачкалась: тело оказалось еще грязнее одежды.

Стоило служанке отвернуться, чтобы проверить, достаточно ли согрелась вода, обнаженная Ливия Друза, отбросив смущение, так медленно и сладострастно заложила руки за голову, что девочка, подглядывавшая из-за двери, поняла значение этого жеста – пусть пока что на подсознательном уровне, ибо для того, чтобы разбираться в подобных вещах, она была еще слишком мала. Руки Ливии Друзы скользнули вдоль бедер, а затем подперли снизу пышные груди. Она с блаженной улыбкой провела по соскам большими пальцами, потом шагнула в таз и повернулась к служанке спиной, чтобы та могла лить воду ей на спину. Никем не замеченная, ее дочь выбежала из комнаты.

За ужином – Сервилии было позволено сидеть за одним столом с матерью – Ливия Друза с восторгом расписывала, что за чудесную грушу она съела, какой прекрасный крокус нашла в траве, какие чудные куколки висели на ветвях межевого святилища, какой быстрый ручей попался ей на пути и какое страшное падение со скользкого берега ее поджидало. Сервилия ела с изяществом, ничем не выдавая своих чувств. В этот момент мать больше походила лицом на беззаботное дитя, а дочь – на обеспокоенную женщину.

– Мое приподнятое настроение тебя удивляет, Сервилия? – спросила мать наконец.

– Да, это очень странно, – сдержанно ответила дочь.

Ливия Друза наклонилась к ней над маленьким столиком, за которым они сидели вдвоем, и убрала прядь черных волос с лица дочери, впервые в жизни проявив неподдельный интерес к этой миниатюрной копии ее самой.

– Когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, – проговорила Ливия Друза, – моя мать никогда не обращала на меня внимания. А все Рим! Лишь недавно я поняла, что он так же действует на меня. Вот почему я оставила город. Мы будем жить сами по себе до возвращения отца. Я счастлива, потому что свободна, Сервилия! Я способна забыть Рим.

– А мне Рим нравится, – сказала Сервилия, облизываясь при виде разнообразных блюд. – У дяди Марка повар лучше.

– Мы найдем повара тебе по вкусу, если это твоя главная беда. Это – твоя главная беда?

– Нет. Строители – они еще хуже.

– Ну, они через месяц-другой нас покинут, и тогда здесь воцарится покой. Завтра, – она вспомнила о предстоящем свидании и тряхнула головой, пряча улыбку, – нет, послезавтра мы пойдем прогуляться вместе.

– Почему не завтра? – спросила Сервилия.

– Потому что я должна посвятить своим делам еще один день.

Сервилия слезла со стула:

– Я устала, мама. Можно я пойду спать?

Так начался счастливейший год в жизни Ливии Друзы, время, когда для нее померкло все, кроме любви, имя которой было Марк Порций Катон Салониан; о дочерях она вспоминала лишь изредка.

Влюбленные быстро научились необходимым хитростям и уловкам, поскольку Катон не мог проводить в Тускуле слишком много времени, – во всяком случае, у него не водилось такой привычки, пока он не встретил Ливию Друзу. Им требовалось более надежное укрытие, где не было опасности попасться на глаза садовникам или пастухам и откуда Ливия Друза могла уйти, не перепачкавшись в земле. Катон решил эту проблему: он выселил из домика, стоявшего в его имении на отшибе, проживавшую там семью под предлогом, что собрался написать книгу – и притом именно там. Книгой объяснялись также его участвовавшие отлучки из Рима и от жены: следуя по стопам деда, он собрался заняться исследованием римской сельской жизни, включая разговоры, обычаи, молитвы, суеверия и ритуалы; далее в его намерения входило описать современные способы земледелия и хозяйствования. Ни у кого в Риме такие замыслы не вызвали удивления, ибо все знали, какая у Катона семья и какие предки.

Всякий раз, когда Катону удавалось попасть в Тускул, любовники встречались в один и тот же утренний час, назначенный Ливией Друзой, – в это время дети занимались учебой; расставание – самый тяжелый момент – происходило в полдень. Даже во время визита Марка Ливия Друза, заехавшего как-то раз проведать сестру и взглянуть, как продвигаются строительные работы, Ливия Друза не отказалась от своих прогулок. Она так и светилась от счастья, но счастье это было до того простым и безыскусным, что Друз не мог не восхититься благородием сестры, решившейся на переезд; прояви она признаки беспокойства или вины, у него обязательно возникли бы подозрения. Однако ничего этого она не испытывала, поскольку считала свою связь с Катонем чем-то вполне достойным, правильным и желанным для них обоих.

Естественно, кое-что ее все-таки смущало, особенно в самом начале их связи. Ливию Друзу немного огорчало сомнительное происхождение возлюбленного. Теперь это, разумеется, не ранило ее так сильно, как давным-давно, когда Сервилия открыла ей глаза, однако вовсе не думать об этом она не могла. К счастью, она была слишком умна, чтобы открыто над ним подтрунивать. Вместо этого она всякий раз демонстрировала, что у нее нет ни малейшей причины смотреть на него свысока, – хотя на самом деле именно так она на него и смотрела. Это было, конечно же, не презрение или пренебрежение, а просто сожаление, основанное на непоколебимой уверенности в благородстве собственного происхождения. Как бы ей хотелось, чтобы эта наивысшая привилегия, о какой только может мечтать римлянин, распространялась и на него!

Его дедом был знаменитый Марк Порций Катон Цензор – Катон-старший. Порции Происходили из состоятельного латинского рода, принадлежали к римскому всадничеству на протяжении нескольких поколений. Обладая всеми правами гражданства и состоянием, они тем не менее жили не в Риме, а в Тускуле и совершенно не рвались к государственным должностям.

Ливия быстро удостоверилась, что ее возлюбленный вовсе не стыдится своей родословной. Вот как все это выглядело в его интерпретации:

– Легенда восходит к чудачествам моего деда: он стал прикидываться крестьянином после того, как в армии на него шикнул какой-то изнеженный патриций, когда деду было сем-

надцать лет, в начале войны с Ганнибалом. Роль крестьянина прилась ему настолько по душе, что он играл ее до самой смерти. У нас в семье считается, что это был верный ход: «новые люди» приходят и уходят, их предают забвению – но кто забудет Катона-старшего?

– То же самое справедливо и в отношении Гая Мария, – неуверенно произнесла Ливия Друза.

Ее возлюбленный отпрянул, словно она его ударила.

– Он? Вот уж кто и впрямь «новый человек» – отъявленный деревенщина! У моего деда были предки! «Новым человеком» его можно назвать лишь с той точки зрения, что он первым в нашем роду стал сенатором.

– Откуда ты знаешь, что твой дед всего лишь прикидывался крестьянином?

– Из его писем. Они хранятся в нашей семье до сих пор.

– А разве его бумаги хранятся не у другой ветви вашего рода? Ведь та ветвь старше.

– Луцинианы? Даже не упоминай их! – В голосе Катона прозвучало отвращение. – Наоборот, *наша* ветвь, Салонианы, засверкает как алмаз, когда историки будущего станут описывать Рим наших времен. Мы – подлинники наследники Катона Цензора. Мы не важничаем и не зазнаемся, мы чтим Катона Цензора как великого человека.

– Только выдававшего себя за крестьянина.

– Вот именно! Грубоватого, добродушного, прямого, любившего старину – одним словом, истинного римлянина. – Глаза Катона сверкали. – Знаешь ли ты, что он пил то же вино, что и его рабы? Никогда не штукатурил своих вилл, не имел ковров и пурпурных одежд и ни разу не заплатил за раба больше шести тысяч сестерциев. Мы, Салонианы, продолжили его традиции, мы живем так же, как он.

– О боги! – вскричала Ливия Друза.

Однако Салониан не заметил смятения Ливии, ибо слишком увлекся, рассказывая своей возлюбленной о том, каким замечательным человеком был Катон Цензор.

– Ну разве мог бы крестьянин стать лучшим другом Валериев Флакков, а переехав в Рим, прослыть самым блестящим адвокатом всех времен? Даже сегодня такие переоцененные ораторы, как Красс Оратор и старый Муций Сцевола Авгур, признают, что в риторике ему не было равных, он блестяще владел всеми приемами. А возьми его литературное наследие! Великолепно! Мой дед был образованнейшим человеком; латынь, на которой он изъяснялся и писал, была столь безупречна, что он обходился без черновиков.

– Я обязательно почитаю Катона-старшего, – с легкой досадой сказала Ливия Друза: ее домашний учитель считал Катона Цензора недостойным ее внимания.

– Сделай милость! – Катон обнял ее и привлек к себе. – Начни с «Поэмы о нравах», чтобы понять, сколь достойным человеком был этот римлянин с большой буквы. Конечно, он первым среди Порциев назвался Катонем: раньше они именовались Присками; уже одно это указывает на древность рода. Представляешь, деду моего деда было уплачено за пять коней, павших под ним, когда он сражался за Рим!

– Меня волнуют не Салонианы, не Приски и не Катоны. Салоний – вот кто не выходит у меня из головы. Ведь он был рабом-кельтибером, верно? Зато старшая ветвь претендует на происхождение от благородной Лицинии и от третьей дочери великого Эмилия Павла и Корнелии, старшей дочери Сципиона.

Салониан нахмурился: в словах возлюбленной отчетливо слышался свойственный Ливиям снобизм. Однако она смотрела на него широко распахнутыми, полными любви глазами; он тоже сгорал от любви к ней. Разве можно винить ее за неосведомленность по поводу Порциев Катонов? Ему просто нужно все ей объяснить.

– Знаешь ли ты историю Катона Цензора и Салонии? – спросил он, пристроив подбородок у нее на плече.

– Не знаю, душа моя. Расскажи!

– Дед не женился до сорока двух лет. К тому времени он побывал консулом, одержал славную победу в Дальней Испании и отпраздновал триумф – он-то не отличался жадностью! Он никогда не прикарманивал трофеев и не торговал пленниками. Он все отдавал своим солдатам, и их потомки до сих пор боготворят его за это. – Катон так обожал своего деда, что забыл, о чем собирался рассказать.

– Итак, ему было сорок два года, когда он женился на благородной Лицинии, – подсказала Ливия Друза.

– Да. У них родился всего один ребенок, Марк Лициниан, хотя дед, судя по всему, был очень привязан к Лицинии. Не знаю, почему у них не было больше детей. Так или иначе, Лициния умерла, когда моему деду было семьдесят семь лет. После смерти жены он взял наложницу-рабыню. Его сын Лициниан и невестка, благородная римлянка, которую ты упоминала, жили в доме деда. Рабыня-наложница взбесила их. Сам он не делал тайны из этой своей слабости и позволял ей расхаживать по дому, словно она была его хозяйкой. Вскоре об этом прознал весь Рим – Марк Лициниан и Эмилия Терция не стали держать язык за зубами. Единственным человеком, остававшимся в счастливом неведении, был сам Катон Цензор. Но в конце концов и он узнал об этих сплетнях и, вместо того чтобы спросить сына и невестку, почему они не сказали о своем недовольстве ему, как-то утром просто-напросто отослал рабыню восвояси, а сам ушел на Форум, ничего не сообщив родне.

– Весьма странный поступок, – молвила Ливия Друза.

Ничего не ответив, Катон продолжал:

– Среди клиентов Катона Цензора был вольноотпущенник по имени Салоний, кельтибер из Салона, прежде служивший у деда писцом. «Эй, Салоний! – окликнул его дед на Форуме. – Нашел ли ты мужа для своей красотишки-дочери?» Салоний ответил: «Пока нет, *domine*, но можешь не сомневаться, что, когда я найду для нее подходящего человека, я обязательно приведу его к тебе и спрошу твоего мнения и совета». Дед сказал ему: «Прекрати поиски. У меня есть для нее на примете достойный муж благороднейших кровей. Состоятельный, с безупречной репутацией, примерный семьянин – чего еще желать? Одним подкачал: боюсь, он несколько староват. Но, заметь, не жалуется на здоровье! И все же даже самый пылкий доброжелатель был бы вынужден признать, что он – старик». Салоний ответил: «*Domine*, если на него пал твой выбор, то как же я могу послушаться? Я сделаю все, чтобы выказать тебе почтение. Дочь моя родилась, когда я был твоим рабом, мать ее тоже была твоей рабыней. Ты оказал мне такую милость: освободил меня и всю мою семью. Моя дочь в долгу перед тобой – в той же мере, что и я, и моя жена, и мой сын. Не тревожься, Салония – славная девочка. Она выйдет за любого, кого бы ты ни предложил ей в мужья, невзирая на его возраст». – «Чудесно, Салоний! – вскричал дед, хлопая его по спине. – Он – это я!»

– Тут что-то неладно с грамматикой, – поморщилась Ливия Друза. – Я-то думала, что латынь Катона Цензора и впрямь была безупречна.

– Жизнь моя, где твое чувство юмора? – вытаращил глаза Катон. – Ведь он пошутил! Ему просто хотелось, чтобы все было воспринято легко. Салоний был ошеломлен. Он не мог поверить, что ему предлагают породниться с благородным семейством, в котором имеется консул и триумфатор.

– Неудивительно, что он был ошеломлен, – сказала Ливия Друза.

– Дед заверил Салония в серьезности своих намерений, – заторопился Катон. – Девушка по имени Салония была доставлена незамедлительно, и состоялась свадьба, благо, что день был подходящий. Стоило Марку Лициниану прослышать об этом спустя час-другой – вести облетали Рим быстро, – как он собрал друзей и направился к Катону Цензору. «Вознегодовав на нас за то, что мы осуждаем тебя за любовницу-рабыню, ты решил опозорить наш дом и того пуще, вводя в него подобную мачеху?» – гневно спросил Лициниан. «Какой же это позор для тебя, сын мой, если я собрался доказать, что я мужчина, став в преклонном возрасте отцом

еще нескольких сыновей? – величественно осведомился дед. – Разве я мог бы найти жену-патрицианку в моем преклонном возрасте? Подобный брак был бы неподобающим. Напротив, женясь на дочери своего вольноотпущенника, я вступаю в брак, соответствующий моим годам и потребностям».

– Невероятно! – ахнула Ливия Друза. – Он таким образом хотел досадить Лициниану и Эмили Терции.

– Да, так принято считать среди нас, Салонианов.

– Неужели все они продолжали жить под одной крышей?

– Разумеется. Правда, Марк Лициниан вскоре умер – многие полагают, что его сердце не выдержало такого бесчестия. Эмили Терция осталась в доме нос к носу со свекром и его новой супругой Салонией. По-моему, она вполне достойна такой участи. Видишь ли, ее собственный папаша скончался, и она не могла вернуться в отчий дом.

– Насколько я понимаю, Салония подарила жизнь твоему отцу, – молвила Ливия Друза.

– Совершенно верно, – сказал Катон Салониан.

– Разве тебя не угнетает, что ты – внук женщины, рожденной в рабстве?

– Почему это должно меня угнетать? – удивился Катон. – Все мы к кому-то восходим. Кажется, цензоры согласились с моим дедом Катон Цензором, заявлявшим, что его кровь столь благородна, что очищает собой кровь любого раба. Салонианов никогда не пытались выкинуть из сената. Салоний вел свой род от галлов – вполне достойное происхождение. Вот если бы он был греком... Но дед никогда не пошел бы на брачный союз с гречанкой. Греков он терпеть не мог.

– А ты оштукатурил свою усадьбу? – Задавая свой вопрос, Ливия Друза приникла к бедру Катона.

– Нет, разумеется, – ответил он, учащенно дыша.

– Теперь я знаю, почему нам приходится пить такое отвратительное вино.

– Молчи, Ливия Друза! – приказал Катон, переворачивая ее на спину.

Великая любовь неизменно приводит к неосмотрительности, опрометчивым словам и разоблачению; однако Ливия Друза и Катон Салониан умудрились сохранять свою связь в полной тайне. Если бы дело происходило в Риме, все наверняка сложилось бы иначе; но, на их счастье, в сонном Тускуле никто не обращал внимания на скандал, назревающий под самым носом у добропорядочных обывателей.

Не прошло и месяца, как Ливия Друза убедилась, что беременна. У нее не было ни малейших сомнений, что отец ребенка не Цепион: в тот самый день, когда Цепион уехал из Рима, у нее начались месячные. Две недели спустя она попала в объятия Марка Порция Катона Салониана; в должный срок очередные месячные не наступили. Две предыдущие беременности научили ее кое-каким другим признакам, которые давали о себе знать и сейчас. Она была беременна – от возлюбленного, Катона, а не от мужа, Цепиона.

Пребывая в философическом настроении, Ливия Друза решила ни от кого не утаивать своего положения. Ее успокаивало то, что она сошлась с Катонем вскоре после отъезда Цепиона, так что разоблачение им не грозило. Было бы куда хуже, если бы она забеременела позднее. Нет, об этом лучше даже не думать!

Друз обрадовался новости, его жена Сервилия – тоже; Лилла заявила, что братик очень ее позабавит, а Сервилия приняла известие холоднее обычного.

Естественно, это нельзя было скрывать и от Катона. Но что именно ему стоило сказать? Все Ливии Друзы отличались рассудительностью; Ливия Друза решила обстоятельно обдумать предстоящий разговор. Было ужасно лишать Катона ребенка, тем более сына, однако... Ребенок непременно родится еще до возвращения Цепиона; никто не усомнится, кто его отец. Если ребенок Катона окажется мальчиком, он станет – при условии, что и он назовется Квинтом

Сервилием Цепионом, – наследником золота Толозы, всех пятнадцати тысяч талантов! Тогда он будет богатейшим человеком в Риме, обладая при этом славным именем. Куда более славным, чем имя Катон Салониан.

– У меня будет ребенок, Марк Порций, – объявила она Катону при следующей их встрече в домике из двух комнат, который она считала теперь своим настоящим домом.

Он был скорее встревожен, нежели обрадован. Взгляд его стал испытующим.

– От меня или от мужа? – спросил он.

– Не знаю, – ответила Ливия Друза. – Правда не знаю. Сомневаюсь, что я узнаю наверняка, даже когда он родится.

– Он?

– Это мальчик.

Катон откинулся на подушку, закрыл глаза и поджал свои чудесные губы.

– Мой, – уверенно произнес он.

– Не знаю, – повторила она.

– И ты всем скажешь, что это – ребенок мужа.

– Вряд ли у меня есть выбор.

Открыв глаза, он печально взглянул на нее:

– Знаю, что нет. Я не могу на тебе жениться, даже если бы у тебя появилась возможность развестись. А ты не разведешься – разве что твой муж нагрянет раньше, чем ты рассчитываешь, но это весьма сомнительно. Все это не случайно: боги смеются над нами.

– Пускай! В конце концов выигрываем мы, мужчины и женщины, а не боги, – сказала Ливия Друза, прильнув к нему. – Я люблю тебя, Марк Порций! Надеюсь, что это твой ребенок.

– А я надеюсь, что не мой, – сказал Катон.

Беременность Ливии Друзы не внесла изменений в ее привычки. Она по-прежнему совершала свои утренние прогулки, а Катон Салониан проводил в старом дедовском имении вблизи Тускула больше времени, чем прежде. Они занимались любовью жаростно, не боясь за новую жизнь, вызревающую в ее утробе. На предостережения Катона Ливия Друза ответила, что любовь ее младенцу не помеха.

– Ты по-прежнему предпочитаешь Рим Тускулу? – спросила она свою дочь Сервилию как-то раз чудесным днем в конце октября.

– О да! – с жаром ответила Сервилия, которая все эти долгие месяцы была крепким орешком: необщительная, она никогда первой не заводила разговора, а на материнские вопросы отвечала так лаконично, что за обедом Ливия Друза, скорее, произносила монологи.

– Отчего же, Сервилия?

Та бросила взгляд на изрядно выросший живот матери.

– Во-первых, там хорошие врачи и акушерки, – молвила девочка.

– О, за ребенка не беспокойся! – засмеялась Ливия Друза. – Он вполне доволен жизнью. Когда настанет его срок, он не доставит больших хлопот. У меня впереди еще целый месяц.

– Почему ты все время называешь его «он», мама?

– Потому что знаю, что это мальчик.

– Это невозможно знать, пока ребенок не родится.

– Какая ты у меня циничная! Я знала, что ты родишься девочкой, знала, что девочкой родится Лилла. С чего бы мне ошибиться на сей раз? Я по-другому себя чувствую, а он по-другому разговаривает со мной.

– Разговаривает с тобой?

– Вы обе тоже разговаривали со мной, пока находились у меня в утробе.

Взгляд девочки стал насмешливым.

– Странная ты какая-то, мама. И становишься все страннее. Как может ребенок говорить, пока он в утробе? Ведь дети не говорят даже после того, как родятся, по крайней мере сперва.

– Вся в отца, – бросила Ливия Друза, скорчив гримасу.

– Значит, ты не любишь *tata*! Так я и думала! – воскликнула Сервилия скорее бесстрастно, чем осуждающе.

Ей уже исполнилось семь лет; мать сочла, что кое-какие непростые вещи ей можно объяснить. Не то чтобы настраивать против отца, но... Разве не чудесно было бы иметь в лице старшей дочери подругу?

– Нет, – спокойно произнесла Ливия Друза, – я не люблю твоего отца. Хочешь знать почему?

Сервилия пожала плечами:

– Наверное, ты все равно скажешь.

– А ты сама его любишь?

– Да-да! Он – самый лучший человек в целом свете.

– О!.. Тогда мне действительно придется объяснить тебе, в чем тут дело. Иначе ты станешь меня осуждать. А у меня есть оправдание.

– Конечно, ты так считаешь.

– Понимаешь, дорогая, я не хотела выходить замуж за *tata*. Меня заставил согласиться твой дядя Марк. А это – дурное начало.

– У тебя была возможность выбирать.

– В том-то и дело, что никакой! Чаше всего так и происходит.

– А по-моему, тебе следует признать, что дядя Марк лучше тебя разбирается в таких делах. Как и во всех остальных. В том, как он подобрал для тебя мужа, я не вижу ошибки, – молвила семилетняя судья.

– Ничего себе! – Ливия Друза уставилась на дочь полными отчаяния глазами. – Сервилия, разве людям можно диктовать, кого им любить, а кого нет? Так получилось, что твоей отец не пришелся мне по сердцу. Он мне никогда не нравился – с самого детства. Но наши отцы загодя договорились, что мы поженимся, и дядя Марк не усмотрел в этом ничего дурного. Я так и не сумела убедить его в том, что если отсутствие любви браку не помеха, то неприязнь неминуемо обречет семейный союз на неудачу.

– По-моему, ты просто глупа, – надменно отвечала Сервилия.

Упрямица! Но Ливия Друза не сдавалась:

– Супружество – дело очень личное, дитя мое. Неприязнь к мужу или жене – бремя, которое нелегко нести. В супружестве люди связаны самым тесным образом. А когда человек вызывает неприязнь, то тебе неприятны его прикосновения. Это-то тебе понятно?

– Мне вообще неприятны прикосновения, – отчеканила Сервилия.

– Будем надеяться, что так будет не всегда, – с улыбкой ответила мать. – Меня, к примеру, вынудили выйти за человека, прикосновения которого были мне неприятны. Человека, который сам был мне неприятен. Так оно осталось по сию пору. Однако результатом этого брака стало появление иных чувств: я люблю тебя, люблю Лиллу. Как же мне не любить твоего папу хотя бы чуть-чуть, если он способствовал появлению на свет тебя и Лиллы?

На лице Сервилии появилось выражение неприкрытого отвращения.

– Как же ты глупа, мама! Сперва ты говоришь, что *tata* тебе неприятен, а потом выясняется, что ты его любишь. Чепуха какая-то!

– Нет, это очень по-человечески, Сервилия. Любовь и приязнь – разные чувства.

– Ну а я буду питать любовь и приязнь к мужу, которого подберет для меня *tata*, – высокомерно заявила Сервилия.

– Надеюсь, так оно и будет, – сказала Ливия Друза и попробовала сменить тему этого тяжелого разговора. – Сейчас я, к примеру, очень счастлива. Сказать почему?

Темноволосая головка склонилась на бок; поразмыслив, Сервилия покачала головой, умудрившись одновременно согласно кивнуть:

– Я знаю причину, не знаю только, как это может сделать тебя счастливой. Ты живешь в этой отвратительной дыре и собираешься родить. – Черные глаза блеснули. – И потом, у тебя, кажется, завелся дружок.

На лице Ливии Друзы отразился ужас. Испуг был таким явным, что девочка вздрогнула от удивления и волнения; удар был нанесен наугад и объяснялся лишь тем, что Сервилия страдала от отсутствия друзей.

– Конечно, у меня есть дружок! – воскликнула мать, стараясь скрыть испуг. Она через силу улыбнулась. – Он беседует со мной изнутри.

– *Моим* другом ему не бывать, – сказала Сервилия.

– О, Сервилия, не говори таких вещей! Он будет самым лучшим твоим другом – так всегда бывает с братьями, уж поверь мне!

– Дядя Марк – твой брат, однако именно он заставил тебя выйти замуж за моего *tata*, которого ты не любила.

– И все же это не разрушило нашей дружбы. Братья и сестры вместе растут. Никто из людей не знает друг друга лучше, чем брат с сестрой, и они учатся друг друга любить, – с теплотой в голосе объяснила Ливия Друза.

– Разве можно научиться любить человека, который тебе неприятен?

– Тут ты ошибаешься. Можно, если постараться.

Сервилия фыркнула:

– В таком случае почему ты не научилась любить *tata*?

– Потому что он мне не брат! – воскликнула Ливия Друза, теряясь в догадках, куда их заведет этот разговор.

Почему дочь не хочет сделать шаг ей навстречу? Почему она так черства, так бестолкова? Потому, решила мать, что она – дочь своего отца. О, как она на него похожа! Только куда умнее. Вернее, хитрее.

– Сервилия, – проговорила она, – единственное, чего я для тебя хочу, – это счастья. Обещаю, что никогда не позволю твоему отцу выдать тебя замуж за неприятного тебе человека.

– А вдруг тебя не окажется рядом при моем замужестве?

– Это по какой же причине?

– Ну, ведь твоей матери не было рядом с тобой, когда тебя выдавали замуж?

– Моя мать – это совсем другое дело, – печально промолвила Ливия Друза. – Как тебе известно, она еще жива.

– Известно, известно! Она живет с дядей Мамерком, но мы с ней не разговариваем. Она распутная женщина, – сказала девочка.

– От кого ты слышала об этом?

– От *tata*.

– Ты даже не знаешь, что значит «распутная женщина».

– Знаю: женщина, забывшая, что она патрицианка.

Ливия Друза скрыла улыбку:

– Интересное определение, Сервилия. Как ты думаешь, ты сама никогда не забудешь, что ты патрицианка?

– Никогда! – выкрикнула дочь. – Когда я вырасту, то буду такой, как хочет мой *tata*.

– Я и не знала, что ты так много беседуешь с ним.

– Мы все время беседовали.

Ложь Сервилии оказалась столь искусной, что мать не заподозрила неправды. Лишенная внимания обоих родителей, она с раннего детства стала солидаризироваться с отцом, который представлялся ей более важным, более необходимым ей человеком, нежели Ливия Друза.

Она мечтала об отцовской любви, которой, как ей подсказывал здравый смысл, она никогда не дожидется: отец не принимал дочерей всерьез, потому что хотел сына. Как она пронюхала об этом? Да очень просто: она носилась, подобно призраку, по всему дому дяди Марка, подслушивала разговоры, забиваясь в темные углы, и знала многое такое, что вовсе не предназначалось для ее ушей. Сервилии казалось, что именно отец, а не дядя Марк и, уж конечно, не никчемный италик Силон рассуждает так, как подобает истинному римлянину. Сейчас, отчаянно скучая по отцу, девочка страшилась неизбежного: когда мать произведет на свет сына, все мечты о том, чтобы стать отцовской любимицей, ей придется забыть навсегда.

– Что ж, Сервилия, – поспешила с ответом Ливия Друза, – я только рада, что ты любишь своего отца. Но тебе придется повести себя по-взрослому, когда он вернется домой. То, что я рассказала тебе о моей неприязни к нему, – это тайна, которая должна остаться между нами. Это наш секрет.

– Почему? Разве он этого не знает?

Ливия Друза растерянно нахмурилась:

– Если ты так много беседуешь с отцом, Сервилия, то тебе должно быть известно, что он понятия не имеет о моей неприязни. Твой папа не принадлежит к числу проникательных мужчин. В противном случае и я относилась бы к нему иначе.

– Мы с ним никогда не тратим время на разговоры о тебе, – пренебрежительно бросила Сервилия. – Нас занимают более важные вещи.

– Для ребенка ты неплохо умеешь наносить обиды.

– *Tata* я никогда не обижала, – отчеканила семилетняя девчонка.

– Твое счастье. Но на всякий случай запомни мои слова. То, что я сказала – или попыталась сказать тебе сегодня, – это наш секрет. Я открыла тебе душу и рассчитываю, что ты поступишь, как подобает римской патрицианке, – не обманешь моего доверия.

Когда в апреле Луций Валерий Флакк и Марк Антоний Оратор были выбраны цензорами, Квинт Поппедий Силон явился к Друзу в сильном волнении.

– О, как чудесно поболтать без Квинта Сервилия! – с усмешкой бросил Силон; он никогда не скрывал своей неприязни к Цепиону, как и тот – своего презрения к нему.

Хорошо понимая друга и втайне соглашаясь с ним, хотя семейные узы не позволяли ему признать это открыто, Друз пропустил его замечание мимо ушей.

– Что тебя так взволновало? – спросил он Силона.

– Наши цензоры! Они замыслили самую дотошную перепись за всю римскую историю и вот теперь собираются изменить процедуру! – Силон выразительно воздел руки к небу. – О, Марк Ливий, ты и представить себе не можешь, как глубок мой пессимизм по поводу событий в Италии! Теперь я уже не вижу иного выхода, кроме отделения и войны с Римом.

Друз впервые услышал от Силона о его подлинных опасениях. Он выпрямился и с тревогой взглянул на него:

– Отделение? Война? Квинт Поппедий, как ты можешь даже произносить такие слова? Положение в Италии необходимо исправить мирными средствами – я, по крайней мере, всеми силами буду способствовать этому.

– Знаю-знаю, друг мой. Можешь мне поверить, отделение и война – вовсе не то, чего мне хотелось бы. Италии они нужны ничуть не больше, чем Риму. Это потребует такой затраты денежных и людских ресурсов, что они не восполнятся и спустя десятилетия, независимо от того, кто одержит победу. В гражданской войне не бывает трофеев.

– Даже не думай об этом.

Силон беспокойно заерзал, оперся о стол Друза и подался вперед:

– В том-то и дело, что я об этом не думаю! Потому что я вдруг понял, как предоставить италикам все права и изменить отношение к нам Рима.

– Дарование всем римского гражданства?

– Не всем, конечно, – всем пока не получится. Но все же такому количеству, чтобы далее последовало предоставление прав всем без исключения.

– Как же? – спросил слегка обескураженный Друз: он всегда воображал, что в своих планах предоставления италикам римского гражданства на шаг опережает Силона, а теперь выяснялось, что он ошибался.

– Как тебе известно, цензорам всегда было гораздо важнее узнать, кто живет в самом Риме, а не за его пределами. Переписи в сельской местности и в провинциях вечно запаздывали и подразумевали сугубо добровольное участие. Сельский житель, желающий зарегистрироваться, должен был обратиться к своему дуумвиру в населенном пункте, имеющем муниципальный статус. В провинциях ему и подавно приходилось являться к наместнику, а до него путь неблизкий. Те, кому это было нужно, отправлялись в дорогу, а прочие давали себе обещание, что уж в следующий раз сделают это обязательно, а пока полагались на чиновников, переносивших их имена из старых списков в новые, – чаще всего именно так все и происходило.

– Все это мне прекрасно известно, – терпеливо произнес Друз.

– Ничего, иногда полезно повторять старые истины. Как ты знаешь, Марк Ливий, наши новые цензоры – забавная парочка. Никогда не думал, что из Антония Оратора выйдет что-нибудь путное, однако его кампания против пиратов показала, что у него есть кое-какие способности. Что касается Луция Валерия, фламина Марса и консуляра, то я помню лишь, какую неразбериху он устроил в последний год трибуната Сатурнина, когда Гай Марий был слишком болен, чтобы контролировать происходящее. Однако справедливо говорят, что любой человек рождается с каким-нибудь талантом. Теперь выясняется, что у Луция Валерия тоже имеется талант – так сказать, по части тылового обеспечения. Иду я сегодня по Нижнему форуму, как вдруг появляется Луций Валерий. – Силон широко распахнул свои диковинные глаза и театрально разинул рот. – Представь себе мое изумление, когда он подзывает меня и спрашивает меня, италика, найдется ли у меня время с ним потолковать! Естественно, я ответил, что он может полностью распоряжаться мной и моим временем. Оказывается, он хотел, чтобы я порекомендовал ему римских граждан-марсов, которые согласились бы заняться переписью граждан и латинян на марсийской территории. Прикинувшись дурачком, я к концу разговора вытянул из него все, что требовалось. Они – то есть он и Антоний Оратор – собираются прибегнуть к помощи переписчиков, которых они разошлют по всей Италии и Италийской Галлии под конец этого года и в начале следующего, чтобы переписать всех жителей сельской местности. По словам Луция Валерия, вашим новым цензорам не дает покоя мысль, что прежняя система не учитывала большого количества сельских жителей и латинян, не желающих регистрироваться. Что ты на это скажешь?

– Чего ты от меня ждешь? – недоуменно спросил Марк Ливий.

– Чтобы ты признал, что мыслят они здраво.

– Что верно, то верно. И по-деловому. Но я пока не понял, отчего ты так высоко задрал хвост?

– Дружище Друз, если мы сможем повлиять на этих переписчиков, то добьемся, чтобы они регистрировали почтенных италиков как римских граждан! Не всякий сброд, а людей, давно уже имеющих право именоваться римлянами, – доходчиво растолковал Силон.

– Ничего не выйдет, – отозвался Друз, смуглое лицо которого не выражало сейчас никаких чувств. – Это неэтично и незаконно.

– Зато оправданно с моральной точки зрения.

– Мораль здесь ничто, Квинт Поппедий. А закон – все. Любой гражданин, попавший в список римлян обманным путем, не может считаться таковым законно. Я не могу на это пойти, и ты тоже. И больше ни слова об этом! Поразмысли хорошенько – и ты поймешь, что я прав, – твердо сказал Друз.

Силон долго изучал невозмутимую физиономию друга, а потом в отчаянии всплеснул руками:

– Будь ты проклят, Марк Ливий! Ведь это было бы так просто!..

– И так же просто все откроется. Зарегистрировав этих лжеграждан, ты сталкиваешь их с римским законом во всей его красе: порка, внесение в черные списки, огромные штрафы.

Силон вздохнул.

– Что ж, вижу, куда ты клонишь, – проворчал он. – Но все равно идея хороша!

– Нет, плоха! – стоял на своем Марк Ливий Друз.

Силон не стал продолжать разговор. Когда дом, сильно опустевший в последнее время, утомился на ночь, он, не ведая, что следует примеру отсутствующей Ливии Друзы, вышел в лоджию.

Ему прежде и в голову не приходило, что Друз может отнестись к проблеме иначе, нежели он сам; в противном случае он не стал бы делиться с ним своей идеей. «Вероятно, – печально размышлял Силон, – именно по этой причине столь многие римляне твердят, что мы, италики, никогда не сможем стать римлянами. Я и то до сих пор не понимал Друза».

Положение Силона было незавидным: он открыл свои намерения и убедился, что не может полагаться на молчание Друза. Неужели Друз побежит с утра пораньше к Луцию Валерию Флакку и Марку Антонию Оратору, чтобы пересказать им этот дружеский разговор?

Силону оставалось только дожидаться развития событий. Ему придется употребить всю свою изворотливость, чтобы убедить Друза, будто вечернее предложение было всего-навсего фантазией, родившейся у него по дороге с Форума на Палатин, глупостью и нелепицей, о которой не стоит и говорить.

При этом он не собирался отказываться от столь блестящего плана. Напротив, простота и выполнимость делали его очень привлекательным. Цензоры в любом случае ожидают регистрации тысяч новых граждан. Разве у них есть основания не доверять резко возросшим цифрам по сельской местности? Надо немедленно лететь в Бовиан, к самниту Гаю Папию Мутилу, а потом с ним на пару – к остальным вождям италийских союзников. К тому времени, когда цензоры всерьез возьмутся за рекрутирование своей армии переписчиков, предводители италиков должны быть готовы действовать: подкупать, продвигать своих людей, согласных подправить списки. Силона не интересовал сам город Рим: неграждане-италики, проживающие в Риме, не заслуживали римского гражданства, ибо покинули землю предков ради более легкой жизни в большом городе.

Силон долго сидел в лоджии, напряженно размышляя над тем, как добиться священной цели – равенства для всех людей, живущих в Италии. Утром же он принялся за исправление допущенной накануне оплошности, без нажима, с легкой усмешкой убеждая Друза, что теперь понимает нелепость своего предложения.

– Я впал в соблазн, – попытожил он. – Утро вечера мудренее: теперь я вижу, что правда на твоей стороне.

– Вот и отлично, – с улыбкой ответил Друз.

Квинт Сервилий Цепион не появлялся дома до следующей осени. Из Смирны, что в провинции Азия, он отправился в Италийскую Галлию, оттуда в Утику в провинции Африка, в Гадес, что в Дальней Испании, и назад в Италийскую Галлию. Повсюду, где ступала его нога, жизнь делалась более зажиточной; при этом возрастало также и его богатство. Постепенно золото Толозы превращалось в тучные поля вдоль реки Бетис в Дальней Испании, доходные дома в Гадесе, Утике, Кордубе, Гиспалисе, Старом и Новом Карфагене, Цирте, Немаузе, Арелате и во всех крупных городах Италийской Галлии и Апеннинского полуострова; к железо- и угледелательным поселениям, основанным им в Италийской Галлии, примкнули поселения ткачей; повсюду, где выставлялись на продажу пахотные земли, Квинт Сервилий Цепион был среди активных покупателей. Он отдавал предпочтение италийским, а не римским банкам и компаниям. В римской Малой Азии он не оставил ни крохи своего состояния.

Он объявился в Риме у Марка Ливия Друза без предупреждения и, естественно, не застал жены и дочерей.

– Где они? – спросил он сестру.

– Там, где вы и договорились, – недоуменно ответила ему Сервилия.

– Что значит – «договорились»?

– Они по-прежнему живут в Тускуле, в имении Марка Ливия. – Сестра очень жалела, что дома не оказалось Друза.

– Чего ради они туда отправились?

– Ради мира и покоя. – Сервилия схватила за голову. – Ах, должно быть, я все перепутала! Марк Ливий вроде говорил, что они переехали с твоего согласия.

– Не давал я никакого согласия! – гневно бросил Цепион. – Я отсутствовал полтора года и, возвращаясь, надеялся, что меня встретят жена и дети, но их и след простыл! Невероятно! Что они делают в Тускуле?

Из всех мужских достоинств Сервилии Цепионы всегда ставили на первое место половую сдержанность в сочетании с супружеской верностью; за все время путешествия Цепион ни разу не переспал с женщиной. Неудивительно, что чем ближе он подъезжал к Риму, тем с большим нетерпением ждал встречи с женой.

– Ливия устала от Рима и переехала на старую виллу Друзов в Тускул, – молвила Сервилия, пытаясь унять сердцебиение. – Я и впрямь полагала, что ты одобрил их переезд. Так или иначе, он явно не пошел Ливии во вред. Я никогда еще не видела ее такой цветущей. И счастливой. – Она улыбнулась своему единственному брату. – В декабрьские календы у тебя родился сын.

Новость была радостной, но не настолько, чтобы унять гнев Цепиона, не обнаружившего жену в доме брата и не получившего любовного удовлетворения.

– Немедленно пошли за ними, – распорядился он.

Пришедший немного погодя Друз застал шурина сидящим неподвижно в кабинете, без книги в руках; все мысли его были заняты выходкой Ливии Друзы.

– Что за история произошла у вас тут с Ливией? – спросил он Друза, не обращая внимания на приветливо протянутую ему руку и не желая обмениваться с шурином поцелуями, как того требовали приличия.

Друз, предупрежденный женой, отнесся к этому снисходительно. Он начал с того, что уселся за стол.

– В твое отсутствие Ливия Друза переехала в мое имение в Тускуле, – объяснил он. – В этом не было ничего предосудительного, Квинт Сервилий. Она устала от города, только и всего. Переезд определенно пошел ей на пользу: она прекрасно себя чувствует. К тому же у вас родился сын.

– Моя сестра решила, будто я одобрил этот переезд, – засопел Цепион, – что совершенно не соответствует действительности.

– Ливия Друза действительно заверила меня в том, что ты не возражал. – Друз сохранял невозмутимость. – Однако это мелочи. По-моему, она и не помышляла об этом до твоего отъезда, а потом избрала самый легкий путь, сказав нам, что ты дал согласие. Думаю, что, увидевшись с нею, ты поймешь, что она действовала себе во благо. Ее здоровье и настроение теперь гораздо лучше, чем когда-либо прежде. А все жизнь за городом!

– Придется призвать ее к порядку.

Друз приподнял бровь:

– Меня это не касается, Квинт Сервилий. Не хочу об этом знать. Другое мне интересно: твое путешествие.

Под вечер того же дня в имение Друза прибыли слуги. Ливия Друза встретила их спокойно. Она не выказала неудовольствия, а просто кивнула и сказала, что готова ехать в Рим в полдень следующего дня, после чего позвала слугу Мопса и отдала необходимые распоряжения.

Старинное тускуланское имение преобразилось: это уже был не просто загородный домишко – здесь появились сад-перистиль и канализация. Ливия Друза проследовала в свою гостиную, закрыла ставни и дверь, кинулась на кровать и зарыдала. Все кончено: Квинт Сервилий вернулся домой, а дом для Квинта Сервилия – город. Ей никогда более не позволят побывать в Тускуле. Несомненно, он уже наслышан о ее обмане, – одно это, при его характере, означало, что ей следует навсегда выбросить Тускул из головы.

Катона Салониана сейчас не было в Тускуле, поскольку в Риме проходили заседания сената; Ливия Друза не виделась с ним уже несколько недель. Утерев слезы, она присела за письменный стол и написала ему прощальное письмо:

Мой муж вернулся домой и послал за мной. К тому времени, когда ты будешь читать эти строчки, я снова окажусь в доме моего брата в Риме, где полным-полно глаз, чтобы за мной приглядывать. Ума не приложу, как, когда и где мы могли бы встретиться снова.

Но как мне жить без тебя? О любимый, бесценный, выживу ли я? Не видеть тебя, забыть твои объятия, твои руки, твои губы – для меня это невыносимо! Но он обязательно нагромодит запретов, к тому же в Риме никуда не скроешься от соглядатаев. Я в отчаянии и боюсь, что нам не суждено больше свидеться. Я не нахожу слов, чтобы выразить свою любовь. Помни: я люблю тебя.

Поутру она, как обычно, вышла прогуляться, уведомив домашних, что вернется к полудню, когда завершится подготовка к отъезду в Рим. Обычно она бежала на свидание со всех ног, однако на сей раз не торопилась, а наслаждалась прелестью осеннего пейзажа и старалась запомнить каждое деревцо, каждый камешек, каждый кустик, чтобы вызывать их в памяти в предстоящей одинокой жизни. Добравшись до беленького двухкомнатного домика, в котором они с Катоном встречались на протяжении двух лет без трех месяцев, она стала ходить от стены к стене, с великой нежностью и печалью дотрагиваясь до предметов нехитрой обстановки. Вопреки здравому смыслу она все же надеялась застать его здесь, однако этой надежде не суждено было сбыться; она оставила письмо на виду, прямо на ложе, отлично зная, что в этот дом не войдет никто, кроме него.

А теперь – в Рим... Ей предстояло трястись в двухколесной повозке, которую Цепион счел подходящим для жены транспортным средством. Сперва Ливия Друза настояла на том, чтобы держать в поездке маленького Цепиона на коленях, но после первых двух миль из пятнадцати она отдала младенца сильному рабу и велела ему нести его на руках. Дочь Сервилла оставалась с ней дольше, однако потом и ее растрясло, и она то и дело подползала к

окну, а затем и вовсе предпочла брести пешком. Ливии Друзе тоже отчаянно хотелось выйти из повозки, но выяснилось, что муж строго-настрого наказал ей ехать внутри, да еще с закрытыми окошками.

У Сервилиии, в отличие от Лиллы, желудок оказался железным, поэтому она просидела в повозке все пятнадцать миль. Сколько ей ни предлагалось пройтись пешком, она с неизменным высокомерием отвечала, что патрицианки не ходят, а только ездят. Ливия Друза теперь ясно видела, что Сервилия очень возбуждена, хотя, лишь прожив в тесном общении с дочерью почти два года, научилась разбираться в ее настроении. Внешне девочка оставалась совершенно спокойной, разве что ее глазенки поблескивали ярче обычного, а в уголках рта залегли две лишние складочки.

– Я очень рада, что ты так ждешь предстоящей встречи с *tata*, – проговорила Ливия Друза, хватаясь за лямку, чтобы удержаться на сиденье в накренившейся повозке.

– Не то что ты, – поспешила уколоть ее Сервилия.

– Постарайся же понять меня! – взмолилась мать. – Мне нравилась жизнь в Тускуле, я не люблю Рим – вот и весь ответ!

– Ха! – хмыкнула Сервилия.

На этом разговор закончился.

Спустя пять часов после выезда из Тускула двуколка и вся многочисленная свита остановились у дома Марка Ливия Друза.

– Пешком я добралась бы скорее, – сердито сказала Ливия Друза вознице, прежде чем он скрылся вместе с наемной повозкой.

Цепион дожидался ее в покоях, которые они занимали прежде. Он равнодушно кивнул жене. Такого же холодного приветствия удостоились обе дочери, которых мать вытолкнула вперед, чтобы они поздоровались с отцом, прежде чем отправиться в детскую. Даже широкая и одновременно застенчивая улыбка Сервилиии не вызвала отклика.

– Идите! – велела девочкам Ливия Друза. – И скажите няне, чтобы принесла маленького Квинта.

Няня оказалась тут как тут. Ливия Друза забрала у нее малыша и сама внесла его в гостиную.

– Вот, Квинт Сервилий! – с улыбкой молвила она. – Познакомься: это твой сын. Красивый, правда?

В Ливии говорила материнская гордость: маленький Цепион вовсе не был красив. Впрочем, и уродцем его нельзя было назвать. Десятимесячный мальчуган спокойно сидел у матери на руках, глядя прямо перед собой, серьезный и не улыбочивый, в отличие от большинства своих сверстников. Прямые густые волосы на его головке были ярко-рыжими, глаза темно-кариими, ручки довольно длинными, личико худым.

– Юпитер! – удивленно вскричал Цепион. – Откуда у него взялись рыжие волосы?

– Марк Ливий говорит, что рыжей была семья моей матери, – безмятежно откликнулась Ливия Друза.

– О!

Цепион вздохнул с облегчением. Дело было не в том, что он подозревал жену в неверности, а в том, что он не любил двусмысленностей. Не будучи нежным папашей, он даже не попытался взять малыша на руки; его пришлось подтолкнуть, чтобы он пощекотал мальчика под подбородком.

– Ладно, – сказал наконец Цепион. – Отдай его няньке. Пора нам побыть наедине, жена.

– Но скоро время ужинать, – попыталась возразить Ливия Друза, отдавая ребенка няне, заглянувшей в комнату. – Ужин и так запоздал. – У нее отчаянно колотилось сердце, поскольку она отлично знала, что сейчас последует. – Не можем же мы откладывать его до бесконечности!

Не обращая внимания на ее слова, Цепион закрыл ставни и запер дверь.

– Я не голоден, – проговорил он, снимая тогу. – Если голодна ты, тем хуже для тебя. Сегодня тебе придется обойтись без ужина, жена!

Даже не будучи чувствительным и проницательным человеком, Квинт Сервилий не мог не заметить перемену, происшедшую в жене, стоило ему лечь с ней рядом и властно притянуть ее к себе: она была напряжена и совершенно невосприимчива к его ласкам.

– Что с тобой? – разочарованно спросил он.

– Подобно всем женщинам, я все меньше люблю это занятие. Родив двоих-троих детей, женщины теряют к нему интерес.

– Ничего, – рассердился Цепион, – тебе придется им заинтересоваться. Мужчины нашей семьи славятся воздержанием и высокой моралью, мы не изменяем женам. – Реплика эта прозвучала до смешного напыщенно, словно была заучена наизусть.

Соитие их можно было назвать успешным только условно; несмотря на ненасытность Цепиона, Ливия Друза оставалась холодной и апатичной; страшным оскорблением для мужа стало то, что его последнее по счету достижение ознаменовалось ее похрапыванием: она умудрилась уснуть! Он грубо тряхнул ее.

– Откуда у нас возьмется еще один сын? – крикнул он, больно хватая ее за плечи.

– Я больше не хочу детей, – пробормотала она.

– Если ты не поостережешься, – мычал он, приближаясь к кульминации, – я с тобой разведусь.

– Если развод будет означать, что я могу и дальше жить в Тускуле, – ответила она, не обращая внимания на его стоны, – то я не стану возражать. Ненавижу Рим. И вот это ненавижу. – Она выскользнула из-под него. – Теперь можно мне поспать?

Он был слишком утомлен, чтобы продолжать препирательства, но с утра, едва проснувшись, гневно возобновил давешний разговор.

– Я твой муж, – завел он, стоило ей встать, – и ожидаю от тебя, жена, соответствующего поведения.

– Я же сказала: все это мне больше не интересно, – резко ответила она. – Если такое положение вещей тебя не устраивает, Квинт Сервилий, то предлагаю тебе развестись со мной.

До Цепиона дошло, что она жаждет развода, хотя мысль о ее неверности его пока не посещала.

– Никакого развода, жена.

– Тебе известно, что я сама могу с тобой развестись.

– Сомневаюсь, чтобы твой брат согласился на это. Впрочем, это не важно. Развода не будет – и точка. А интерес будет – у меня.

Он схватил свой кожаный ремень и сложил его вдвое. Ливия Друза непонимающе уставилась на него:

– Перестань паясничать! Я не ребенок.

– Ведешь ты себя именно как ребенок.

– Ты не посмеешь ко мне притронуться!

Вместо ответа он заломил ей руку за спину, одновременно задрал ее ночную рубашку. Ремень начал звонко хлестать по ягодицам и бедрам. Сперва Ливия Друза сопротивлялась, пытаясь освободиться, но потом ей стало ясно, что он способен сломать ей руку. С каждым ударом боль делалась все нестерпимее, прожигая ее насквозь, как огнем; сначала она всхлипывала, потом разрыдалась, потом ей стало страшно. Когда она рухнула на колени и попыталась спрятать лицо в ладонях, он схватил ремень обеими руками и стал хлестать ее согбенное тело, не помня себя от злобы.

Ее крики доставляли ему наслаждение; он совсем сорвал с нее сорочку и лущевал до тех пор, пока его руки не обвисли в изнеможении. Отпихнув ногой упавший на пол ремень,

Цепион накрутил на руку волосы жены, рывком поставил ее на ноги и подтолкнул к душевной нише, где стояла кровать, смердевшая после бурной ночи.

– А вот теперь поглядим! – прохрипел он, придерживая рукой готовое к использованию орудие любви, ставшее орудием истязания. – Лучше смирись, жена, иначе получишь еще! – С этими словами он вскарабкался на нее, теша себя мыслью, что ее дрожь, колотящие его по спине кулаки и сдавленные крики свидетельствуют о небывалом наслаждении.

Звуки, доносившиеся из покоев Цепиона, были услышаны многими. Прокравшаяся вдоль колоннады Сервилия, желавшая узнать, проснулся ли ее любимый *tata*, поняла все; то же относилось и ко многим слугам. А вот Друз и Сервилия ничего не слышали и оставались в неведении; никто не знал, как им об этом сказать.

Служанка, помогавшая Ливии Друзе принимать ванну, расписывала, спустившись в подвал к рабам, причиненные хозяйке увечья; при этом лицо ее было искажено страхом.

– Огромные кровавые рубцы! – причитала она, обращаясь к управляющему Кратиппу. – Они до сих пор кровоточат! Вся постель забрызгана кровью! Бедняжка, бедняжка...

Кратипп рыдал в одиночестве, не зная, чем помочь; слезы проливал не он один, ибо среди слуг многие знали Ливию Друзу с раннего детства, всегда жалели ее и заботились о ней. Стоило старикам увидеть ее утром, как глаза их снова увлажнились: она передвигалась со скоростью улитки и выглядела так, словно была при смерти. Однако Цепион был хитер; даже в гневе он проявил осмотрительность: на руках, ногах, шее и лице у жены не оказалось ни единой отметины.

Положение оставалось неизменным на протяжении двух месяцев, разве что избиения, которым примерно раз в пять дней продолжал подвергать жену Цепион, отличались теперь некоторым разнообразием: он уделял внимание каждый раз новым участкам ее тела, позволяя другим заживать. Это очень его возбуждало. Приятно было и ощущать свою власть; наконец-то он понял всю мудрость древних обычаев, выгоды положения *paterfamilias* и подлинное предназначение женщины.

Ливия Друза ни с кем не откровенничала, даже со служанкой, присутствовавшей при ее омовениях, и сама лечила свои раны. Ранее не свойственная ей хмурая молчаливость не укрывалась от внимания Друза и его жены, вызывая у них беспокойство. Однако им не оставалось ничего другого, кроме как объяснять происходящее возвращением Ливии в Рим, хотя Друз, не забывший, как сестра противилась браку с Цепионом, задавал себе вопрос, не присутствием ли Цепиона объясняется ее шаркающая походка, изможденный вид и полное ко всему равнодушие.

В душе Ливии Друзы не осталось ничего, кроме физических страданий, которые причиняли ей избиения и последующие любовные утехы мужа. Она была готова считать это карой; кроме того, телесная боль делала не столь нестерпимой разлуку с ее возлюбленным Катонем. К тому же, размышляла она, боги сжалились над ней, и она выкинула трехмесячный плод, который Цепион уж никак не мог бы счесть своим. Нежданное возвращение Цепиона стало для нее таким потрясением, что она забыла об этой проблеме и вспомнила о ней только тогда, когда проблема исчезла. Да, так и есть; боги к ней милостивы. Рано или поздно ее постигнет смерть – ведь когда-нибудь муж забудется и не прекратит пытку вовремя. Смерть же была во сто крат предпочтительнее жизни с Квинтом Сервилием Цепионом.

Атмосфера в доме была теперь совсем иной, и это не могло не беспокоить Друза; хотя он должен был бы уделять больше внимания беременности жены – неожиданному, счастливому подарку, на который они перестали было надеяться. Охватившее дом уныние тревожило и Сервилию. В чем же причина? Неужто одна-единственная несчастная жена может распространять вокруг себя столь крошечный мрак? Даже слуги самого Друза впали в безмолвие. Обычно их шумная суета вызывала у хозяина некоторое раздражение. Он с детства привык просыпаться

в неурочный час от взрывов смеха, доносившихся из помещений под атрием. Теперь же все это кануло в прошлое. Слуги пробирались по дому с вытянувшимися физиономиями, ограничивались односложными ответами на любые вопросы и с удвоенным усердием боролись с пылью и мусором, словно дружно решили заморить себя работой или страдали бессонницей. Кратипп, всегда казавшийся непоколебимой скалой, и тот был теперь не таким, как прежде.

Как-то раз под конец года рано утром Друз схватил Кратиппа за руку, прежде чем тот успел дать привратнику распоряжение впускать собравшихся на улице клиентов.

– Подожди-ка, – сказал Друз, подталкивая управляющего к своему кабинету. – Мне надо с тобой поговорить.

Однако, даже тщательно заперев все двери, дабы обезопасить себя от незваных гостей, Друз не в силах был начать разговор. Он принялся расхаживать по комнате; Кратипп стоял как каменный, уставившись в пол. Наконец Друз взял себя в руки и посмотрел на слугу:

– Что происходит, Кратипп? – Он потрепал его по плечу. – Уж не обидел ли я тебя? Почему мои слуги сделались так несчастны? Не упустил ли я чего-то важного? Если так, то очень прошу открыть мне глаза. Я не хочу, чтобы последний раб был несчастен по моей вине или по вине кого-либо из членов моей семьи. Но меньше всего мне хотелось бы видеть несчастным тебя! Без тебя этот дом вообще рухнет!

К ужасу хозяина, Кратипп залился слезами; некоторое время Друз пребывал в растерянности, но, поддавшись внезапному порыву, сел вместе с управляющим на ложе и обнял за вздрагивающие плечи, утирая платком его лицо. Однако чем больше доброты проявлял Друз, тем горше делались рыдания Кратиппа. Теперь уже сам Друз чуть не рыдал; он принес вина, заставил Кратиппа выпить немного и еще долго возился с ним, как любящая нянька, прежде чем тот успокоился.

– О, Марк Ливий, какое бремя ты снимаешь с моей души!

– Что ты имеешь в виду, Кратипп?

– Побои!

– Побои?!

– Она сдерживает рыдания, чтобы никто не слышал! – Кратипп снова расплакался.

– Ты говоришь о моей сестре? – повысил голос Друз.

– Да.

Сердце Друза заколотилось как бешеное, лицо налилось кровью, кулаки сжались.

– Рассказывай! Заклинаю тебя именем богов, открой мне всю правду!

– Квинт Сервилий... Он ее убьет.

Друз весь затрясся; он стал задыхаться.

– Муж моей сестры бьет ее?

– Да, господин! – Управляющий из последних сил старался совладать с собой. – Я знаю, что не мое дело вмешиваться, и, клянусь, я не стал бы этого делать! Но ты был так добр, так внимателен ко мне, что я... я...

– Успокойся, Кратипп, я не сержусь на тебя, – ровным голосом проговорил Друз. – Наоборот, я бесконечно благодарен тебе за это признание. – Он встал и помог подняться Кратиппу. – Ступай к привратнику и вели ему извиниться перед моими клиентами. Сегодня я их не приму, потому что у меня будут другие дела. Теперь слушай: передай жене, чтобы она отправилась в детскую и оставалась там с детьми, поскольку мне придется отослать всех слуг в подвал, где они должны будут выполнить одно мое поручение. Ты уж проследи, чтобы все ушли к себе, а потом и сам уходи. Но прежде скажи Квинту Сервилию и моей сестре, что я жду их у себя в кабинете.

Оставшись в одиночестве, Друз постарался сладить с дрожью во всем теле и с обуревавшим его гневом. Вдруг Кратипп преувеличивает? Вполне возможно, что дело зашло не так далеко, как воображают слуги...

Однако ему оказалось достаточно одного-единственного взгляда на Ливию Друзу, чтобы понять, что преувеличением здесь и не пахнет. Она вошла в кабинет первой, и он сразу увидел, как ей больно, как она удручена, как велик ее страх, как неизбежно ее горе. От нее веяло мертвенным холодом. За ней следом явился Цепион – этот был скорее заинтригован, нежели насторожен.

Друз принял их стоя и не предложил сесть. Вместо этого, впившись в шурина полным ненависти взглядом, он сразу приступил к сути дела:

– До моего сведения дошло, Квинт Сервий, что ты подвергаешь мою сестру телесным истязаниям.

Ливия Друза ахнула от неожиданности, Цепион же ответил с гневным презрением:

– То, как я поступаю со своей женой, Марк Ливий, касается меня одного, и никого больше.

– Не согласен, – произнес Друз как можно спокойнее. – Твоя жена – мне сестра, она – член большой и могущественной семьи. Никто в этом доме не поднимал на нее руку до ее замужества. Я не позволю избивать ее ни тебе, ни кому-либо еще.

– Она моя жена. Это значит, что она должна повиноваться мне, а не тебе, Марк Ливий! Я буду поступать с ней так, как захочу.

– Ты связан с Ливией Друзой узами брака, – произнес Друз с каменеющим лицом. – Я же связан с ней кровными узами, что намного важнее. Я не позволю тебе избивать мою сестру!

– Ты сам сказал, что не хочешь знать, как именно я призову ее к порядку. Тогда ты был прав: это действительно не твоя забота.

– Избиение жены не может остаться безнаказанным. Это – недопустимая низость! – Друз перевел взгляд на сестру. – Прошу тебя, сними одежду, Ливия Друза. Я хочу знать, что сделал этот мерзавец.

– Не смей, жена! – взревел Цепион, исполняясь праведным гневом. – Обнажаться перед мужчиной, не являющимся твоим мужем? Не смей!

– Сними одежду, Ливия Друза, – повторил Друз.

Ливия Друза не шевелилась и не размыкала уст.

– Сестра, сделай, как я прошу, – ласково сказал Друз, шагнув в ее сторону. – Я должен это видеть.

Стоило ему обнять ее, как она вскрикнула и отпрянула; тогда он, стараясь не причинять ей боли, обнажил ее плечи.

Для человека сенаторского ранга не было большего позора, чем прослыть домашним тираном, избивающим жену. Цепиону не хватило храбрости помешать Друзу исполнить задуманное. Мужчины увидели грудь Ливии Друзы и покрывающие ее старые рубцы, лиловые и ядовито-желтые. Друз развязал ее пояс, и одежда соскользнула к ее ногам. В последний раз супруг хлестал ее по ягодицам: они распухли и были густо усеяны ссадинами и синяками. Друз нежно помог сестре одеться; подняв ее безжизненные руки, он заставил ее поддержать ткань на плечах. Потом он повернулся к Цепиону и произнес, подавляя гнев:

– Вон из моего дома!

– Жена – моя собственность, – ответил Цепион. – Закон позволяет мне обращаться с ней так, как я сочту необходимым. Мне дозволено даже убить ее.

– Твоя жена – моя сестра, и я не дам тебе истязать представительницу моего рода. Я не стал бы обращаться так с последним безмозглым животным из своего хлева. Ступай вон из моего дома!

– Если я уйду, уйдет и она! – гаркнул Цепион.

– Она останется со мной. Убирайся, истязатель!

Но тут из-за их спин раздался пронзительный голосок, наполненный лютой ненавистью:

– Она это заслужила! Заслужила! – Маленькая Сервилия бросилась к отцу и заглянула ему в глаза. – Не бить ее надо, отец, а убить!

– Ступай в детскую, Сервилия, – устало произнес Друз.

Однако девочка цеплялась за отцовскую руку и бросала Друзу недетский вызов, расставив ноги и сверкая глазами.

– Она заслуживает, чтобы ее убили! – надрывалась девочка. – Я знаю, почему ей нравилось жить в Тускуле! Я знаю, чем она там занималась! Я знаю, почему мальчик родился рыжим!

Цепион отпихнул ее руку, словно обжегшись. С его глаз начинала сползать пелена.

– То есть как, Сервилия? – Он грубо тряхнул дочь. – Продолжай, девочка, говори, что у тебя на уме!

– У нее был любовник – я знаю, что значит «любовник»! – выкрикнула девочка, скаля зубы. – У моей мамы был любовник. Рыжий! Они встречались каждое утро в доме, в его имении. Я знаю – я следила за ней! Я видела, что они делали в постели. И знаю, как его зовут. Марк Порций Катон Салониан, потомок раба! Я знаю, я спрашивала тетю Сервилию. – Она воззрилась на отца, и ненависть сменилась на ее личике бесконечным обожанием. – *Tata*, если ты не убьешь ее, то просто оставь ее здесь. Она тебе не пара. Она не достойна тебя! Кто она такая, в конце концов? Всего лишь плебейка, не то что мы с тобой, настоящие патриции! Если ты оставишь ее здесь, я буду во всем тебе помогать, обещаю!

Друз и Цепион превратились в каменные глыбы, зато Ливия Друза наконец-то ожила. Запахнув одежду и затянув пояс, она повернулась к дочери.

– Дорогая, все не так, как тебе кажется, – ласково произнесла она и попыталась погладить дочь по щеке.

Однако рука ее была немилосердно отброшена. Сервилия прижалась к отцу:

– Я сама знаю, как все обстоит. Обойдусь без твоих поучений! Ты опозорила наше имя – имя моего отца! Ты заслуживаешь смерти! А этот мальчишка – не сын моему отцу.

– Маленький Квинт – сын твоего отца, – твердила Ливия Друза. – Он твой брат.

– Нет, он пошел в рыжего мужчину, он – потомок раба! – Маленькая Сервилия ухватила за тунику Цепиона. – *Tata*, пожалуйста, заberi меня отсюда!

Вместо ответа Цепион оттолкнул ребенка, да так сильно, что девочка не удержалась на ногах.

– Каким же я был болваном! – негромко проговорил он. – Девчонка права, ты заслуживаешь смерти. Жаль, что я не орудовал ремнем чаще и сильнее.

Стиснув кулаки, он вылетел из комнаты, а вслед за ним бросилась дочь, которая звала его, просила подождать и дрожала от горьких рыданий.

Друз с сестрой остались одни.

Ноги у Марка Ливия подкосились, он тяжело опустился в кресло. Ливия Друза, его единственная сестра, – прелюбодейка... Лишь сейчас он понял, как она ему дорога: ее беда была и его бедой, бремя вины лежало на его плечах.

– Это я виноват, – проговорил он, кривя губы.

Она опустилась на ложе:

– Полно! Кроме меня, тут некого винить.

– Так это правда? У тебя есть любовник?

– Был. Первый и последний. Я не виделась с ним и ничего о нем не знаю с тех пор, как покинула Тускул.

– Но Цепион мучил тебя не из-за этого.

– Нет.

– Тогда из-за чего?

– После Марка Порция я уже не могла притворяться, – призналась Ливия Друза. – Мое безразличие злило его, и он стал меня бить. А потом он обнаружил, что ему нравится избивать меня, что это его... возбуждает.

Глядя на Друза, можно было подумать, что его вот-вот вырвет; воздев руки, он беспомощно взмахнул ими.

– О боги, в каком мире нам приходится жить! – выкрикнул он. – Я причинил тебе страшное зло, Ливия Друза.

Она присела в кресло для клиентов.

– Ты действовал сообразно своим взглядам, – мягко ответила она. – Поверь, Марк Ливий, я поняла это уже много лет назад. С тех пор твоя неизменная доброта ко мне заставила меня полюбить тебя и Сервилию.

– Моя жена! – спохватился Друз. – Как это отразится на ней?

– Ее не должна касаться эта грязь, – сказала Ливия Друза. – Она беременна, ей покойно, и нам нельзя ее расстраивать.

Друз вскочил.

– Оставайся здесь, – велел он сестре, направляясь к двери. – Я должен проследить, чтобы братец не сболтнул ей ничего, что могло бы ее расстроить. Выпей вина. Я скоро.

Но Цепион даже не вспомнил о сестре. Из кабинета Друза он бросился напрямик в свои комнаты. Дочь рыдала и цеплялась за его пояс, пока он не отвесил ей пощечину и не запер у себя в спальне. Там, в углу, Друз и нашел ее, по-прежнему всхлипывающую.

Слуги уже приступили к своим обязанностям, поэтому Друз мог отвести ее в детскую, где к стене жалась перепуганная нянька.

– Успокойся, Сервилия! Сейчас Стратоника вымоет тебе лицо и накормит тебя завтраком.

– Я хочу к моему *tata*!

– Твой *tata* покинул мой дом, дитя, но не отчаивайся: я уверен, что он, управившись с делами, пошлет за тобой.

Утешая девочку, Друз сам не знал, нужно ли сердиться за выложенную правду или благодарить ее за это. Сервилия мигом просияла.

– Обязательно! – воскликнула она, проходя с дядей под колоннадой.

– Ступай к Стратонике, – велел ей Друз и строго прибавил: – Постарайся не болтать лишнего, Сервилия! Ради твоей тети и отца – да, отца! – ты не должна проронить ни словечка о том, что стряслось здесь этим утром.

– Как же это может ему повредить? Он – жертва!

– Никому из мужчин не нравится, когда ущемляется его гордость. Поверь моему слову, твой отец не скажет тебе спасибо, если ты проболтаешься.

Сервилия пожала плечами и удалилась с нянькой. Друз отправился к жене и рассказал ей ровно столько, сколько, по его разумению, ей было не вредно узнать. К его удивлению, она приняла новость спокойно.

– Я рада, что мы наконец-то знаем, что происходит, – проговорила она, сосредоточенность на беременности делала ее несколько отстраненной от всего, что творилось вокруг. – Бедняжка Ливия Друза! Боюсь, Марк Ливий, что мой брат перестал вызывать во мне симпатию. С возрастом он делается все менее сговорчивым. Между прочим, я вспоминаю, что еще в детстве ему нравилось мучить детей рабов.

Затем Друз пошел назад, к сестре, которая по-прежнему сидела в кресле для клиентов – судя по всему, уже несколько овладев собой. Он присел с ней рядом.

– Ну и утро! Я понятия не имел, с чем мне придется столкнуться, когда спрашивал Краптипа, почему он и остальные слуги так удручены?..

– А они были удручены? – удивленно подняла голову Ливия Друза.

– Да. Из-за тебя, милая. Они слышали, как Цепион бьет тебя. Не забывай, что они знают тебя с младенчества. Они в тебе души не чают, Ливия Друза.

– Как приятно! Я и не думала!

– Должен признаться, что это стало откровением и для меня. О боги, как я был туп! Теперь мне остается только сожалеть о происшедшем.

– Не стоит, – вздохнула она. – Он забрал Сервилию?

– Нет, – скривился Друз. – Он запер ее в вашей комнате.

– Бедненькая! Она его боготворит!

– Это я вижу. Но не понимаю.

– Что будет дальше, Марк Ливий?

Он пожал плечами:

– Честно говоря, понятия не имею! Наверное, самое правильное для всех нас – это вести себя как ни в чем не бывало и дожидаться вестей от... – Он чуть было не сказал «Цепиона», но вовремя спохватился и заставил себя вежливо произнести: – Квинта Сервилия.

– А если он со мной разведется – что он, по всей видимости, и сделает?

– Это будет означать, что ты от него благополучно отделалась.

Наконец-то Ливия Друза смогла затронуть по-настоящему волнующую ее тему.

– А Марк Порций Катон? – порывисто спросила она.

– Наверное, этот человек для тебя очень важен?

– Да, важен.

– Мальчик – его сын?

Сколько раз она мысленно репетировала этот разговор! Что она скажет, когда кто-нибудь из родственников удивится цвету волос ребенка или его явному сходству с Марком Порцием Катонем? Она пришла к выводу, что Цепион должен хоть чем-то отплатить ей за годы безропотной покорности и примерного поведения, не говоря уже об истязаниях. Пока у ее сына было имя. Если она объявит, что его отцом является Катон, ребенок это имя утратит, а на нем на всю жизнь останется пятно незаконнорожденности. Дата рождения ребенка говорила о том, что Цепион вполне мог быть его отцом. Никто, кроме нее, не знал, что это не так.

– Нет, Марк Ливий, мой сын – ребенок Квинта Сервилия, – твердо ответила она. – Моя связь с Марком Порцием началась уже после того, как я узнала, что беременна.

– Тогда остается только сожалеть, что он рыжеволос, – сказал Друз без всякого выражения на лице.

Ливия Друза заставила себя улыбнуться:

– Ты никогда не замечал, как подшучивает над нами, смертными, Фортуна? С тех пор как она свела меня с Марком Порцием, у меня появилось ощущение, что она задумала хитрую игру. Поэтому, когда Квинт родился рыжеволосым, я совершенно не удивилась, хотя вполне понятно, что мне никто не верит.

– Я поддержу тебя, сестра, – молвил Друз. – Невзирая на любые препятствия, я помогу тебе всем, чем смогу.

На глазах Ливии Друзы показались слезы.

– О, Марк Ливий, как я тебе благодарна!

– Это самое меньшее, что я могу сделать, чтобы искупить причиненное тебе зло. – Он откашлялся. – Что до Сервилии, можешь не сомневаться, она будет на моей стороне, а следовательно, и на твоей.

Под вечер того же дня Цепион прислал уведомление о разводе и письмо Друзу, содержание которого адресат не стал держать в тайне.

– Хочешь знать, что пишет этот клоп? – спросил он сестру.

К этому часу ее успели осмотреть несколько врачей, единодушно прописавших ей постельный режим. Она лежала на животе, пока двое подручных лекаря заклеивали ей спину от самых плеч и ноги до лодыжек пластырями. Ливии было нелегко повернуться к брату, но она, рискуя вывихнуть шею, ухитрилась скосить на него глаза:

– Что же?

– Во-первых, он отказывается признавать своими всех троих детей! Во-вторых, не собирается возвращать твое приданое. В-третьих, обвиняет тебя в неоднократных изменах. Он также не намерен возмещать расходы, понесенные мною за семь с лишним лет проживания его семьи под моей крышей: основанием для всего этого служит то, что ты якобы никогда не исполняла своих супружеских обязанностей, а ваши дети рождены от других мужчин.

Ливия Друза уронила голову на подушку:

– *Ecastor!* Скажи, Марк Ливий, как он может поступать так безжалостно с собственными дочерьми? Ладно еще маленький Квинт, но Сервилия и Лилла? Сервилия этого не переживет!

– Подожди, это еще не все! – воскликнул Друз, размахивая письмом. – Он также намерен внести изменения в завещание и лишить детей наследства. И после этого у него еще хватает наглости требовать у меня назад «его» кольцо! «Его» кольцо!

Ливия Друза знала, о каком кольце идет речь. То была фамильная драгоценность, принадлежавшая их отцу, который, в свою очередь, получил ее от своего отца; предание гласило, что это было кольцо-печатка самого Александра Великого. С тех пор как Квинт Сервилий Цепион и Марк Ливий Друз подружились, будучи еще мальчишками, Цепион страстно желал стать обладателем кольца: у него на глазах оно было снято с пальца умершего Друза-цензора и надето на палец теперешнего Друза. Отправляясь в Смирну и в Италийскую Галлию, он упросил Друза дать ему это кольцо как талисман. Друзу не хотелось расставаться с кольцом, но потом, устыдившись, он все же сдался. Стоило Цепиону вернуться, как Друз потребовал кольцо назад. Сначала Цепион искал причину оставить кольцо себе, однако, не найдя таковой, подчинился, сказав с деланным смехом: «Ладно уж! Но когда я уеду опять, придется тебе, Марк Ливий, снова дать мне его в дорогу – оно приносит счастье!»

– Да как он смеет! – негодовал Друз, хватаясь за мизинец, словно Цепион мог вынырнуть у него из-под локтя и завладеть драгоценностью, благо что кольцо на мизинце сидело плотно: Александр Великий не был крупным мужчиной.

– Не обращай внимания, Марк Ливий! – успокаивала Ливия Друза брата, не сводя с него глаз. – Но что будет с моими детьми? Может ли он исполнить свою угрозу?

– Сперва ему придется иметь дело со мной, – мрачно отозвался Друз. – Тебе он тоже прислал письмо?

– Нет, только уведомление о разводе.

– Тогда отдыхай и ни о чем не тревожься, сестра.

– Что сказать детям?

– Ничего не говори, пока я не разберусь с их папашей.

Возвратившись в кабинет, Марк Ливий Друз выбрал свиток из наилучшего пергамента из самого Пергама (ему хотелось, чтобы его ответ выдержал проверку временем) и написал:

Разумеется, ты, Квинт Сервилий, волен отказать в отцовстве троим своим детям. Однако я волен поклясться, что они – твое потомство, что и сделаю в суде, если до этого дойдет. Ты ел мой хлеб и пил мое вино с месяца апреля того года, когда Гай Марий был в третий раз избран консулом, и продолжалось это до тех пор, пока ты не отбыл в дальние края два года без одного месяца тому назад; я и тогда продолжал кормить и одевать твоих детей и твою жену и давать им приют. Попробуй найти доказательства супружеских измен со стороны моей сестры за те годы, что вы вместе

прожили в этом доме! Достаточно взглянуть на дату рождения твоего сына, чтобы понять, что и он зачат в моем доме.

Настоятельно советую тебе оставить намерение лишить наследства троих твоих детей. Если ты не изменишь своего решения, я подам на тебя в суд от имени твоих детей. Выступая перед присяжными, я не стану скрывать имеющихся у меня сведений о золоте Толозы и местонахождении крупных денежных сумм, которые ты снял со счетов в Смирне и вложил в банкирские дома, недвижимость и торговые предприятия на западном побережье Срединного моря, – словом, всю твою коммерческую деятельность, запрещенную сенаторам. В качестве свидетелей я привлеку известных римских врачей, которые единодушно подтвердят тяжесть увечий, нанесенных тобою моей сестре. Далее, я не остановлюсь перед тем, чтобы вызвать в суд в качестве свидетелей саму сестру, а также слугу, имеющего уши.

Что касается приданого сестры и сотен тысяч сестерциев, которые ты должен мне за содержание твоей семьи, то я не стану пачкать рук, требуя от тебя их возмещения. Оставь деньги себе. Они все равно не пойдут тебе на пользу.

Наконец, о моем кольце, которое является фамильной реликвией Ливиев. Его принадлежность нашей семье Ливиев настолько широко известна, что ты поступил бы разумно, если бы отказался от попыток присвоить его себе.

Письмо было запечатано и вручено слуге для немедленной доставки в новую берлогу Цепиона – дом Луция Марция Филиппа. Оттуда слугу выпроводили пинками, и, прихрамывая назад, он доложил Друзу, что ответа не будет. Снисходительно улыбаясь, Друз одарил пострадавшего десятью денариями, после чего уселся в кресло, зажмурился и стал с наслаждением представлять себе, как разъярен Цепион. Друз знал, что никакого суда не будет. Независимо от того, кто в действительности является отцом маленького Квинта, официально он будет считаться сыном Цепиона. Наследник золота Толозы! Друз расплылся в улыбке, поймав себя на страстном желании, чтобы маленький Квинт оказался длинношеим, большеносым, рыжеголовым кукушонком в гнезде Сервилиев Цепионов. Это станет отличным возмездием для истязателя жены!

Друз вызвал свою племянницу Сервилию из детской в сад. Раньше он почти не замечал ее, разве что улыбался ей, проходя мимо, гладил по голове, делал подарки и походя недоумевал, почему эта крошка такая неулыбчивая. Как Цепион мог отказаться от нее? Ведь она – вылитый отец! Мстительный звереныш. Друз придерживался мнения, что дети никоим образом не должны вмешиваться в дела взрослых, и пришел в ужас от утренней выходки племянницы. Злая сплетница! Ей было бы поделом, если бы Друз позволил Цепиону исполнить его намерение и лишить ее наследства.

Мысли эти не могли не отразиться на лице Друза; выйдя из детской и направившись к нему по перистиллю вдоль фонтана, Сервилия заметила, как он хмур и как холоден его взор.

– Сервилия, поскольку этим утром ты позволила себе вмешаться в дела взрослых, я счел необходимым уведомить тебя, что твой отец принял решение развестись с матерью.

– Вот и прекрасно! – воскликнула довольная Сервилия. – Я сейчас же соберусь и отправлюсь к нему.

– Ничего не выйдет: он не хочет тебя видеть.

Девочка так сильно побледнела, что при иных обстоятельствах Друз испугался бы за нее и заставил прилечь. Сейчас же он просто наблюдал. Вместо того чтобы упасть в обморок, она выпрямилась и густо покраснела.

– Я тебе не верю, – отчеканила она. – Мой *tata* так со мной не поступит, знаю.

Друз пожал плечами:

– Раз ты мне не веришь, ступай и убедись в этом сама. Он тут, недалеко, у Луция Марция Филиппа. Ступай и спроси.

– И пойду!

С этими словами Сервилия зашагала прочь, заставив няньку броситься за ней следом.

– Пусть идет, Стратоника, – остановил няньку Друз. – Просто не упускай ее из виду и верни назад.

«Какие они все несчастные! – подумалось Друзу, оставшемуся у фонтана. – И как несчастен был бы я сам, если бы не моя любимая Сервилия и наш сын, а также дитя в ее чреве, которому пока уютнее, чем всем остальным». Покаянное настроение сменилось у него желанием наброситься на девочку Сервилию, раз ее папаша стал для него недостижим. Однако теплых солнечных лучей оказалось довольно, чтобы невзгоды этого дня перестали ослеплять его и к нему вернулось чувство справедливости; он снова был Марком Ливием Друзом, защитником обиженных. Лишь одного человека, как бы тот ни был обижен, он не станет защищать – Квинта Сервилия Цепиона.

Возвратившаяся девочка застала дядю на прежнем месте – у фонтана. Струйка воды, брызжущей из пасти дельфина, искрилась на солнце. Глаза Друза были прикрыты, лицо приняло обычное спокойное выражение.

– Дядя Марк! – громко позвала маленькая Сервилия.

Он открыл глаза и заставил себя улыбнуться.

– Вот и ты! – проговорил он. – Как дела?

– Он не хочет меня принимать: сказал, я не его дочь, – ответила несчастная девочка.

– Вот видишь! А ты мне не верила.

– Как я могла тебе поверить? Ведь ты на ее стороне.

– Сервилия, нельзя быть такой безжалостной к собственной матери. Дурно поступили с ней, а не с твоим отцом.

– Как ты можешь это говорить? Ведь у нее был любовник!

– Если бы твой отец был к ней добрее, она бы не завела любовника. Избиению жены не может быть оправдания.

– Лучше бы он не бил, а вообще убил ее. Я бы так и сделала.

– Уходи! – отчаялся Друз. – Ужасная девочка!

Снова закрывая глаза, он подумал, что, отвергнутая отцом, Сервилия рано или поздно сблизится с матерью. Такое развитие событий было бы вполне естественным.

Проголодавшись, Друз перекусил хлебом, оливками и сваренными вкрутую яйцами в компании жены, которую посвятил кое в какие подробности. Зная, что жене свойственно отличающее всех Сервилиев Цепионов сословное высокомерие, он не мог предугадать, как она отнесется к тому, что ее золовка вступила в связь с потомком раба. Однако Сервилия слишком любила Друза, чтобы перечить ему. Она уже давно уяснила, что, вступая в брак, следует сразу решить, чью сторону принимаешь, и не стала огорчать Друза. Долгие годы проживания под одной крышей с Цепионом не прибавили ей нежности к брату, ее детский страх перед братом давно прошел, а те годы, что она провела с Друзом, научили ее быть смелее.

Как ни прискорбно было все происшедшее, они завтракали в приподнятом настроении; насытившись, Друз почувствовал, что теперь готов к любым неприятным сюрпризам, которые преподнесет этот столь неудачно начавшийся день. Продолжение оказалось не лучше: новые волнения принес Марк Порций Катон Салониан.

Приглашая Катона прогуляться с ним вдоль колоннады, Друз приготовился к худшему.

– Что тебе известно? – спокойно спросил он.

– У меня только что побывали Квинт Сервилий Цепион и Луций Марций Филипп, – ответил Катон, стараясь, подобно Друзу, сохранять спокойствие.

– Оба? Полагаю, Филиппу надлежало выступать в роли свидетеля?

– Да.

– Итак?

– Цепион просто-напросто поставил меня в известность о том, что разводится с женой, уличив ее в измене со мной.

– И все?

Катон нахмурился:

– Чего уж больше! Ведь он объявил об этом в присутствии моей жены, которая тут же ушла к отцу.

– Час от часу не легче! – вскричал Друз, воздевая руки. – Присядь, Марк Порций, и выслушай все с начала до конца. Развод – это только начало.

Услышанное вызвало у Катона гнев, в сравнении с которым меркло недавнее негодование Друза. За маской внешнего спокойствия все Порции Катоны, включая женщин, скрывали крутой нрав. Прошло немало времени, прежде чем Друз, употребив все свое красноречие, убедил Катона в том, что, если он убьет или даже просто покалечит Цепиона, это только усугубит беды Ливии Друзы. Удостоверившись, что негодование Катона утихло, Друз отвел его к Ливии. Стоило Друзу увидеть, как эти любовники смотрят друг на друга, – все его сомнения насчет глубины их чувств мигом рассеялись. Любовь, сметающая все преграды! Бедные, бедные...

– Кратипп, – обратился Друз к управляющему, оставив влюбленных наедине, – я снова умираю от голода! Я намерен немедленно приступить к обеду. Будь добр, оповести об этом мою супругу Сервилию!

Однако его жена предпочла обедать в детской, где Сервилия, рухнув на кровать, заявила, что отказывается от еды и питья: когда ее отец узнает, что она умерла, он пожалеет о содеянном!

Друзу пришлось брести в столовую в одиночестве. Как ему хотелось, чтобы поскорее кончился этот проклятый день! Он очень надеялся, что ему никогда в жизни больше не придется испытать ничего подобного. Вздыхая в предвкушении трапезы, он прилег на ложе.

– Что я слышу? – донесся голос из дверей.

– Дядя Публий!

– Ну в чем тут у вас дело? – вопрошал Публий Рутилий Руф, сбрасывая сандалии и отсылая жестом слугу, вознамерившегося обмыть ему ноги. Устроившись на ложе рядом с Друзом, он подпер ладонью свою любопытную физиономию, на которой были написаны также сочувствие и тревога, отчего сердиться на него было невозможно. – Рим просто кипит от слухов самого противоречивого свойства: тут тебе и развод, и супружеская измена, и рабы-любовники, и истязание жены, и несносные дети... Откуда все это взялось, да еще так быстро?

Ответить ему Друз уже не смог, ибо появление дяди переполнило чашу его терпения. Опрокинувшись на спину, он захохотал как безумный.

Публий Рутилий Руф не преувеличивал: Рим бурлил от всевозможных слухов. Все было ясно как дважды два, плюс рыжие волосы младшего из троих отпрысков и тот факт, что

страшно богатая и столь же вульгарная жена Марка Порция Катона Салониана тоже вручила супругу документы о разводе! Ранее неразлучные, Квинт Сервилий Цепион и Марк Ливий Друз больше не разговаривали, хотя Цепион утверждал, что последнее не имеет отношения к разводу, а объясняется тем, что Друз украл у него кольцо.

Наиболее умные и честные подмечали, что лучшие люди принимают сторону Друза и его сестры, а субъекты с подмоченной репутацией, в частности Луций Марций Филипп и Публий Корнелий Сципион Назика, выгораживают Цепиона, не гнушаясь компанией лизоблюдов, подвизавшихся на том же поприще, что Гней Куспий Бутеон, отец обманутой жены Катона, получивший прозвище «Стервятник». Была и третья категория римлян – те, кто не обелял ни одну из сторон и видел во всей истории лишь повод посмеяться. К таковым относился принцепс сената Марк Эмилий Скавр, снова выплывший на свет божий после нескольких лет, проведенных в тени из-за романтического увлечения его молодой жены. Скавр полагал, что может позволить себе позабавиться, ведь страсть молодой Далматики не встретила у Суллы взаимности и ни у кого не было повода усомниться в отцовстве ребенка, которого она теперь вынашивала. Среди насмешников числился и Публий Рутилий Руф, хотя он и приходился прелюбодейке дядей.

В итоге виновные пострадали меньше, чем Марк Ливий Друз.

– Вернее сказать, – жаловался Друз Силону вскоре после новых консульских выборов, – на меня, как всегда, взваливают ответственность за всех детей, чьи бы они ни были! Вот бы вернуть все те денежки, которых я так или иначе лишился из-за этого боровца Цепиона! Моего нового зятя Катона Салониана ошипали, как цыпленка: ему приходится выплачивать Луцию Домицию Агенобарбу приданое, обещанное за сестрой, к тому же он остался без состояния своей бывшей жены и, разумеется, без поддержки ее влиятельного папаша. В общем, все я: я плачу Луцию Домицию, и мне же, как водится, пришлось приютить сестру, ее муженька и их быстро растущее семейство – она опять на сносях!

Зная, что Друзу и без того несладко, Силон все же не смог сдержаться и расхохотался до рези в животе.

– Ну, Марк Ливий, по части семейных невзгод ты обошел всю римскую знать!

– Брось! – с ухмылкой произнес Друз. – Конечно, было бы неплохо, чтобы жизнь – или Фортуна, или кто там еще – проявила ко мне больше благосклонности. Думаю, я этого вполне заслуживаю. Но какой бы ни была моя жизнь до Аравсиона и как бы она ни сложилась, не будь Аравсиона, сейчас все это потеряло смысл. Я знаю, что не могу бросить на произвол судьбы свою бедную сестру; к тому же новый зять мне куда больше по душе, нежели прежний. Пусть бабка Салониана появилась на свет рабыней, сам он от этого не потерял благородство, да и домочадцы ему рады. Мне нравится, как он обходится с Ливией Друзой, и должен признать, он завоевал симпатию даже моей жены. Сперва она не хотела с ним знаться – из-за его происхождения, но потом сменила гнев на милость.

– Я рад, что твоя сестренка наконец-то счастлива, – искренне сказал Силон. – Мне всегда казалось, что она чем-то удручена, однако она проявляла выдержку, свойственную всем Ливиям Друзам. Жаль только, что тебе все это обходится недешево... Видимо, ты вынужден оплачивать карьеру Салониана?

– А как же! – Друза это обстоятельство, судя по всему, не слишком расстраивало. – К счастью, отец оставил мне больше денег, чем я в состоянии истратить, так что нищета мне не грозит. Можешь себе представить досаду Цепиона, когда я проведу какого-то Катона Салониана по *cursus honorum*!

– Ты не возражаешь, если я предложу другую тему? – перебил его Силон.

– Нисколько! Надеюсь, ты подробно расскажешь мне о том, чем был занят в последние месяцы. Мы ведь не виделись почти год, Квинт Поппедий!

– Неужели так долго? – Произведя мысленный подсчет, Силон кивнул: – А ведь верно! Как бежит время! – Он пожал плечами. – Да и рассказывать особенно нечего. Дела идут неплохо – вот, собственно, и все.

– Что-то ты темнишь, – молвил Друз, от всей души радуясь встрече с другом. – Но ты как будто не склонен баловать меня подробностями, а я не стану тебя неволить. О чем тебе хотелось поговорить?

– О новых консулах.

– В этот раз нам в порядке исключения повезло с консулами, – радостно подхватил Друз. – Не помню столь удачного сочетания, как Красс Оратор и Сцевола. Теперь я жду благотворных перемен.

– Вот как? Хотелось бы мне думать так же! Я-то жду беды.

– На итальяйском фронте? Почему?

– Пока это просто слух. Надеюсь, он окажется необоснованным, хотя меня мучают сомнения. Цензоры передали консулам результаты переписи римских граждан по всей Италии, сообщив, как говорят, о своей обеспокоенности резким увеличением числа имен. Дурачье! Сначала болтают о том, что их новые методы позволят учесть больше граждан, а потом спохватываются, что граждан оказалось слишком много!

– Так вот чем объясняется твое долгое отсутствие! – вскричал Друз. – О, Квинт Поппедий, я тебя предупреждал! Нет-нет, только не лги мне! В противном случае мы не сможем оставаться друзьями, хотя больше пострадаю от этого я. Ты все же пошел на эту аферу?

– Да.

– Квинт Поппедий, почему ты не внял моим словам? О горе!

Друз обхватил голову руками и застыл. Силону, неожиданно для себя самого, стало очень неловко, и он молча сел, погрузившись в раздумья. Наконец Друз заговорил:

– Ладно, что толку сетовать! – Он встал и покачал головой. – Лучше бы тебе уехать домой и подольше не показываться в этом городе, Квинт Поппедий. Незачем мозолить глаза некоторым из самых ярких сторонников антииталийской фракции. Я сделаю все, что смогу, однако я еще слишком молод, чтобы держать речь в сенате. Увы, среди тех сенаторов, что имеют право выступать, твоих сторонников наберется не много.

Силон тоже поднялся:

– Марк Ливий, все это чревато войной. Я уеду. Ты прав: увидев меня, кто-нибудь наверняка что-то заподозрит. Одно это уже говорит о том, что мирным путем италикам гражданства не добиться.

– Нет же! Этого не может быть! – отозвался Друз. – Ступай, Квинт Поппедий, и будь осторожен! Если собираешься идти через Коллинские ворота, то обойди Форум стороной.

Сам Друз не стал огибать Форум: поправив тогу, он направился напрямик туда, высматривая знакомые лица. Ни сенат, ни комиции в тот день не заседали, однако в нижней части Форума было многолюдно. К счастью, первым, на кого наткнулся здесь Друз, оказался его дядя Публий Рутилий Руф, уже собравшийся домой.

– Сейчас я готов пожалеть, что с нами нет Гая Мария, – сказал ему Друз, когда они нашли укромный уголок под вековыми деревьями, сквозь листву которых светило солнце.

– Да, боюсь, в сенате твои итальяйские друзья не могут рассчитывать на серьезную поддержку, – ответил Рутилий Руф.

– Еще не все потеряно. Главное, чтобы нашелся влиятельный человек, способный побудить их к размышлению. Но пока Гай Марий пропадает на Востоке, я не знаю, на кого и надеяться. Разве что на тебя, дядя?

– Нет, – твердо ответил Рутилий Руф. – Я симпатизирую италикам, однако не обладаю достаточным влиянием в сенате. На беду, я утратил *auctoritas*, вернувшись из Малой Азии. Сборщики налогов все еще жаждут моей крови. Они знают, что до Квинта Муция им не

добиться – слишком важная птица. Другое дело – я, старый, смиренный консуляр, никогда не гремевший в судах, не блиставший красноречием и не покрывший себя военной славой.

Нет, мне сильно недостает влияния.

– Из твоих слов следует, что сделать почти ничего нельзя...

– Выходит, что так, Марк Ливий.

Тем временем противная сторона не теряла времени даром. Квинт Сервилий Цепион затребовал встречи с консулами, Крассом Оратором и Муцием Сцеволой, и цензорами, Антонием Оратором и Валерием Флакком. Сообщение его оказалось весьма любопытным.

– Во всем виноват Марк Ливий Друз, – начал Цепион. – Он неоднократно заявлял в моем присутствии, что италикам необходимо предоставить полное гражданство, поскольку все люди в Италии должны быть равны. Среди италиков у него имеются влиятельные друзья: предводитель марсов Квинт Поппедий Силон и предводитель самнитов Гай Папий Мутил. На основании того, что мне доводилось слышать в доме у Марка Ливия, я готов показать под присягой, что он вступил в сговор с этими двумя италиками с целью фальсификации результатов переписи.

– Есть ли у тебя доказательства в подкрепление твоего обвинения, Квинт Сервилий? – спросил Красс Оратор.

При этих словах Цепион страшно напыжился и напустил на себя оскорбленный вид.

– Я – Сервилий Цепион, Луций Лициний! Я не лгу. – Оскорбленный патриот так и пылал праведным гневом. – Доказательства в подтверждение моего обвинения? Я не обвиняю, я просто привожу факты. Мне не нужны доказательства! Повторяю: я – Сервилий Цепион!

– Да будь он хоть самым Ромулом! – отмахнулся Марк Ливий Друз, когда консулы с цензорами взялись за него. – Если вы не видите, что его так называемые факты – это просто злоба, которую он вымещает на мне и моих близких, то, значит, я сильно в вас ошибался! Это же несусветная чушь! С какой стати мне вступать в сговор с италиками против интересов Рима? Сын моего отца на такое не способен! За Силона с Мутилом я не ответчик. Мутил вообще никогда не переступал порог моего дома. Силон же бывает у меня как друг. Я не делаю секрета из того, что выступаю за предоставление римского гражданства всем жителям Италии. Однако я стою за то, чтобы латиняне и италики приобрели этот статус законным путем, через волеизъявление сената и народа Рима. Фальсификацию результатов переписи, подделку списков или подачу ложных заявлений я не могу одобрить, какая бы благая цель при этом ни преследовалась. – Он развел руками. – Судите сами, квинриты, более мне нечего вам сказать. Если вы мне верите, приглашаю вас выпить со мной вина. Если же вы верите Цепиону, этому бессовестному лжецу, то оставьте мой дом и никогда сюда не возвращайтесь.

Квинт Муций Сцевола с тихим смехом подал Друзу руку:

– Я-то с удовольствием выпью с тобой вина, Марк Ливий.

– И я, – поддержал его Красс Оратор.

Цензоры также предпочли вино.

Во время трапезы под конец того же дня Друз снова вернулся к этой теме.

– Меня беспокоит, – говорил он, – каким образом Квинт Сервилий раздобыл эти свои так называемые сведения! У меня с Квинтом Поппедием состоялся на эту тему всего один разговор, да и то много лун назад, сразу после избрания цензоров.

– Что же тогда выяснилось? – спросил Катон Салониан.

– У Силона появилась безумная идея записать гражданами тех, кто еще не имеет на это права, однако я его отговорил. Или вообразил, что отговорил... Во всяком случае, для меня на этом все и закончилось. В следующий раз я виделся с Квинтом Поппедием совсем недавно. Откуда же у Цепиона подобная информация?

– Может, он подслушивал? – Катон не разделял убеждений Друза относительно италиков, однако не считал себя вправе с ним спорить, отчего еще острее чувствовал свое зависимое положение.

– Ничего подобного! Его тогда вообще не было в Италии, – сухо ответил Друз. – Вряд ли он заскочил на денек, чтобы подслушать разговор, о котором я и думать не думал, пока он не состоялся.

– Тогда как же? Может быть, ему в руки попала какая-то твоя записка?

Друз столь решительно замотал головой, что не оставил у собеседников никаких сомнений:

– Ничего я не писал! Ни-че-го!

– Но почему ты решил, что кто-то непременно должен был ему это сообщить? – спросила Ливия Друза.

– Потому что он обвинял меня в фальсификации цензовых списков и указывал на мою связь с Квинтом Поппедием.

– Разве он не мог взять это с потолка?

– Вообще-то, мог, если бы не одно тревожное обстоятельство: он назвал третье имя – самнита Гая Папия Мутила. Вся штука в том, что я уверен: Квинт Поппедий и Папий Мутил действительно подделали списки. Но как об этом пронюхал Цепион?

Ливия Друза встала:

– Ничего не обещаю, Марк Ливий, но вполне возможно, что я найду ответ. Позволь мне ненадолго отлучиться.

Друз, Катон Салониан и Сервилия застыли в ожидании. Откуда Ливия Друза может знать ответ? Все случившееся так загадочно, что остается предположить одно: Цепиона просто осе-нило.

Тут возвратилась Ливия Друза, подталкивая впереди себя свою дочь Сервилию.

– Стой прямо! Я хочу кое о чем тебя спросить, – строго произнесла Ливия Друза. – Ты видишься с отцом?

Лицо девочки оставалось непроницаемым, и все поняли: она и впрямь виновата и потому опасается отвечать.

– Мне нужен правдивый ответ, Сервилия, – продолжала мать. – Ты видишься с отцом? Прежде чем ты заговоришь, хочу тебя предупредить: если ты ответишь «нет», то я спрошу о том же в детской, у Стратоники и остальных.

– Да, я к нему хожу, – проговорила Сервилия.

Друз и Катон выпрямились; Сервилия, супруга Друза, наоборот, склонила голову и закрыла лицо рукой.

– Что ты говорила отцу о дяде Марке и его друге Квинте Поппедии?

– Правду, – сказал девочка так же бесстрастно.

– Какую правду?

– Что они сговорились вносить италиков в списки как римских граждан.

– Как же ты посмела, Сервилия? – рассердился Друз. – Ведь это ложь!

– Нет, правда! – взвизгнула девочка. – Совсем недавно я видела в комнате у этого марса письма!

– Ты вошла в комнату гостя без его ведома? – недоверчиво переспросил Катон Салониан. – Это неслыханно!

– Кто ты такой, чтобы судить меня? – окрысилась на него Сервилия. – Ты – потомок рабыни и крестьянина!

Катон сжал зубы и судорожно глотнул:

– Пусть так. Но учти, Сервилия, что даже рабы не позволили бы себе входить в комнату гостя без разрешения.

– Я – патрицианка из рода Сервилиев, – отрезала девочка, – а он – простой италик. Он задумал измену, а дядя Марк был с ним заодно!

– Что за письма ты прочла, Сервилия? – спросил Друз.

– Письма самнита по имени Гай Папий Мутил.

– Но не Марка Ливия Друза.

– Этого и не нужно. Ты дружен с италиками, и всякому известно: ты сделаешь все, что они потребуют, и будешь участвовать в заговоре заодно с ними.

– Риму повезло, что ты не мужчина, Сервилия, – молвил Друз, стараясь придать лицу и голосу насмешливое выражение. – Если бы ты обратилась с такими уликами в суд, то осрамилась бы. – Он встал с ложа и подошел вплотную к племяннице. – Ты – неблагодарная дурочка, дитя мое. Твой отчим прав: это неслыханное вероломство! Будь ты старше, я выгнал бы тебя вон и запер дверь. Я же поступлю наоборот: запру тебя в доме, чтобы ты могла свободно разгуливать лишь в его стенах, да и то под присмотром. Выходить тебе отныне запрещено под любым предлогом. Ты больше не станешь навещать ни своего отца, ни кого-либо еще, даже не сможешь посылать записок. Если он пришлет за тобой, решив взять тебя к себе, я с радостью отпущу тебя. Но после этого ты больше никогда не переступишь порог этого дома, даже для того, чтобы увидеться с матерью. Пока отец не забирает тебя к себе, твоим *paterfamilias* остаюсь я. Мое слово для тебя закон. Все живущие в этом доме будут поступать с тобой так, как велю я. Понятно?

Девочка не испугалась и не устыдилась; черные глазенки метали искры, подбородок задрался.

– Я – патрицианка из рода Сервилиев, – повторила она четко. – Что бы вы со мной ни сделали, я все равно лучше вас всех, вместе взятых. Правила, установленные для слуг, на меня не распространяются, я просто исполнила свой долг. Я раскрыла заговор, направленный против Рима, и сообщила о нем отцу. Это был мой долг. Можешь наказывать меня как хочешь, Марк Ливий: запрети навечно в комнате, побей, убей! Я знаю, что поступила правильно.

– Убери ее прочь с моих глаз! – крикнул Друз сестре.

– Велеть ее высечь? – осведомилась Ливия Друза, разгневанная не меньше брата.

Его передернуло.

– Нет! С избиениями в моем доме покончено, Ливия Друза! Сделай так, как я велел. Выходить из детской или из классной комнаты она сможет только в сопровождении взрослых. Ей еще рано перебираться в собственную спальню. Пусть знает, каково это – не иметь возможности уединиться, раз без спросу совала нос к моим гостям. Это будет достаточное наказание, которое растянется на годы. Пройдет еще десять лет, прежде чем она получит возможность покинуть этот дом, да и то если ее папаша позаботится подыскать ей жениха. В противном случае этим займусь я – и пускай не мечтает о патриции! Лучшая для нее пара – какой-нибудь деревенский лоботряс!

Катон Салониан рассмеялся:

– Нет, не деревенский лоботряс, Марк Ливий! Лучше выдай ее за такого славного вольноотпущенника, благородного душой человека, не имеющего никаких шансов влиться в ряды знати. Тогда она узнает, что рабы и бывшие рабы – это порой куда более достойные люди, нежели ее патриции.

– Ненавижу вас! – выкрикнула Сервилия, вырываясь из рук матери, которая тащила ее к двери. – Всех ненавижу! И проклиная! Чтоб вы все умерли, прежде чем я вырасту и выйду замуж!

Но тут всем пришлось забыть о девочке: жена Друза рухнула с кресла на пол. Перепуганный Друз поднял ее на руки и понес в спальню, где поднесенные ей под нос горящие перышки привели ее в чувство. Она разразилась безутешными рыданиями.

– О, Марк Ливий, породнившись с моей семьей, ты обрек себя на несчастья! – убивалась она.

Муж сидел с ней рядом, не давал ей биться и молил богов, чтобы все это не повредило ребенку.

– Вовсе нет, – ответил он, целуя ее в лоб и ласково утирая ей слезы. – Не хватало только, чтобы ты из-за этого заболела, *mea vita*! Девчонка того не стоит, не доставляй ей такой радости.

– Я люблю тебя, Марк Ливий! Всегда любила и всегда буду любить.

Сервилия умерла во время родов накануне того дня, когда Луций Лициний Красс Оратор и Квинт Муций Сцевола внесли на рассмотрение сената новый закон, касавшийся италиков, записавшихся римскими гражданами. Марк Ливий Друз, заставивший себя прийти на слушания, не смог, разумеется, уделить этой теме должного внимания.

Никто в доме Друза не был готов к такой развязке. Сервилия чувствовала себя отлично, беременность не доставляла никакого беспокойства ни ей, ни близким. Схватки начались внезапно; спустя два часа она скончалась от обильного кровотечения, которое не удалось остановить. Друз успел вернуться, чтобы застать жену еще живой, но она то металась от невыносимой боли, то начинала бредить, впадая в эйфорию. Умирая, она не узнавала Друза, державшего ее за руку, и не понимала, что истекают последние секунды ее жизни. Для нее это была легкая кончина, для Друза – ужасная: он так и не дождался от нее последних слов любви, остался в неведении, чувствовала ли она, что он был с ней до самого конца. Долгие годы упований на появление собственного ребенка окончились крахом. Сервилия превратилась в обескровленную, белую как снег статую, распростертую на залитой кровью постели. Ребенок так и не появился на свет. Врачи и повитухи умоляли Друза позволить им достать детское тельце из трупа матери. Однако Друз не согласился:

– Пускай ребенок останется с ней, – может быть, хоть это станет ей утешением. Если бы он выжил, я все равно не смог бы его полюбить.

На следующий день Друз едва живой дотащился до Гостилиевой курии, где занял свое место в среднем ряду. Слуга усадил его на раскладной стул; Друз, засыпаемый соболезнаваниями, кивал, кивал, кивал, походя белизной лица на почившую супругу. Неожиданно он увидел напротив Цепиона и побледнел еще пуще. Цепион! Получив известие о смерти сестры, он прислал записку, что должен покинуть Рим сразу по окончании заседания сената, вследствие чего не сможет присутствовать на похоронах...

Друзу было отлично видно все происходящее, поскольку он сидел слева, ближе к краю, перед распахнутыми бронзовыми воротами курии, построенной несколькими столетиями раньше царем Туллом Гостилием. Консулы решили, что эти слушания должны проходить при максимальном стечении народа. Внутри курии допускались только сенаторы и по одному помощнику для каждого, однако открытое слушание означало, что ему может внимать любой протиснувшийся в портик к распахнутым воротам.

Напротив, над тремя ярусами ступеней, где ставили свои складные стулья сенаторы, высился подиум для курульных магистратов, а перед ним стояла длинная деревянная скамья, на которой теснились народные трибуны. На подиуме красовались два курульных кресла из резной слоновой кости для консулов, позади которых помещались шесть кресел для преторов и два – для курульных эдилов. Сенаторы, которые имели достаточный стаж или курульную должность, чтобы выступать, располагались по обеим сторонам от подиума в нижнем ярусе; средний ярус принадлежал жрецам и авгурам, народным трибунам и жрецам младших коллегий, верхний – *pedarii*, или заднескамеечникам, единственной привилегией которых было участие в голосовании.

После молитв и жертвоприношений Луций Лициний Красс Оратор, старший из двух консулов, встал с места.

– Принцепс сената, великий понтифик, коллеги курульные магистраты, члены высокого собрания! В сенате давно обсуждается незаконная регистрация италиков под видом римских граждан в ходе теперешней цензовой переписи, – начал он, держа в левой руке свиток. – Тогда как наши уважаемые коллеги-цензоры, Марк Антоний и Луций Валерий, ожидали, что списки пополнятся несколькими тысячами новых имен, таковых оказалось десятки тысяч. Что произошло, то произошло. Перепись по Италии показала невиданный рост числа людей, считающих себя римскими гражданами. Мы получили достойные доверия сведения о том, что большинство из новоявленных граждан на самом деле итальянские союзники, не имеющие права претендовать на римское гражданство. Мы располагаем показаниями свидетеля, что предводители италиков побуждали своих соплеменников в массовом порядке записываться римскими гражданами. Называют два имени: Квинта Поппедия Силона, вождя марсов, и Гая Папия Мутила, вождя самнитов.

Раздалось настойчивое щелканье пальцами. Консул прервал выступление и кивнул вправо, глядя на передний ряд среднего яруса:

– Гай Марий, я рад снова приветствовать тебя в сенате. У тебя вопрос?

– Да, Луций Лициний. – Марий встал. Он выглядел загорелым и подтянутым. – Эти двое, Силон и Мутил, значатся в цензовых списках?

– Нет, Гай Марий.

– Тогда какие доказательства, помимо показаний свидетеля, у тебя имеются?

– О доказательствах речь не идет, – холодно ответил Красс Оратор. – Я упомянул их имена лишь потому, что мы располагаем сведениями о том, что они лично побуждали своих соплеменников записываться римскими гражданами.

– В таком случае, Луций Лициний, показания, на которые ты ссылаешься, – это лишь подозрения.

– Возможно, – ответил Красс Оратор, ничуть не смутившись, и величественно поклонился. – Если ты, Гай Марий, позволишь мне продолжить, то я внесу ясность.

Марий с ухмылкой отвесил ответный поклон и сел.

– Итак, отцы, внесенные в списки, продолжаем. Как пронизательно отметил Гай Марий, показания, не подкрепленные вещественными доказательствами, вызывают сомнение. Консулы и цензоры не намерены закрывать глаза на данное обстоятельство. Однако человек, сообщивший нам об этом, пользуется уважением, и его слова подкрепляют наши собственные наблюдения.

– Кто же сей уважаемый человек? – спросил Публий Рутилий Руф с места.

– Ввиду угрожающей ему опасности он просил не называть его имени, – ответил Красс Оратор.

– Я скажу тебе, дядя, кто он, – громко произнес Друз. – Его зовут Квинт Сервилий Цепион, истязатель жены! Он бросил такое же обвинение и мне!

– Марк Ливий, ты нарушаешь порядок, – молвил консул.

– Да, я действительно обвиняю и его! Он виновен так же, как Силон с Мутилом! – крикнул Цепион с заднего ряда.

– Квинт Сервилий, ты нарушаешь порядок. Сядь!

– Только тогда, когда вы добавите к обвиняемым Марка Ливия Друза! – крикнул Цепион еще громче.

– Консулы и цензоры пришли к мнению, что Марк Ливий Друз не замешан в этом деле. – Красс Оратор начал проявлять признаки раздражения. – Тебе, как и всем заднескамеечникам, следует помнить, что у тебя еще нет права выступать. Так что сядь и держи язык за зубами, где ему и место! Более мы не станем отвлекаться на личные дразги. Прошу внимания!

Наступила тишина. Выдержав достойную паузу, Красс Оратор откашлялся и заговорил снова:

– По той или иной причине и в результате тех или иных действий в наших цензовых списках оказалось слишком много имен. Предположение, что многие присвоили себе гражданство незаконно, вполне обоснованно, если учитывать все обстоятельства. Консулы намерены исправить эту ситуацию, не отвлекаясь на ложные версии и не прибегая к огульным обвинениям, не подкрепленным доказательствами. Мы обязаны предпринять расследование, иначе у нас окажется слишком много граждан и все они будут утверждать, что принадлежат к тридцати одной сельской трибе; через поколение они получат на выборах численное превосходство над нами, законными гражданами, и смогут влиять на голосование в центуриях.

– Тогда действительно надо постараться этому воспрепятствовать, Луций Лициний, – подал голос из середины переднего ряда принцепс сената Скавр. Он сидел по правую руку от выступающего, рядом с Гаем Марием.

– Квинт Муций и я предлагаем новый закон, – продолжал Красс Оратор, не считая эту реплику оскорбительной. – Его единственной целью является исключение из списков всех лжеграждан. Это – не акт об изгнании, за ним не последует массового исхода неграждан из города Рима или из любого другого города Италии, где живут римляне или латиняне. Он лишь поможет обнаружить тех, кто был включен в списки, не будучи на самом деле гражданином. Для этого предлагается разделить полуостров на десять областей: Умбрию, Этрурию, Пицен, Лаций, Самний, Кампанию, Апулию, Луканию, Калабрию и Бруттий. В каждой будет учреждена особая комиссия, обязанная подтвердить статус граждан, впервые внесенных в списки. В эти комиссии, *quaestiones*, будут назначаться не присяжные, а судьи, являющиеся членами Римского сената; председательствовать в каждой будет консуляр, которому будут помогать два младших сенатора. Всем представшим перед судом придется ответить на ряд вопросов и предоставить доказательства. Процедура будет достаточно строгой, чтобы ни один лжегражданин не избежал разоблачения, – в этом мы можем вас заверить. На следующем слушании мы обязательно зачитаем текст *lex Licinia Mucia* полностью. Полагаю, что на первом слушании не следует вдаваться в юридические тонкости.

Принцепс сената Скавр встал:

– Если мне будет дозволено, Луций Лициний, то я задам вопрос: собираетесь ли вы учредить такую комиссию в самом Риме, а если да, то будет ли она помимо римлян разбирать дела латинян?

– Да, одиннадцатую по счету, – торжественно ответил Красс Оратор. – Дела латинян будут рассматриваться отдельно. Что касается Рима, то я должен подчеркнуть, что в городе не обнаружено такого наплыва лжеграждан. Тем не менее мы собираемся учредить комиссию и здесь, поскольку и у нас наверняка найдется немало включенных в списки граждан, которые при тщательном разбирательстве таковыми не окажутся.

– Благодарю, Луций Лициний. – Скавр сел.

Красс Оратор был обескуражен; его надеждам блеснуть красноречием не суждено было сбыться. Речь превратилась в ответы на вопросы.

Прежде чем он смог продолжить выступление, вскочил Квинт Лутаций Катул Цезарь. Это лишний раз подтвердило, что сенат не расположен сегодня оценивать ораторское искусство.

– Могу я задать вопрос? – скромно молвил Катул Цезарь.

Красс Оратор вздохнул:

– Вопрос может задать любой, даже тот, кто еще не имеет права выступать. Не робей и не сомневайся, прошу! Пользуйся своим правом!

– Предусматривает ли *lex Licinia Mucia* какие-либо санкции, или наказание будут определять судьи?

– Не знаю, поверишь ли ты мне, Квинт Лутаций, но я как раз собирался перейти к этой теме! – Красс Оратор определенно терял терпение. – Новый закон предусматривает вполне конкретные меры. Прежде всего все лжеграждане, обманом внесшие свои имена в цензовые

списки при последней переписи, будут подвергнуты порке толстым кнутом. Имя виновного будет занесено в черный список, чтобы ни он, ни его потомки никогда не могли претендовать на гражданство. Штраф составит сорок тысяч сестерциев. Если лжегражданин поселился в городе или местности, на жителей которых распространяется римское или латинское право, он и его родственники подлежат выселению на землю предков. Лишь в этом смысле закон можно считать репрессивным. Неграждане, не фальсифицировавшие своего статуса, наказанию не подлежат и остаются жить там, где живут.

– А как же те, кто присвоил гражданство не на последней переписи, а ранее? – спросил Сципион Назика-старший.

– Их не подвергнут телесному наказанию и штрафу, Публий Корнелий. Однако они будут внесены в списки и изгнаны из римского или латинского места проживания.

– А если человек не в состоянии уплатить штраф? – спросил великий понтифик Гней Домиций Агенобарб.

– Он будет отдан в долговое рабство римскому государству не менее чем на семь лет.

Гай Марий снова вскочил:

– Можно мне взять слово, Луций Лициний?

Красс Оратор воздел руки к потолку:

– О, почему бы и нет, Гай Марий? Если только тебя не станут прерывать все присутствующие, а также их дяди!

Друз наблюдал за Марием, пока тот шествовал от своего места к середине зала. Сердце – которое, как он полагал, умерло вместе с Сервилией, – отчаянно заколотилось у него в груди. Вот она, последняя надежда! «О Гай Марий, пусть я о тебе и невысокого мнения, – молил Друз про себя, – но скажи сейчас то, что сказал бы я, будь у меня право выступить! На тебя одного уповаю!»

– Не сомневаюсь, что нам предлагается продуманный законопроект, – веско начал Марий. Иного и нельзя было ожидать от двоих наших уважаемых законников. Ему недостает одного усовершенствования, чтобы претендовать на безупречность, – положения о награде любому, кто сообщит необходимые суду сведения. Да, закон чудесен! Но справедлив ли он? Не следует ли нам озаботиться этим прежде всего остального? Скажу больше: так ли мы самоуверенны, так ли близоруки, действительно ли воображаем себя настолько могущественными, чтобы карать ослушников, как того требует данный закон? Судя по выступлению Луция Лициния – увы, не лучшая его речь! – так называемых лжеграждан наберется многие тысячи по всей территории от границ Итальянской Галлии до Бруттия и Калабрии. Все эти люди полагают, что заслужили право на равноправное участие во внутренних делах и управлении Римом, – разве иначе пошли бы они на риск ложного декларирования гражданства? Любому в Италии ведомо, что влечет за собой разоблачение такого поступка: порка, лишение прав состояния, штраф, хотя обыкновенно в отношении одного нарушителя ограничивались чем-то одним.

Марий обвел слушателей глазами и продолжал:

– Однако теперь, сенаторы, мы собрались обрушить всю свою карающую мощь на каждого из десятков тысяч людей вместе с их семьями! Они отведают нашего кнута, будут обложены штрафом, превышающим их состояние, попадут в черный список, будут изгнаны из своих домов, если таковые окажутся в римском или латинском поселении...

Он прошелся до открытых дверей и вернулся на место, где снова начал ораторствовать, обводя слушателей взглядом, одного за другим.

– Их десятки тысяч, отцы, внесенные в списки! Не жалкая горстка, а десятки тысяч! И за каждым – семья: сыновья, дочери, жены, матери, тетки, дядья и так далее, что многократно увеличивает цифру в десять тысяч душ. У каждого есть к тому же друзья – причем даже такие друзья, которые законно пользуются правами римского или латинского гражданства. Вне римских и латинских городов такие люди составляют твердое большинство. И вот нас, сенато-

ров, будут выбирать – уж не по жребии ли? – для участия в этих следственных комиссиях и выслушивания показаний, определения вины, назначения наказания выявленным фальсификаторам! Я аплодирую тем из нас, кому хватит отваги исполнить свой долг, хотя сам бы предпочел свалиться от нового удара, только бы не участвовать в этих судилищах. Или *lex Licinia Mucia* подразумевает вооруженную охрану для каждого члена комиссии?

Он снова зашагал взад-вперед, вопрошая на ходу:

– Такое ли уж страшное это преступление – желать стать римлянином? Не будет большим преувеличением сказать, что мы правим всем миром, который достоин нашего внимания. Нам оказывают почтение, перед нами склоняются, когда мы появляемся у чужих берегов; даже цари идут на попятный, повинаясь нашим приказам. Быть самым распоследним среди римлян, даже одним из неимущих, куда лучше, чем кем-то еще в целом свете. Пусть он беден и не может купить себе ни одного раба – зато он принадлежит к народу, правящему миром! Он чувствует себя исключительным существом – а все это могущественное слово «римлянин»! Даже если он занимается тяжелым трудом, не имея возможности перепоручить его рабу, все равно он может сказать о себе: «Я – римлянин, я счастливее всех в целом свете!»

Поравнявшись со скамьей трибунов, Марий обернулся к распахнутым дверям:

– Здесь, в Италии, мы живем плечом к плечу с мужчинами и женщинами, которые очень похожи на нас, а во многом вообще от нас не отличаются. Эти мужчины и женщины кормят наше войско и поставляют для него солдат вот уже более четырех столетий. Да, время от времени некоторые из них восстают, примыкают к нашим недругам, выступают против нашей политики. Но за эти преступления они уже понесли наказание! Римское право запрещает карать за одно и то же преступление дважды. Можно ли осуждать их за желание быть римлянами? Вот на какой вопрос нам предстоит ответить. Дело не в том, почему они хотят ими быть и что вызвало этот всплеск числа ложных деклараций. Вправе ли мы винить их?

– Да! – крикнул Квинт Сервилий Цепион. – Да, они ниже нас! Они наши подданные, а не ровня нам!

– Квинт Сервилий, ты нарушаешь порядок! Сядь и молчи или покинь заседание! – прикрикнул на него Красс Оратор.

Медленно, чтобы не утратить величавость осанки, Гай Марий обернулся и оглядел весь зал с искажившей его лицо горькой усмешкой.

– Вы полагаете, будто знаете, что сейчас последует... – Он громко рассмеялся. – Гай Марий – италик, поэтому он собрался обратиться к Риму с призывом отказаться от *lex Licinia Mucia* и оставить десятки тысяч новых граждан в списках. – Кустистые брови взлетели вверх. – Но нет, сенаторы, вы ошибаетесь! Это не входит в мои намерения. Подобно вам, я не считаю, что наш электорат следует разбавлять людьми, которым хватило совести вопреки истине записаться римлянами. Мое предложение состоит в другом: пусть *lex Licinia Mucia* действует, пусть следственные комиссии заседают, как гласит закон, разработанный нашими блестящими законниками, – но пусть они поставят своей неумолимости предел. Далее этого предела – ни шагу! Все лжеграждане до одного подлежат вычеркиванию из списков и из триб. Только это – и ничего больше. Ничего! Внемлите моему предостережению, сенаторы и квириды, слушающие у дверей: как только вы начнете подвергать наказаниям лжеграждан – стегать их кнутами, отбирать у них дома, деньги, лишать надежды на будущее, – вы посеете ветер и пожнете бурю, вас захлестнет такая волна ненависти, что последствия содеянного вами будут страшнее высеивания драконьих зубов. Вы пожнете смерть, кровь, обнищание и вражду, которые будут свирепствовать еще тысячу лет! Не закрывайте глаза на то, что попытались учинить италики, но и не карайте их за одну лишь попытку!

«Отлично сказано, Гай Марий!» – подумал Друз и захолопал. Он был не одинок. Однако большинство встретило речь неодобрительно. Из-за дверей послышался ропот, свидетельствовавший о том, что и другие слушатели не склонны соглашаться с Марием.

Поднялся Марк Эмилий Скавр:

– Могу я взять слово?

– Можешь, принцепс сената, – кивнул Красс Оратор.

Скавр и Гай Марий были ровесниками, однако первого уже никак нельзя было назвать млажавам. Лицо его избородили глубокие морщины, даже лысина казалась сморщенной. Только его чудесные зеленые глаза оставались молодыми: взгляд их был по-прежнему пронзительный и зоркий и свидетельствовал о незаурядном уме. Сегодня Скавр не собирался прибегать к своему прославленному юмору, дававшему пищу для бесчисленных анекдотов; даже уголки его рта поникли. Он тоже прошелся до дверей, но там, в отличие от Мария, отвернулся от сенаторов и воззрился на толпу за пределами зала.

– Отцы, внесенные в списки сената! Я – ваш принцепс, мой статус подтвержден нынешними цензорами. Я принцепс с того года, как стал консулом, то есть уже двадцать лет. Я – консуляр, побывавший в цензорах. Я предводительствовал армиями и заключал договоры с врагами, а также с теми, кто просился к нам в друзья. Я – патриций из рода Эмилиев. Однако гораздо весомее всех этих немаловажных заслуг то, что я просто римлянин! Для меня неприемлемо соглашаться с Гаем Марием, назвавшим себя италиком. Но позвольте повторить вам то, что вы слышали в начале его речи. Такое ли это преступление – желать стать римлянином? Захотеть влиться в народ, который правит миром? Народ, который повелевает царям? Подобно Гаю Марию, я повторяю, что хотеть стать римлянином – не преступление. Наше расхождение заключается в том, где мы ставим ударение. Хотеть – не преступление. Иное – сделать. Я не допущу, чтобы квириды угодили в расставленную Гаем Марием ловушку. Мы собрались сегодня не для того, чтобы сострадать тем, кто не имеет желаемого. Наша сегодняшняя цель – не жонглирование идеалами, мечтами, стремлениями. Мы имеем дело с реальностью – противозаконной узурпацией римского гражданства десятками тысяч людей, не являющихся римлянами. У них не было права объявлять себя римлянами! Хотят ли они быть римлянами – не важно. Важно то, что десятки тысяч совершили серьезное правонарушение, и мы, стоящие на страже римского наследия, не можем отнестись к этому тяжкому преступлению как к чему-то малозначительному, за что достаточно просто шлепнуть по рукам.

Теперь Скавр повернулся лицом к сенату:

– Отцы-сенаторы! Я, как истинный римлянин, призываю вас принять предлагаемый законопроект во всей его строгости, наделив всей полнотой силы. С италийской страстью к римскому статусу нужно покончить раз и навсегда. *Lex Licinia Mucia* должен подразумевать самое суровое наказание, которое когда-либо заносилось на наши таблицы! Более того, я полагал бы, что нам следует принять оба предложения Гая Мария, внося в законопроект соответствующие поправки. Согласно первой, сведения, помогающие выявить лжеримлянина, должны вознаграждаться – скажем, четырьмя тысячами сестерциев, то есть десятой долей от суммы штрафа. Казна останется в неприкосновенности, нарушитель сам за все расплатится. Вторая поправка касается охраны всех судебных комиссий вооруженными отрядами. Деньги на содержание временной охраны также должны браться из штрафных сумм. Я искренне благодарю Гая Мария за его предложения.

Никто так и не узнал, собирался ли Скавр закончить на этом свое выступление, поскольку его прервал крик вскочившего Публия Рутилия Руфа:

– Дайте мне слово! Я должен говорить!

Утомленный Скавр поспешил сесть.

– Старина Скавр отжил свое, – делился впечатлениями с соседями по обеим сторонам Луций Марций Филипп. – Раньше он не позволял себе вставлять в свою речь чужие фразы.

– А мне нечего ему возразить, – отозвался сосед слева, Луций Семпроний Азелион.

– Нет, он устарел, – настаивал Филипп.

– Тихо, Луций Марций! – шикнул на болтуна Марк Геренний, сосед справа. – Дай послушать Публия Рутилия!

– Еще слушаешься! – огрызнулся Филипп, но все-таки умолк.

Публий Рутилий Руф не стал расхаживать по залу, а остался стоять рядом со своим раскладным стулом.

– Сенаторы, квириты, слушающие у дверей, умоляю, внимайте мне! – Он пожал плечами со скорбным лицом. – Я не больно-то доверяю вашему здравому смыслу, поэтому не питаю надежды, что мне удастся убедить вас не соглашаться с Марком Эмилием, который выражает сегодня мнение большинства. Однако я скажу то, что должно здесь прозвучать и быть услышанным, поскольку самое ближайшее будущее докажет мою правоту, – в этом я могу вас заверить.

Откашлявшись, он провозгласил:

– Гай Марий прав! Все лжеграждане должны быть вычеркнуты из списков и исключены из триб, но этим необходимо ограничиться! Конечно, мне известно, что большинство из вас – и я в том числе! – считает италиков недостойными статуса римлян; однако при этом я надеюсь, что у нас хватит разума понять: не следует приравнивать италиков к варварам. Они – цивилизованные люди, их вожди прекрасно образованны, их образ жизни ничем не отличается от нашего. Следовательно, с ними нельзя поступать как с варварами! Много веков назад они заключили с нами договор, много веков они наши союзники. Наша ближайшая, кровная родня, как верно заметил Гай Марий.

– Во всяком случае, ближайшая, кровная родня самого Гая Мария, – вставил Луций Марций Филипп.

Публий Рутилий Руф обернулся на голос бывшего претора, наморщив веснушчатый лоб.

– Как это проникательно с твоей стороны, – проговорил он ласково, – провести различие между кровным родством и близостью, которая зиждется на деньгах! Если бы не эта тонкость, ты бы оказался накрепко связанным с Гаем Марием, точь-в-точь прилипало! Ведь по части денег Гай Марий тебе ближе отца родного, Луций Марций! Готов поклясться, что ты за один раз выклянчивал у Гая Мария больше, чем получил от родителя за всю жизнь. Если бы деньги уподоблялись крови, то и тебе можно было бы вменить в вину родство с италиками!

Сенат грохнул от смеха. Раздались хлопки и свистки. Филипп покраснел как рак и спрятался за спинами соседей. Рутилий Руф вернулся к теме своего выступления.

– Прошу вас, давайте более серьезно обсудим наказания, предусмотренные в *lex Licinia Mucia*! Как можно подвергать бичеванию людей, с которыми нам предстоит и дальше жить бок о бок, которые снабжают нас солдатами и деньгами? Если некоторые безответственные члены сената поносят других членов сената, основываясь лишь на происхождении последних, то чем мы отличаемся от италиков? Тут есть над чем задуматься. Плох тот *tata*, который единственным методом воспитания сына полагает ежедневную порку. Такой сын не любит отца, не почитает его, а ненавидит! Если мы пройдемся кнутом по спинам своей италийской родни, то впредь нам придется сосуществовать на полуострове с людьми, питающими к нам лютую ненависть. Если мы навсегда закроем им возможность добиваться гражданства, нам придется сосуществовать с людьми, ненавидящими нас за высокомерие. Если мы выгоним их из их домов, нам придется сосуществовать с людьми, ненавидящими нас за бессердечность. Сколько же злобы на нас обрушится! Гораздо больше, отцы-сенаторы и квириты, чем можно снести от народа, живущего на той же земле, что и мы.

– Так прогоним их подальше, – утомленно проговорил Катул Цезарь. – Туда, где их чувства не будут нас заботить. Они заслуживают этого, раз покусились на самый драгоценный дар, какой способен предложить Рим.

– Попытайся же понять, Квинт Лутаций! – воззвал к оппоненту Рутилий Руф. – Покуси-
лись, потому, что мы его не предлагаем! Когда человек берет то, что по праву считает своим,
то не называет это воровством. Он лишь возвращает свою собственность.

– Как он может вернуть то, что никогда ему не принадлежало?

Рутилий Руф махнул рукой:

– Что ж, я попытался убедить вас, насколько недальновидно обрушивать столь суровую
кару на народ, который является нашим соседом, который путешествует по нашим дорогам,
составляет большинство населения в местах, где мы строим свои виллы и имеем поместья,
который обрабатывает нашу землю, если только мы не прибегаем к рабскому труду. Не стану
больше распространяться о том, к каким последствиям приведет наказание италиков.

– Возблагодарим за это всех богов! – вздохнул Сципион Назика.

– Теперь перейду к поправкам, предложенным нашим принцепсом – но не Гаем
Марием! – продолжал Рутилий Руф, оставив реплику без внимания. – Позволь указать тебе,
принцепс, что трактовать иронию другого оратора как серьезное предложение является отступ-
лением от правил риторики. Будь впредь осторожнее, иначе люди скажут, что твое время про-
шло. Однако могу тебя понять: трудно отыскать нужные слова, когда говоришь не от сердца.
Разве я не прав, Марк Эмилий?

Скавр ничего не ответил и густо покраснел.

– Платные осведомители и телохранители – это не в римских правилах! – сказал Рутилий
Руф. – Если мы на это пойдем, исполняя *lex Licinia Mucia* во всей его суровости, то покажем
италийским соседям, что боимся их. Мы покажем им, что новый закон направлен не на то,
чтобы карать преступников. Нет, его цель подавить в зародыше всякое будущее сопротивление.
И чье? Наших же соседей! Тем самым мы откроем свои опасения насчет того, что им куда
легче заглотнуть нас, чем нам – их. Столь строгие меры и такие неримские действия будут
свидетельствовать о глубоком страхе, о слабости – да, о слабости, а не о силе, учтите это, отцы-
сенаторы и квириды! Человеку, уверенному в себе, не нужна охрана из бывших гладиаторов, он
не косится через плечо. Человек, уверенный в себе, не предлагает вознаграждения за сведения
о своих врагах.

– Чепуха! – пренебрежительно бросил принцепс сената Скавр. – Платные осведомители
– уступка здравому смыслу. Это облегчит геркулесову задачу, стоящую перед судами, кото-
рым придется разоблачать фальсификаторов десятками тысяч. Любой способ, упрощающий и
сокращающий процедуру, является желательным. То же можно сказать и о вооруженных тело-
хранителях. Они предотвратят выступления и бунты.

– Слушайте, слушайте! – раздалось из разных концов зала. Послышались аплодисменты.

– Я и сам вижу, что обращаюсь к тем, чьи уши превратились в камень, – молвил Рутилий
Руф, горестно пожимая плечами. – Как жаль, что лишь немногие из вас умеют читать по губам!
Тогда позвольте мне закончить следующими словами: если мы узаконим платных осведоми-
телей, то заразим нашу любимую родину страшной болезнью, которая будет терзать ее много
десятков лет. Наушничество, шантаж, сомнение в друзьях и родне! Повсюду найдутся люди,
способные на любую низость ради денег, – что, я не прав, Марций Филипп? Мы выпустим
нечисть, которая давно уже завелась во дворцах заморских царей и ползет из всех щелей там,
где людьми правит страх и где действуют репрессивные законы. Останемся же теми, кем были
всегда, – римлянами! – Он сел. – Это все, Луций Лициний.

Никто не аплодировал, только по залу пронесся легкий шумок, а Гай Марий широко
ухмыльнулся.

«Да, – думал Марк Ливий Друз, видя, что заседание идет к концу, – это действительно
все. Принцепс сената Скавр выиграл, Рим проиграл. Разве те, чьи уши превратились в камень,
способны расслышать Рутилия Руфа? Устами Гая Мария и Рутилия Руфа говорил здравый
смысл – ясный как день, доступный, казалось бы, и слепцу. Как сказал Гай Марий? Пожнем

бурю и несчастья, несравнимые с урожаем засеянных драконьих зубов! Беда в том, что мало кто из них сталкивался с италиками, если не считать нечастых сделок и межевых споров. Откуда им знать, – печально размышлял Друз, – что в душу любого италика давно заронено семя ненависти и мести, которое только ждет своего часа, чтобы взойти? Я сам ничем не отличался бы от остальных, если бы случай не свел меня с Квинтом Поппедием Силоном на поле брани».

Его зять Марк Порций Катон Салониан сидел неподалеку, на верхнем ярусе. Добравшись до Друза, он положил руку ему на плечо:

– Ты пойдешь со мной домой, Марк Ливий?

Друз не спешил вставать; рот его был приоткрыт, в глазах стояла тоска.

– Иди без меня, Марк Порций, – откликнулся он. – Я очень устал. Дай собраться с мыслями.

Он дождался, пока все сенаторы покинут зал, потом подал знак слуге, чтобы тот забрал стул и отправлялся домой, не дожидаясь хозяина. Затем медленно спустился и, пройдя по черным и белым плитам, устилавшим пол, вышел из Гостилиевой курии, где рабы уже принялись за уборку, собирая мусор. Покончив с этим занятием, они запрут двери, чтобы обезопасить курию от обитателей Субуры, лежащей в двух шагах, и удалятся в специальное жилище для государственных рабов при сенате.

Друз брел, опустив голову, от колонны к колонне и раздумывал, сколько времени потребуется Силону и Мутилу, чтобы прозвать о случившемся. Он не сомневался, что *lex Licinia Mucia*, украшенный поправками Скавра, в кратчайший срок – в три нундины, то есть за семнадцать дней, – пройдет всю процедуру, отделяющую законопроект от обнародования до принятия, и на таблицах появится новый закон, с которым рухнет всякая надежда на мирное решение спора с италийскими союзниками.

С Гаем Марием он столкнулся совершенно неожиданно.

Это было столкновение в буквальном смысле слова. Друз отпрянул, но слова извинения так и не сорвались с его губ, ибо свирепый лик Мария лишил его дара речи. За спиной Мария маячил Публий Рутилий Руф.

– Приглашаю тебя с твоим дядей, Марк Ливий, отведать моего чудесного вина, – предложил Марий.

Мудрости, накопленной за шестьдесят два года бурной жизни, оказалось Марию недостаточно, чтобы предвидеть, как подействует на Друза его учтивое приглашение: мрачное лицо Ливия, прорезанное горькими складками, исказилось, из глаз хлынули слезы. Накрыв тогой голову, чтобы не выставлять напоказ свою слабость, Друз разрыдался, да так безутешно, словно прощался с жизнью. Марий с Рутилием Руфом принялись неумело успокаивать его, хлопая по спине и бормоча слова утешения. Затем Мария посетила блестящая идея: достав носовой платок, он сунул его Друзу.

Прошло еще некоторое время, прежде чем Друз взял себя в руки, сдернул с головы полутоги и явил сенаторам свое лицо.

– Вчера умерла моя жена, – проговорил он, всхлипывая.

– Нам это известно, Марк Ливий, – участливо ответил Марий.

– Мне казалось, я способен с этим справиться. Но сегодня чаша терпения переполнилась. Простите, что я предстал перед вами в столь плачевном виде.

– Что тебе нужно, так это добрая порция славного фалернского, – заявил Марий, увлекая его за собой вниз по ступенькам.

И действительно, фалернское сделало свое дело: Друз стал постепенно приходить в себя. Марий приставил к своему столу еще один стул, и вся троица расселась вокруг кувшинов с вином и водой.

– Что ж, попытка не пытка, – со вздохом промолвил Рутилий Руф.

– Можно было и не пытаться, – пробурчал Марий.

– Не согласен с тобой, Гай Марий, – вскинулся Друз. – Заседание записано слово в слово. Я видел, как Квинт Муций отдал распоряжение писцам, которые строчили с одинаковым усердием и во время ваших выступлений, и во время выступлений Скавра и Красса Оратора. Будущее рассудит, кто прав, кто виноват: люди прочтут ваши речи и не станут огульно зачислять всех римлян в непроходимые глупцы.

– Это, конечно, некоторое утешение, но было бы лучше, если бы они не приняли последнее положения *lex Licinia Mucia*, – отозвался Рутилий Руф. – Вот ведь какое дело: живут среди италиков и вообще ничего о них не знают!

– Совершенно верно, – сухо сказал Друз и подставил свой опорожненный кубок Марию, чтобы тот наполнил его. – Грядет война.

– Только не война! – вскричал Рутилий Руф.

– Война, именно война! Разве что мне или кому-нибудь еще удастся лишить *lex Licinia Mucia* его разрушительной силы и добиться для всей Италии избирательного права. – Друз отхлебнул вина. – Клянусь памятью умершей жены, – повысил он голос, решительно смахивая наворачивающиеся слезы, – я не имею ни малейшего отношения к регистрации лжеграждан. Однако дело сделано, и я знаю, кто все это натворил: вожди всех италийских племен, а не просто мой друг Силон и его друг Мутил. Ни на минуту не обольщаюсь, будто они наивно полагают, что не будут разоблачены. Нет, это сделано для того, чтобы продемонстрировать Риму, до чего отчаянно нуждается в избирательном праве Италия. Говорю вам: либо удовлетворение их чаяний, либо война!

– Для войны они совершенно не организованы, – возразил Марий.

– Тебя ждет неприятный сюрприз: если обмолвкам Силона можно верить – а полагаю, что это именно так, – то они обсуждают предстоящую войну уже не один год. Во всяком случае, все время, истекшее после Аравсиона. Доказательств у меня нет, зато я знаю, что собой представляет Квинт Поппедий Силон. Это дает основания думать, что они ведут нешуточную подготовку к войне. Своих юношей они начинают учить ратному делу с семнадцатилетнего возраста. И что такого? Разве можно осуждать их за то, что они готовят для нас солдат? Кто усомнится, что оружие и снаряжение они собирают, чтобы поставить легионы по первому требованию Рима?

Марий налег локтями на стол.

– Что ж, Марк Ливий, остается надеяться, что ты ошибаешься. Ведь одно дело – крушить силой римских легионов варваров и чужестранцев, и совсем другое – биться с италиками, которые не менее воинственны, чем римляне, и обучены ничуть не хуже нас. Италики будут самым нашим грозным врагом – как это уже бывало в далеком прошлом. Вспомни, как часто бивали нас самниты! В конце концов мы одерживали победу; но ведь Самний – только часть Италии! Война против объединившейся Италии может означать нашу гибель...

– Вот и я о том же, – кивнул Друз.

– Итак, в наших интересах всячески содействовать мирному объединению италиков под эгидой Рима, – решительно высказался Рутилий Руф. – Раз они этого хотят, то пускай и получают. Я никогда не был ярым приверженцем предоставления гражданских прав жителям всей Италии, но благоразумия еще не утратил: как римлянин – я еще могу возражать, но как патриот вынужден смириться. Гражданская война нас погубит.

– Ты совершенно уверен в том, что говоришь? – грозно спросил Марий Друза.

– Совершенно, Гай Марий.

– В таком случае полагаю, тебе следует не мешкая искать встречи с Квинтом Силоном и Гаем Мутилом, – сказал Марий. – Попробуй убедить их – и в их лице остальных предводителей италиков, – что, невзирая на *lex Licinia Mucia*, путь к гражданству для их соотечественников не закрыт навечно. Если они активно готовятся к войне, тебе не уговорить их бросить это дело. Но попробуй внушить им, что столь ужасное средство следует прибегать для самой отчаянной

ситуации; пока же лучше переждать. И ждать, ждать... Тем временем мы в сенате создадим фракцию сторонников предоставления гражданских прав италикам. Надо будет найти народного трибуна, который согласится, жертвуя всем, отстаивать закон о превращении всей Италии в римскую территорию.

– Этим народным трибуном буду я, – твердо заявил Друз.

– Превосходно! Тебя-то никто не сможет обвинить в демагогии и в заискивании перед третьим и четвертым классом. Ты уже вышел из возраста, в котором рвутся к этой должности, ты – человек зрелый и ответственный. Ты – сын консервативнейшего цензора, и единственный либеральный грешок, который за тобой водится, – это твоя хорошо всем известная симпатия к италикам, – с довольным видом проговорил Марий.

– Но пока повременим! – одернул его Рутилий Руф. – Сперва мы должны набрать сторонников, обеспечить себе поддержку во всех слоях римского общества. На это уйдут годы! Не знаю, обратил ли ты внимание, но сегодняшняя толпа перед Гостилиевой курией лишней раз подтвердила мое предположение: против италиков настроена не только верхушка. Это – один из вопросов, по странной прихоти судеб объединяющих Рим сверху донизу, включая неимущих, причем, если я не ошибаюсь, латиняне и те на стороне Рима.

– Все дело в чувстве исключительности, – согласился Марий. – Каждому нравится ставить себя выше италиков. Думаю даже, что это чванство больше распространено среди простонародья, чем среди знати. Нам стоит завербовать Луция Декумия!

– Кто это такой? – нахмурился Друз.

– Некто из низов, мой хороший знакомый, – усмехнулся Марий. – Однако среди себе подобных он пользуется авторитетом. Притом беззаветно предан моей свояченице Аврелии. Надо будет привлечь Аврелию, а уж она-то обеспечит его поддержку.

Друз нахмурился еще пуще.

– Сомневаюсь, чтобы тебе повезло с Аврелией, – буркнул он. – Ты заметил наверху, среди преторов, ее старшего брата, Луция Аврелия Котту? Он хлопал вместе с остальными. Как и его дядя – Марк Аврелий Котта.

– Не тревожься, Марк Ливий, она не так узколоба, как ее родственники-мужчины, – сказал Рутилий Руф с блаженной улыбкой. – У этой женщины своя голова на плечах, к тому же через мужа она связана с самой свободомыслящей ветвью Юлиев Цезарей. Не бойся, Аврелия будет с нами. А значит, и Луций Декумий.

Раздался негромкий стук в дверь. Перед мужчинами предстала Юлия, одетая в тончайшую ткань, приобретенную на Косе. Она, подобно Марию, выглядела загоревшей и стройной.

– Марк Ливий, дорогой! – Подойдя к Друзу сзади, она обняла его за шею и поцеловала в щеку. – Не стану усугублять твою скорбь своими слезами, но верь мне: я очень опечалена! Не забывай, что здесь тебе всегда рады.

Ее появление и искренняя симпатия, которую она испытывала к Друзу, принесли ему облегчение; ее соболезнования не бередили рану, а утешали. Он поймал ее руку и припал к ней губами:

– Спасибо, Юлия!

Она опустила в кресло, с готовностью подставленное Рутилием Руфом, и приняла из рук супруга чашу со слегка разбавленным вином, ничуть не сомневаясь, что ее присутствие среди мужчин будет кстати, хотя она еще с порога смекнула, что они обсуждают нечто важное.

– *Lex Licinia Mucia*, – догадалась она.

– Совершенно верно, сердечко мое, – кивнул Марий, глядя на супругу с обожанием; сейчас он любил ее даже больше, чем в первые годы, когда только женился. – Мы как будто все обсудили. Но все равно мне нужна твоя помощь – чуть позже мы вернемся к этой теме.

– Я сделаю все, что смогу, – ответила Юлия. Хлопнув Друза по руке, она с улыбкой добавила: – А ты, Марк Ливий, сам того не желая, испортил нам путешествие!

– Как же это меня угораздило? – Друз уже улыбался.

– Это моя вина, – сознался Рутилий Руф.

– Ты уже получил заочно причитающуюся тебе порцию лестных эпитетов, – молвила Юлия, окинув его негодующим взглядом. – Представляешь, Марк Ливий, твой дядя отправил нам в январе письмо в Галикарнас, где написал, что его племянница развелась с мужем, обвинившим ее в измене, и поделом: она родила рыжеволосого сына!

– Все так и было, – отозвался Друз, улыбаясь все шире.

– Да, но, видишь ли, у него есть еще одна племянница – Аврелия! Возможно, ты этого не знаешь, но одно время ходили слухи о ее связи с неким рыжеволосым мужчиной, который состоит сейчас старшим легатом при Тите Дидии в Ближней Испании. Прочтя это таинственное сообщение твоего дядюшки, мой муж вообразил, что речь идет об Аврелии. Тогда я настояла на немедленном возвращении, ибо поклялась собственной жизнью, что Аврелию с Луцием Корнелием Суллой может связывать разве что дружба. Вернувшись, мы узнали, что испугались не за ту племянницу. Публий Рутилий обвел нас вокруг пальца. – Она рассмеялась.

– Просто я по вам соскучился, – ответил Рутилий Руф без тени раскаяния.

– Родственники иногда причиняют ужасное беспокойство, – ответил Друз. – Но должен признаться, что Марк Порций Салониан оказался куда симпатичнее Квинта Сервилия Цепиона. С ним Ливия Друза обрела счастье.

– Вот и хорошо, – молвила Юлия.

– Да, – отозвался Друз, – еще как хорошо.

За время, прошедшее между первым чтением *lex Licinia Mucia* и его почти единогласным утверждением в трибах, Квинт Поппедий Силон ни единого дня не сидел на месте. О новом законе он узнал от Гая Папия Мутила в Бовиане.

– Значит, война, – сказал он невозмутимо.

– Боюсь, что так, Квинт Поппедий.

– Мы должны созвать на совет всех вождей.

– Они уже предупреждены.

– Где назначен сбор?

– Там, куда римлянам не придет в голову сунуться, – в Грументе. Через десять дней.

– Отлично! Внутренняя Лукания – как раз то место, о котором не помыслит ни один римлянин. Там на расстоянии целого дня пути нет ни римских землевладельцев, ни латифундий.

– Как и римских граждан, что еще важнее.

– Но как избавиться от случайных римлян, если таковые объявятся? – спросил Силон, нахмурившись.

– Марк Лампоний все продумал, – ответил Мутил, чуть заметно улыбаясь. – Лукания – разбойничий край. Случайных римлян станут отлавливать тамошние разбойники. После завершения совета Марк Лампоний покроет себя славой, добившись их освобождения без выкупа.

– Неглупо! Когда отправляешься туда ты сам?

– Через два дня.

Мутил с Силоном рука об руку прошествовали в сад-перистиль большого и богатого дома Мутила: подобно Силону, Мутил был человеком состоятельным, прекрасно образованным и обладал хорошим вкусом.

– Расскажи-ка мне, Квинт Поппедий, как прошло твое путешествие в Италийскую Галлию.

– Я удостоверился, что Квинт Сервилий Цепион воплотил в жизнь свои планы, которые он излагал в моем присутствии два с половиной года назад. Россыпь чистеньких городков в верховьях реки Медоак за Патавием и вдоль рек Сонтий и Натизон за Аквилеей. Часть пути из Норей, что в Норике, железо доставляется по суше, но в основном по воде – по одному

из рукавов Дравы, а потом волоком на Сонтий и Тилиавент, откуда вновь по воде до места назначения. Я выдавал себя за римского *praefectus fabrum* и платил наличными, которые все буквально рвали у меня из рук. Я не скупился, но и работали мастеровые без отдыха, торопясь выполнить заказ. Я оказался для них первым крупным заказчиком, и они будут счастливы и впредь изготавливать оружие и доспехи для меня одного.

Мутил насторожился.

– Ты уверен, что не переборщил, изображая римского префекта? – спросил он. – Что, если за тобой следом явится настоящий префект? Он поймет, что идет по пятам самозванца, и уведомит Рим.

– Не беспокойся, Гай Папий, я умело замел следы. Пойми, благодаря мне этим новым поселениям нет нужды искать заказчиков. Римские заказы распределяются в проверенных местах – Пизе, Популонии. Из Патавия и Аквилеи наше оружие может попасть по Адриатике в итальянские порты, которыми не пользуются римляне. Римляне ни за что не пронюхают о наших грузах и не узнают, что восточная часть Итальянской Галлии занимается изготовлением оружия. Римляне действуют на западе, на Тусканском море.

– Может ли восточная часть Итальянской Галлии произвести еще больше оружия?

– Вполне! Чем больше они будут его производить, тем больше кузнецов устремятся туда. Надо отдать должное Квинту Сервилию Цепиону: его проект блестяще удался.

– Кстати, как насчет Цепиона? Ведь он италика не друг!

– Слишком себе на уме! В его планы не входит оповещать о своих делишках Рим – ведь так он пытается распахнуть по углам золото Толозы! Он умело оградил себя от сенаторского любопытства и не станет изучать ничего, кроме бухгалтерских книг. На своих предприятиях он нечастый гость. Я был поражен, когда в нем проявился этот талант: в остальном он, несмотря на благородную кровь, вовсе не блещет умом. Нет, Квинт Сервилий Цепион не доставит нам хлопот. Пока ему в карман падают сестерции, он будет покоен и счастлив.

– Значит, основная наша цель – добыть побольше денег! – Мутил скрипнул зубами. – Клянусь всеми богами Италии, Квинт Поппедий, я и мои соплеменники испытаем огромное удовлетворение, когда сотрем Рим и римлян с лица земли!

Однако уже на следующий день Мутилу пришлось мириться с присутствием римлянина: в Бовиан прибыл Марк Ливий Друз, напавший на след Силона и желавший сообщить ему свежие новости.

Разговаривая с Силоном, Друз все же ощущал себя не в своей тарелке: Бовиан был известен как гнездо бунтарей. Оставалось надеяться, что его появление здесь не будет замечено недругами.

– Сенат назначает судей для особых комиссий.

– Неужели они всерьез задумали претворить в жизнь положения *lex Licinia Mucia*? – спросил Силон, отказывавшийся верить в худшее.

– Задумали, – мрачно ответил Друз. – Я прибыл, чтобы предупредить: у тебя остается шесть нундин, чтобы постараться смягчить удар. К лету комиссии начнут работу и повсюду появятся объявления, расписывающие выгоды доноительства. Алчные людишки смогут зарабатывать по четыре, восемь, двенадцать тысяч сестерциев; кто-то основательно разбогатеет. Я согласен, что это позор, но весь народ – да-да, и патриции, и плебс! – утвердили проклятый закон почти единогласно.

– Где будет ближайшее место заседания суда? – спросил Мутил, скривившись.

– В Эсернии. Местами заседаний назначены римские или латинские колонии.

– Еще бы, куда же им еще сунуться!

Повисло молчание. Ни Мутил, ни Силон ни словом не обмолвились о войне, что встревожило Друза гораздо сильнее, чем если бы они обсуждали ее не таясь. Он знал, что вокруг плетутся заговоры, и угодил в безвыходное положение: Друз был слишком предан Риму, чтобы

не выдать мятежников, прознай он о них, но одновременно дружба с Силоном препятствовала ему выпытывать что-либо о заговоре. Приходилось тщательно следить за каждым своим словом.

– Что ты нам предлагаешь предпринять? – спросил у него Мутил.

– Я уже сказал: приложить максимум усилий, чтобы смягчить удар. Убедить всех жителей римских и латинских колоний, безосновательно объявивших себя гражданами, в необходимости спасаться бегством. Им не захочется покидать обжитые места, но вы должны использовать всю силу убеждения! Если они останутся, их ждут бичевание, штраф, поражение в правах и выселение.

– Но это же чушь! – вскричал Силон, сжимая кулаки. – Пойми, Марк Ливий, так называемых лжеграждан слишком много! Риму придется прикинуть, сколько у него объявится врагов, а уж потом действовать согласно новому закону. Одно дело – задать кнута италику здесь, италику там, и совсем другое – подвергнуть экзекуции целые деревни, не говоря уже о городах! Это безумие! Страна не покорится, клянусь!

Друз зажал ладонями уши и в отчаянии покачал головой:

– Не произноси таких слов, Квинт Поппедий! Умоляю, ни единого слова, которое я мог бы расценить как измену! Ведь я не перестал быть римлянином! Я здесь с одной целью – помочь тебе по мере сил. Не втягивай меня в дела, которые, как я искренне надеюсь, не принесут плодов. Лучше заставь всех лжеграждан покинуть те места, где их ждет разоблачение, если они не уйдут сами. Причем сделай это немедленно, пока они могут спасти хоть какие-то средства, вложенные в римском или латинском поселении. Не важно, что о причине их отъезда будут знать все до единого: главное, чтобы они оказались достаточно далеко, там, где до них не доберутся. Вооруженных ополченцев слишком мало, к тому же они будут заняты охраной судей; им недосуг кидаться в погоню. Тебе есть на что уповать – на всегдашнюю нерешительность, которая охватывает сенат всякий раз, когда речь идет о тратах. В сложившейся ситуации это тебе на руку. Уведи своих людей! И позаботься, чтобы италики заплатили Риму все подати. Никто не может быть освобожден от уплаты податей на основании подложного гражданства.

– Мы так и поступим, – молвил Мутил, который, будучи самнитом, знал, как беспощадно мстят римляне. – Мы уведем людей на родину и станем приглядывать за ними.

– Хорошо, – успокоился Друз. – Уже одно это уменьшит число жертв. – Он опять заерзал на стуле. – Мне нельзя здесь оставаться, я должен уехать до полудня и добраться до наступления темноты до Касина, где пребывание Ливия Друза вызовет меньше подозрений, нежели в Бовиане. Там у меня, по крайней мере, есть земля.

– Так торопись! – воскликнул Силон. – Не хватало только, чтобы тебя обвинили в измене! Ты поступил с нами как истинный друг, и мы очень ценим это.

– Сейчас исчезну. – Друз нашел в себе силы улыбнуться. – Сперва дайте мне слово, что не начнете войну, пока есть иные пути. Я еще не утратил надежду на мирное решение проблемы, тем более что в сенате у меня нашлись могущественные единомышленники. Гай Марий вернулся из далекого путешествия; мой дядя Публий Рутилий Руф тоже принял вашу сторону. Клянусь, вскоре я постараюсь занять должность народного трибуна и уж тогда проведу через народное собрание закон о предоставлении равных прав всем жителям Италии. Сейчас из этого ничего не вышло бы: сперва надо заручиться поддержкой влиятельных людей в Риме, особенно в среде всадников. Возможно, *lex Licinia Mucia* еще сослужит вам добрую службу. Разобравшись, к каким последствиям он ведет, многие римляне станут относиться к италикам с большей симпатией. Конечно, путь этот болезненный и дорогостоящий, однако на этом пути среди вас появятся герои, которыми вы будете гордиться. Поэтому я голосую за.

Силон проводил его до коновязи. Друз сел на свежего коня из конюшни Мутила; тут выяснилось, что он путешествует в одиночестве.

– Марк Ливий, ехать одному очень опасно! – всполошился Силон.

– А иметь попутчика, даже раба, и того опасней, – возразил Друз. – Люди любят судачить, а я не могу дать Цепиону повод обвинять меня в плетении заговоров в Бовиане.

– Даже притом что никто из нас, предводителей италиков, не зарегистрировался как гражданин, я не смею сунуться в Рим, – проговорил Силон, глядя снизу вверх на Друза, голова которого, подсвеченная сзади солнцем, украсилась нимбом.

– Вот и не суйся, – усмехнулся Друз. – Ведь в нашем доме засел соглядатай.

– Юпитер! Ты распял его?

– На беду, мне приходится делить с ним, то есть с ней, кров: это моя девятилетняя племянница Сервилия, дочь Цепиона, – вся в отца! – Друз залился краской. – Выяснилось, что, когда ты гостил у нас в последний раз, она зашла в твою комнату, – вот почему у Цепиона появились основания назвать Гая Папия одним из инициаторов массовой лжерегистрации! Можешь сообщить ему об этом, чтобы и он знал, как итальянский вопрос разделил Рим. Нам следует добиться мирного объединения всех народов, населяющих полуостров. В противном случае ни Рим, ни италики не смогут двигаться вперед.

– А ты не можешь отослать эту негодницу к ее папаше? – спросил Силон.

– Он знать ее не желает – даже за такое вероломство по отношению к моим гостям, – хотя она, наверное, надеялась, что после этого подвига он сменит гнев на милость. Я засадил ее под замок, но она все равно может сорваться с поводка и броситься к своему родителю. Так что лучше не показывайся вблизи Рима и моего дома. Если тебе понадобится срочно увидеться со мной, пошли записку, и мы встретимся в укромном месте.

– Согласен. – Уже занеся ладонь, чтобы хлопнуть скакуна Друза по спине, Силон вспомнил, что хотел сказать еще кое-что. – Передай от меня сердечный привет Ливии Друзе, Марку Порцию и, разумеется, дорогой Сервилии.

Друз посерел. Конь, повинувшись шлепку, поскакал прочь. Друз успел крикнуть через плечо:

– Она умерла! О, как мне ее недостает!

Quaestiones – специальные комиссии, созданные в соответствии с *lex Licinia Mucia*, – начали работать в Риме, Сполетии, Косе, Фирме-Пиценском, Эсернии, Альбе-Фуценции, Капуе, Регии, Луцерии, Пестуме и Брундивии; предполагалось, что, покончив с делами там, суды переберутся в другие центры. Комиссии не было только в Лации.

Вождам италиков, собравшимся в Грументе спустя неделю после встречи Силона и Мутила с Друзом в Бовиане, удалось вывести почти всех лжеграждан из римских и латинских колоний. Некоторые, разумеется, отказывались верить в худшее; другие, все понимая, просто не могли помыслить об отъезде из обжитых мест. На них-то и обрушились *quaestiones*.

Помимо председателя-консуляра и двоих сенаторов-судей, в каждой комиссии имелись писцы, по двенадцать ликторов (председатель был равен проконсулу) и по сотне вооруженных конных ополченцев из отставных кавалеристов и бывших гладиаторов, способных управлять лошадьми, пущенными в галоп.

Отбор судей происходил по жребию. Ни Гай Марий, ни Публий Рутилий Руф не попали в их число, чему не приходилось удивляться: видимо, их деревянных шариков даже не оказалось в закупоренном кувшине с водой, так что они никак не могли вылететь наружу через дырочку, когда кувшин встряхивали.

Квинт Лутаций Катул Цезарь вытянул Эсернию, великий понтифик Гней Домиций Агенобарб – Альбу-Фуценцию; принцепс сената Скавр не попал в число «счастливиц» – в отличие от Гнея Корнелия Сципиона Назики, которому достался Брундивий, что повергло его в уныние. Метелл Пий Свиненок и Квинт Сервилий Цепион оказались среди помощников, равно как и шурином Друза – Марк Порций Катон Салониан. Сам Друз тоже остался без должности,

что несказанно обрадовало его, ибо в противном случае ему пришлось бы взять самоотвод, поскольку этого требовала его совесть.

– Кто-то не побрезговал сплутовать, – поделился с ним догадкой Марий. – Если бы у них была голова на плечах, то им следовало бы, наоборот, сделать так, чтобы ты вытянул жребий и был вынужден сам разоблачить себя. В нынешней ситуации это не пошло бы тебе на пользу.

– В таком случае я рад, что они безголовые, – весело отозвался Друз.

Цензору Марку Антонию Оратору выпало председательствовать в *quaestio* в самом городе Риме. Это пришлось ему по душе, поскольку он знал, что найти нарушителей здесь будет куда труднее, нежели в провинции, где наблюдалась массовая подложная регистрация, а он любил головоломки. Кроме того, он предвкушал, как заработает на штрафах многие миллионы сестерциев; осведомители уже сбегались к нему со всех сторон, волоча длинные списки.

Количество уличенных зависело от места. Скажем, Катулу Цезарю очень не понравилось в Эсернии – городе, расположенном в сердце Самния, где Мутил уговорил бежать почти всех, не считая горстки самых недоверчивых, и где римские граждане и латиняне не могли сообщить ему никаких сведений. О том, чтобы самниты выдавали соплеменников, даже за большие деньги, не могло идти и речи. Поэтому с оставшимися пришлось расправиться в показательном порядке (во всяком случае, как это понимал Катул Цезарь): председатель суда нашел среди охранников особенно жестокого человека, которому и поручил наказывать виновных кнутом. Но даже такое развлечение не сделало пребывание в Эсернии менее скучным, поскольку закон предписывал разбираться с каждым новым «гражданином» по отдельности. Время чаще всего тратилось впустую: оказывалось, что очередной вызванный более здесь не проживает. Ответчик появлялся перед судом всего раз в три-четыре дня – встречи, которых Катул Цезарь просто жаждал. Трусость не была в числе его недостатков, и он не обращал внимания на гневный ропот и злобное шипение, встречавшие его повсюду, а также на открытые проявления ненависти, обращенные не только против него, но и против его судей, писцов и ликторов и даже людей из охраны. Всадники то и дело оказывались на земле из-за оборванных постромок, питьевая вода портилась, все насекомые и пауки Италии собрались в одном месте – там, где квартировали члены суда с присными, змеи облюбовали их сундуки и постели. Повсюду находили кукол, обернутых в окровавленные, вываленные в перьях тоги, а также дохлых цыплят и кошек. Пищевые отравления стали случаться настолько часто, что председатель суда ввел обычай насильственно кормить рабов за несколько часов до того, как принимал пищу сам, а также выставять при съестном караул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.